

СЕБАСТИАН
БРАНТ

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

СЕБАСТИАН БРАНТ
КОРАБЛЬ ДУРАКОВ
ГАНС САКС
ИЗБРАННОЕ

ГАНС
САКС

ИЗБРАННОЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. АНИКСТ

Н. БАЛАШОВ

Ю. ВИППЕР

М. КЛИМОВА

Н. ЛЮБИМОВ

А. МИХАЙЛОВ

Б. ПУРИШЕВ

Б. СТАХЕЕВ

Н. ТОМАШЕВСКИЙ

Д. УРНОВ

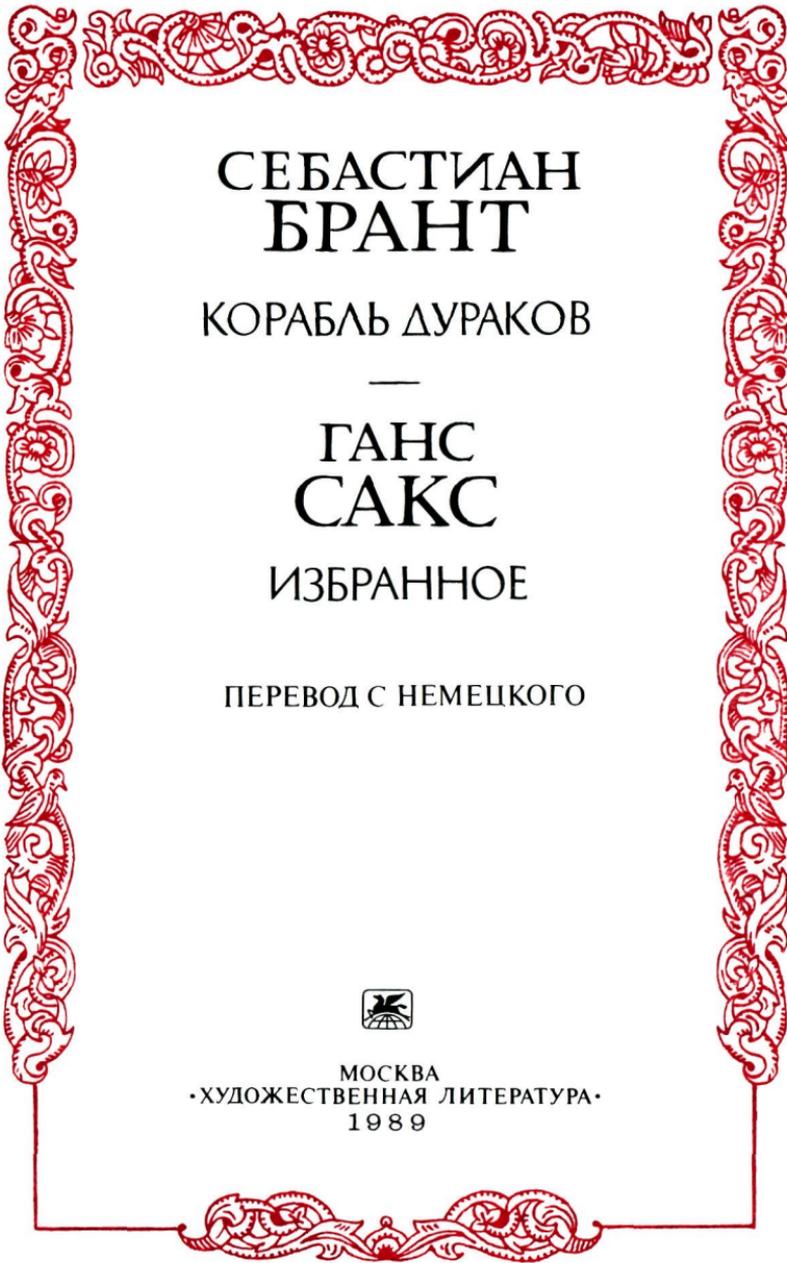

Ad Haragom
Gaudemus omnes

SEBASTIAN
BRANT
NARRENSCHIFF
—
HANS
SACHS
AUSGEWÄHLTE WERKE

МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1989

СЕБАСТИАН
БРАНТ

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

—

ГАНС
САКС

ИЗБРАННОЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

МОСКВА
• ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА •
1989

ББК 84.4Г
Б87

Предисловие

Б. ПУРИШЕВА

Комментарии

Е. МАРКОВИЧ и А. ЛЕВИНТОНА

Иллюстрации

АЛЬБРЕХТА ДЮРЕРА,
ГАНСА САКСА

и неизвестных художников XVI века

Оформление художника

Д. ШИМИЛИСА

Б $\frac{4703010200-248}{028(01)-89}$ 113-89

ISBN 5-280-00639-4

© Состав, предисловие, переводы,
отмеченные в содержании*,
оформление. Издательство
«Художественная литература»,
1989 г.

СЕБАСТИАН БРАНТ И ГАНС САКС

С конца XV века, наряду с другими европейскими странами, Германия вступила в ту «великую эпоху», которую, по словам Ф. Энгельса, немцы обычно называют «реформацией», французы — ренессансом, а итальянцы — чинквеченто и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований»¹. Подошло время большого духовного подъема. Молодой немецкий гуманизм быстро приобретал европейскую известность. В XVI веке здесь начали появляться «титаны по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености», столь характерные для эпохи Возрождения.

Этот замечательный подъем культуры и литературы был прежде всего обусловлен быстрым подъемом немецких городов, а также могучим размахом освободительного антифеодального движения, захватившего Германию в первые десятилетия XVI века. Не следует упускать из виду того, что именно в Германии в XVI веке разыгрался первый акт европейской буржуазной революции, имевшей огромное международное значение. По словам Ф. Энгельса, «реформация — лютеранская и кальвинистская — это буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода»². И хотя революция в Германии окончилась неудачей, в значительной мере

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1952, с. 3.

² Там же. О реформации и крестьянской войне в Германии. Архив Маркса и Энгельса, т. X, 1948, с. 356.

благодаря нерешительности бюргерства, а также разобщенности всех оппозиционных сословий, она все же до основания всколыхнула страну, поставив перед немецким обществом ряд важнейших политических, социальных и идеологических задач.

Что же представляла собой Германия накануне Реформации? В XIV и XV веках значительного подъема достигла немецкая промышленность, главным образом горная, металлургическая и текстильная. Городское цеховое ремесло, обслуживавшее широкий рынок, заняло место феодальных местных сельских промыслов. Земледелие выходило из своего примитивного средневекового состояния. Больших успехов добилась торговля. Несмотря на великие географические открытия, торговый путь из Индии на Север все еще проходил через Германию. В начале XVI века в Германии было немало богатых и могущественных городов.

Однако экономическое развитие Германии было крайне неравномерным. Общий подъем национального производства Германии отставал от экономического роста других стран. Население Германии продолжало оставаться довольно редким. Цивилизация в стране «существовала лишь местами, сосредоточиваясь вокруг отдельных промышленных и торговых центров», интересы которых были далеки друг от друга.

Огромного могущества достигли имперские князья, среди которых было много католических прелатов. Почти независимые от императора, они обладали большинством суверенных прав. Они вели войны, созывали ландтаги, чеканили монету, облагали население налогами и т. п. И чем сильнее становились князья, тем слабее становилась Германия. Их успехи неизбежно являлись успехами феодального партикуляризма, несовместимого с историческим прогрессом. Последующие несчастья Германии в значительной мере обуславливались ее политической раздробленностью.

По мере того как укреплялась мощь крупнейших феодалов-князей, заметно ухудшалось положение мелкого дворянства — рыцарства. Прогресс в области военного дела лишал рыцарство его бывшего военного значения. Развитие товарно-денежных отношений подрывало его материальную основу. Мелкое дворянство беднело и с раздражением относилось к привольной жизни откормленных католических епископов и

аббатов, владевших обширными земельными угодьями. Разбой на больших дорогах, к которому рыцари охотно прибегали, не мог, конечно, вернуть им бывшего положения. Поэтому рыцарство с каждым годом все более усиливало эксплуатацию зависимого крестьянства. Положение народных масс стало совершенно невыносимым. В стране накопилось такое количество горючего материала, что достаточно было одной искры, чтобы вспыхнул гигантский пожар.

Огромную роль в подготовке решающих событий сыграла также и ненависть широких общественных кругов Германии к католической церкви. Пользуясь политической слабостью Германии, папский Рим, алчность которого в эпоху первоначального накопления безмерно возросла, открыто хозяйничал в стране. В ход были пущены разнообразные средства, чтобы вырвать у населения последний пфенниг и умножить доходы церкви. Такое положение дел восстанавливало против католической церкви и ее феодальной верхушки самые различные слои тогдашнего немецкого общества. Дворянство надеялось за счет церковных владений поправить свои дела, пришедшие в крайний упадок. Народ имел все основания горячо ненавидеть князей католической церкви и ораву тучных монахов, выжимавших из него семь потов. Бюргеры тяготились чрезмерно «дорогой» церковью и даже часть имперских князей примкнула к оппозиции католицизму. К тому же патриотические элементы Германии, стремившиеся к политическому объединению страны, видели в папском Риме врага немецкого единства, иноземного хищника, прямо заинтересованного в ослаблении германской державы.

Атмосфера быстро накалялась. И достаточно было выступления Лютера в 1517 году, чтобы вспыхнула реформация, которую Ф. Энгельс рассматривает, как первую из трех крупных решающих битв, в которых «великая борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения...»¹.

Таково было в общих чертах положение Германии в начале XVI века. Было оно очень сложным и противоречивым. Наряду с экономическим подъемом и ростом городов в стране

---

¹ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке, 1952, с. 16.

все больше усиливалась феодально-крепостническая реакция, а также возрастал гнет римско-католической церкви. Церковная реформа была только частью более широкой социально-политической реформы, к которой стремились разнородные силы, принимавшие участие в реформационном движении. В сущности, важнейшей исторической задачей, которая стояла перед Германией в XV и XVI веках, являлась задача национально-политического объединения страны. А так как в раздробленности, а следовательно в политическом ослаблении Германии, был заинтересован папский Рим, то борьба против папского Рима приобретала глубокий патриотический смысл.

Это своеобразие исторической обстановки в Германии объясняет, почему именно в Германии, экономически более слабой, разыгрался первый акт европейской буржуазной революции. Однако те причины, которые поощряли в Германии борьбу за единство, порождали слабость немецкого бюргерства. Оно не смогло возглавить борьбу всех бунтарских элементов: плебеев в городе, низшего дворянства и крестьян в деревне. Тем большее значение в развитии освободительного движения приобретали народные массы, которым удалось придать Реформации могучий революционный размах. Именно крестьянское восстание, образующее критический эпизод Реформации, являлось, по словам Ф. Энгельса, «высшей точкой революционного движения того времени».

Феодальные власти еще в начале XV века хорошо понимали, какую огромную опасность может представить для них мятежное крестьянство, если оно выступит не изолированно, но в тесном контакте с другими элементами оппозиции.

Тревога властей росла по мере того, как углублялся кризис германской феодальной монархии, и в городах и в рыцарских кругах ширилась оппозиция против территориальной системы. Тревога эта не была напрасной. Развитие событий показало, что борьба за свободу народа в Германии неизбежно превращалась в борьбу против княжеского самодержавия, которое являлось в империи основным оплотом феодально-крепостнической реакции. Оппозиционные круги все настойчивее выдвигали идею политического объединения Германии. Они призывали к коренной реконструкции имперских порядков: к устранению территориальной системы и феодальной раздроб-

ленности, а следовательно, к уничтожению «паршивого княжеского суверенитета», к усилению центральной государственной власти, которая должна прежде всего опираться на имперские города, к уничтожению всякого рода феодальных вольностей и привилегий, в той мере, в какой эти вольности и привилегии противоречат общегосударственным интересам, к упразднению крепостного права и, наконец, к обузданию католической церкви и конфискации церковных владений.

Итак, Германия стояла на пороге больших событий. Понятно, что немецкая литература конца XV и начала XVI веков не могла оказаться в стороне от жизни страны. Сложность и противоречивость социальной обстановки, широкие народные движения, углубление кризиса феодальной империи — все это накладывало на нее характерный отпечаток.

В начале XVI века немецкая литература была преисполнена творческих сил. Она все более приобретала воинствующий антикатолический и антифеодальный характер. В ней слышались голоса самых различных социальных группировок, принимавших участие в религиозно-политической борьбе того времени.

Это было время больших масштабов, больших дерзаний, больших надежд. Всеобщее внимание было приковано к судьбам отчины. Рушились вековые устои средневековья. Поэтому комнатно-интимная поэзия не отвечала требованиям времени. Литература искала для себя обширного поприща. Писатели охотно выходили на площадь и обозревали многолюдную толпу людей. Они любили на страницах своих творений устраивать шумные сатирические карнавалы, участниками которых являлись представители всех сословий. Они звали на суд правды все существующее.

Такая литература не могла пройти мимо народа, тем более что и к жизни она была вызвана прежде всего подъемом демократического движения. Многие произведения немецкой литературы XV—XVI веков не только прямо обращались к демократическому читателю, но и отражали воззрения, чаяния и вкусы многочисленных простых людей, наполнявших города и села Священной Римской империи. Поэтому литература, которую обычно называют бюргерской, нередко являлась собственно народной в широком смысле этого слова. Она и созда-

валась при непосредственном участии скромных тружеников, подчас представляя собой литературную обработку различных фольклорных произведений. Даже ученые-гуманисты, гордившиеся тем, что они пишут на классическом языке Цицерона и Квинтилиана, прислушивались к голосу народа. В их произведениях то и дело возникали образы и мотивы, почерпнутые из народного обихода.

Это свидетельствует о том, что в эпоху Реформации в Германии демократические массы играли огромную роль не только в политической, но и в эстетической сфере, что именно они были главным застрельщиком прогресса, а посему любое значительное произведение, созданное прогрессивным автором, в той или иной мере становилось народным. Отсюда и устойчивость литературных жанров, возникших в свое время в демократической среде (шванк, фастнахтшпиль¹ и др.); и пристрастие к площадной буффонаде, скоморошескому комизму, к карнавальным маскам; и плебейский задор «народных книг»; и грубоватый лубочный реализм многих произведений.

Все это позволяет рассматривать немецкую литературу XV—XVI веков (при всех ее слабостях и недостатках) как выражение культуры эпохи Возрождения, которая своими корнями прочно уходила в толщу народной жизни.

К числу наиболее ярких и самобытных представителей немецкого Возрождения несомненно принадлежали автор популярной сатиры «Корабль дураков» (1494) ученый-гуманист Себастиан Брант и трудолюбивый башмачник Ганс Сакс, написавший множество стихотворных произведений на различные темы, воплотивших в себе дух немецкого бюргерства периода Реформации.

Себастиан Брант родился в 1457 или 1458 году в Страсбурге в семье зажиточного трактирщика. Высшее образование он получил в Базельском университете, где штудировал юриспруденцию и другие науки. Со временем он стал профессором канонического и римского права в названном универси-

---

¹ Ш в а н к — обычно шуточный стихотворный или прозаический рассказ, зачастую нравоучительного или сатирического характера, в основе которого лежит какая-нибудь занимательная проделка; ф а с т н а х т ш п и л ь (масленичное представление) — веселый народный фарс.

тете. Одновременно он занимался адвокатской практикой, которая давала богатую пищу его пронизательному уму.

В конце 1499 года Брант вернулся в Страсбург. Здесь он достиг высокого служебного и общественного положения и умер в 1521 году.

Подобно другим гуманистам Брант свободно владел латинским языком. Он был весьма начитан в древних авторах, высоко их ценил, а Вергилия даже называл своим лучшим другом. Однако в отличие от многих образованных современников, которые горделиво драпировались в классические одежды и считали себя прежде всего гражданами республики ученых, он не пожелал ради латинского красноречия пренебречь языком немецким. Он справедливо полагал, что писатель только тогда выполняет свой гражданский долг, когда он обращается ко многим, что немцы не должны свою родную литературу приносить в жертву классической филологии. Поэтому лучшее свое произведение — стихотворную сатиру «Корабль дураков» — он пишет на родном немецком языке. Книга сразу же приобрела огромную популярность. До конца XVI века она выдержала двадцать шесть изданий. Вскоре после ее выхода в свет она была переведена на французский язык, а затем на языки голландский и английский. В 1497 году появился латинский перевод, сделанный учеником Бранта гуманистом Якобом Лохером. В таком виде «Корабль дураков» стал достоянием всей образованной Европы. Ни одно из более ранних произведений немецкой литературы не имело такого широкого, поистине международного успеха. Книга вызвала ряд подражаний. С очень явными отзвуками брантовской сатиры встречаемся мы в «Похвале глупости», сатирическом памфлете великого голландского гуманиста Эразма Роттердамского. Этот огромный успех «Корабля дураков» в значительной мере обусловлен тем, что сатира Бранта отлично уловила веяния времени. Во второй половине XV века Германия, о чем уже сказано выше, вступила в эпоху Возрождения. Оплотом новой культуры становились немецкие города, достигшие в XV веке большого расцвета. Схоластика начала отступать под натиском развивавшегося гуманизма. Привычные средневековые воззрения утрачивали власть над умами многих людей.

Не стояла в стороне от жизни и бюргерская художественная литература. Во многом она еще была связана с традици-

ями средних веков. Ученые-гуманисты, презиравшие все средневековое как варварское, предпочитали писать свои произведения на языке классического Рима. Зато литература на немецком языке была доступна широким читательским кругам. К ним она обращалась, с ними вела серьезный разговор. При этом через всю немецкую художественную литературу XV века проходит мысль о том, что мир нуждается в решительном обновлении, что в нем накопилось чрезмерно много пороков, что дальше так продолжаться не может. Писатели то и дело вздымают бич сатиры, стремясь выбить как можно больше пыли и грязи из немецкой жизни. Одна сатирико-дидактическая поэма следует за другой. Их наполняют образы многочисленных представителей самых различных профессий, сословий и нравственных состояний. Такие сатирико-дидактические поэмы, или «зеркала», были в то время весьма распространены. «Корабль дураков» непосредственно примыкает к ним.

Нельзя отрицать того, что во многом сатира Бранта достаточно старомодна. Вместе с тем она уже не принадлежит средним векам. При всей ее «готической» старомодности она все-таки гораздо ближе гуманистической сатире Эразма Роттердамского, чем таким сатирическим поэмам, как, например, анонимные «Сети дьявола» (1414—1418). Книга Бранта появилась на заре немецкого Ренессанса, когда повсюду в Германии зеленели обильные всходы гуманизма. И была она одним из наиболее самобытных созданий немецкой гуманистической литературы, произведением с ярко выраженным национальным колоритом. Брант не подражал ни античным поэтам, ни итальянцам. Он пошел по пути, которым шли до него многие немецкие поэты. Это помогло ему без труда найти общий язык с массой читателей. Немецкий читатель уже привык к тому, что сатирики и дидактики с высоты своей поэтической кафедры внимательно обозревали толпы недостойных, осмеивая их и бичуя. Однако в «Корабле дураков» было нечто существенно новое.

Дело в том, что сатирики позднего средневековья неизменно подходили к жизни с теологическим критерием, повсюду видя либо грех, достойный осуждения, либо благочестие, достойное похвалы. Так было, например, в анонимной поэме «Сети дьявола», в которой дьявол, этот «палач господень», улавливает в сети души грешников. В отличие от своих пред-

шественников, Себастиан Брант подошел к жизни с иным, по существу гуманистическим, критерием. Все темное, уродливое, несправедливое он рассматривал как проявление человеческого неразумия. И он звал мир на суд нелицеприятного разума. Уже не грешники, а глупцы наполняют его сатиру. Поэт перестал быть церковным проповедником. Он превратился в обличителя человеческой глупости, которая ведет мир по ложному пути и которая до тех пор будет процветать на земле, пока яркий свет разума не рассеет глубокого невежества и неразумия. Поэтому сатирик должен поставить перед людьми огромное зеркало, в котором все могут увидеть свое подлинное обличие. Дураки увидят себя без всяких прикрас и поймут, что они клеветы госпожи Глупости.

Так и поступает сам Себастиан Брант. Его книга — это обширное «зеркало» дураков. Поэт стремится собрать все известные ему виды «глупости». А чтобы избавить мир от шумной ватаги дураков, он погружает их на корабль, отъезжающий в страну Глупости — Глупландию.

Подобная концепция, не лишённая, разумеется, наивности, как и все просветительские концепции, в эпоху Возрождения встретила весьма сочувственный прием. На рубеже XV и XVI веков, в преддверии Реформации, книга Бранта была воспринята как большое событие литературной и общественной жизни. Среди ее почитателей мы встречаем таких выдающихся гуманистов, как Ульрих фон Гуттен и Эразм Роттердамский. В книге многие услышали призыв очистить страну от скверны нравственной и социальной.

Впрочем, положительные идеалы Бранта вовсе не отличались радикализмом. Его, например, смущало возраставшее религиозное вольномыслие. Приближавшаяся Реформация скорее пугала, чем привлекала его. Он хорошо понимал, что страна шла навстречу грозным событиям: «Кораблик св. Петра сильно качается, я боюсь, как бы он не пошел ко дну, волны с силой бьют в него, будет большая буря и много горя». Вполне в духе времени он представлял себе эту приближающуюся социальную бурю в зловещих образах Апокалипсиса. Ведь примерно в те же годы гениальный немецкий художник Альбрехт Дюрер обнародовал цикл своих знаменитых гравюр «Апокалипсис» (1498), наполненных гулом грядущих потрясений. «Время близится! Близится время!» — восклицает поэт, и ему

уже кажется, что антихрист находится где-то совсем близко («Суд над антихристом»).

Это ощущение близкого Страшного суда, которое было свойственно многим в тот предреформационный период, проистекало из твердой уверенности в том, что мир погряз во зле и нуждается в решительном обновлении. Уверен был в этом и Брант, хотя это обновление представлялось ему скорее как процесс нравственный. Правда, его удручала государственная раздробленность Германии, в которой хозяйничали князья, усердно «ощипывавшие гуся» (то есть государство), и он мечтал о том, чтобы отчизна его стала наконец единой и прочной, но эту консолидацию страны он мыслил лишь как укрепление власти императора за счет власти территориальных князей. Однако ведь и другие гуманисты думали то же самое. Свои надежды возлагали они на императора Максимилиана I, видя в нем не только последнего рыцаря, но и первого гуманиста на троне. Максимилиан ценил их поддержку, в частности, поддержку Бранта, которого он впоследствии осыпал монаршими милостями.

Рассуждения Бранта об имперской реформе, лжепророках, сбивающих с толку народ, истинном благочестии и тому подобных вещах, можно думать, весьма занимали современников. Ведь все это были отклики на злобу дня. Однако для нас подобные места в книге немецкого гуманиста представляют интерес чисто исторический. Зато сатира Бранта до сих пор не утратила своей свежести и яркости. Подчас стрелы брантовской сатиры поражают цель, которая вовсе не так уж далека от нас. Не все пороки, на которые ополчался немецкий поэт, стигнули бесследно. Читая «Корабль дураков», мы вдруг с удивлением узнаем себя или наших современников в старомодных фигурах, увенчанных дурацкими колпаками. Между тем фигуры эти отнюдь не являются вневременными сатирическими схемами, как это нередко случалось у сатириков средних веков. Они исторически конкретны, тесно связаны с бытовой обстановкой — Себастиан Брант был незаурядным бытописателем. Он обладал завидным умением схватывать множество характерных деталей. Его «дураки» живут, мы их ясно видим. А иногда перед читателем возникают очень четкие жанровые зарисовки.

Себастиан Брант умеет находить все новые и новые об-

разцы «глупости». Под его пером быстро растет толпа дураков, оглашающих воздух нестройным звоном бубенцов. Кого здесь только нет! Сатирик не дает спуску ни мужчинам, ни женщинам, ни клирикам, ни мирянам, ни знатым, ни худородным, ни богатым, ни бедным. Начав свой труд «ради пользы» и «поощрения мудрости», «искоренения глупости» и «дурацких предрассудков», он не устает бродить по улицам и площадям, заглядывать в дома, храмы, мастерские, кабаки, дворцы, школы и прочие людные места и повсюду разыскивает и всюду находит обильный материал для своей сатиры.

Наиболее вредоносным пороком Брант считает себялюбие. Но оно становится особенно уродливым, когда соединяется с корыстолобием. В то время не он один с тревогой наблюдал за ростом этих пороков. На исходе средних веков, в период быстрого подъема городов и развития буржуазных отношений, резко бросался в глаза тот культ наживы, о котором писали многие сатирики и моралисты. Полагая первейшей обязанностью человека служение «общему благу», Брант не раз в «Корабле дураков» ополчается против тех, кто помышляет только о собственном благе и служит лишь ненавистному и ненасытному господину Пфеннигу. По словам поэта:

От сребролюбья спятил свет:
Все жаждут лишь монет, монет!

(«О нищенстве»)

Корыстолобие убивает дружбу («Об истинной дружбе»), любовь, справедливость, честность, простую порядочность. Ради наживы корыстолобцы идут на любой обман, любую подлость. Во имя барыша они способны пустить по миру сотни и тысячи людей («О фальши и надувательстве»). Ради денег молодые женятся на сварливых и злобных старухах, обрекая себя на вечные дразги и ссоры («О тех, кто женится на деньгах»). Корыстолобием заражены не только миряне, но и клир. Господин Пфенниг распоряжается в судах и ратушах. К его лукавым советам прислушиваются князья и другие большие господа, окружившие себя льстецами, клеветниками и мздоимцами («О дураках, облеченных властью»). Там, где торжествует эгоизм и корысть, там все начинает идти вкривь и вкось, там меркнут гражданские идеалы и распадается естественная связь людей. И поэт хочет внушить читателям мысль,

что нельзя личную пользу искать в стороне от пользы общей. В сатире «Об истинной дружбе» он говорит:

Кто себялюбью лишь послушен,
А к пользе общей равнодушен,
Тот — неразумная свинья:
Есть в общей пользе и своя!

Удрученный зрелищем торжествующего корыстолюбия, при котором достоинства человека измеряются одним лишь богатством, а ум, ученость и порядочность не имеют цены, Брант с сочувствием вспоминает о легендарном золотом веке, когда еще никто не знал, что такое «мое» и «твое», и на земле, свободной от алчности, царила добродетель («О презрении к бедности»).

Автору не безразлично, куда идет страна, куда идут люди. Многого он не понимает, его бюргерское мировоззрение во многом ограничено и даже подчас консервативно, но он искренне желает, чтобы свет разума воссиял наконец над миром и чтобы как можно больше людей плыло в гавань Мудрости. И мы верим поэтому, когда он заявляет, что не ради славы или денег, но на «благо миру» предпринял он свой труд («Извинение поэта»).

Для вразумления читателей Брант уснащает свою книгу множеством примеров и цитат, заимствованных из Библии и античности. В этом он примыкает к довольно устойчивой традиции сатирической литературы позднего средневековья. Только у Бранта чувствуется более основательное знание классической древности, характерное для ученых-гуманистов.

При этом, однако, Брант не был сухим и скучным педантом, как многие его ученые современники. Эрудиция ему была нужна лишь для того, чтобы сделать свои мысли более вескими и убедительными. Он не отгораживался от людей, не владевших классической филологией. Ведь в то время, когда почти все гуманисты Германии писали свои произведения на языке классического Рима, он осмелился написать «Корабль дураков» на языке немецком, да еще на языке бесконечно далеко от всяческого педантизма, удивительно ярком, непосредственном, изобилующем ядреными словечками, с которыми гораздо чаще встречаешься на рынках, площадях и в

харчевнях, чем в кабинетах высокоученых мужей. Разумеется, все это не могло не содействовать исключительной популярности книги.

Этой популярности содействовали также многочисленные гравюры на дереве, которыми книга была украшена. В последнее время почти все исследователи склоняются к тому, что автором большого числа иллюстраций был молодой Альбрехт Дюрер, который как раз находился в Базеле, когда там готовилось издание «Корабля дураков». Весьма вероятно, что, работая над иллюстрациями, Дюрер пользовался полезными советами Себастиана Бранта. Во всяком случае, Дюреру удалось создать настоящие шедевры книжной графики. Его иллюстрации примечательны еще и тем, что они не только помогают понять сатирический замысел поэта, но и во многом его дополняют, уточняют и развивают. Нередко они конкретизируют социальную и бытовую обстановку, не всегда очень ясно намеченную в книге. Сейчас уже невозможно представить себе «Корабль дураков» без иллюстраций Альбрехта Дюрера.

Как видим, книга Себастиана Бранта, кое в чем переключившаяся с прогрессивной публицистикой XV века, касалась многих сторон немецкой жизни кануна Реформации. Это была книга злободневная, горячая, патриотическая. При этом патриотизм Бранта проявляется не только в его заботе о безопасности и единстве Германии, но и в большой любви к родной немецкой культуре.

Современники по достоинству оценили эту самобытную книгу, которая появилась на пороге бурного XVI века как призыв к национальному единению, к обновлению немецкой жизни. Огромно было ее влияние и на немецкую литературу. От «Корабля дураков» ведут свое происхождение произведения так называемой литературы о дураках (Narrenliteratur), широко распространенные в Германии в XVI веке.

В книге Бранта уже упоминается страна бездельников — Шлараффенланд, о которой позднее одно из лучших своих шуточных стихотворений написал Ганс Сакс (1494—1576), наиболее значительный поэт из числа немецких поэтов, творчество которых развертывалось в период, последовавший за выступлением Мартина Лютера.

Родился Ганс Сакс в Нюрнберге, в семье портного, посещал латинскую школу, после двухлетнего обучения у сапож-

ных дел мастера отправился в длительное путешествие по Южной Германии. Во время этого странствования он не только присматривался к жизни немецких городов, но и усердно совершенствовался в благородном искусстве мейстерзанга, которым он начал заниматься еще в Нюрнберге под руководством опытного мейстерзингера¹ ткача Лиенгарда Нунненбека. В 1516 году он вернулся в родной город, получил права мастера сапожного цеха, женился, основал школу мейстерзингеров и зажил тихой жизнью трудолюбивого бюргера.

Ганс Сакс писал для народа, и творения его были пропитаны тем жизнерадостным светлым духом, той пленительной наивностью, которые составляют характерную черту многих подлинно народных поэтических созданий. К тому же он охотно черпал из сокровищницы фольклора. В поэзии он был столь же трудолюбив, как и в своем сапожном ремесле. Им написаны многочисленные мейстерзингерские песни, духовные стихотворения, назидательные шпрухи, «истории», басни, полемические диалоги, веселые шванки, трогательные «трагедии», поучительные «комедии», забавные фастнахтшпили (масленичные представления), в которых он без труда превзошел своих предшественников и современников.

Почти всю свою долгую жизнь он провел в Нюрнберге, который был одним из центров немецкой бюргерской культуры. Ганс Сакс гордился тем, что является гражданином вольного города, изобилующего выдающимися мастерами искусств и неутомимыми ремесленниками. В пространном стихотворении «Похвальное слово городу Нюрнбергу» (1530), примыкающем к популярному в XVI веке жанру панегириков в честь городов, он с любовью и тщанием описывает «Нюрнберга устройство и повседневную жизнь». Из стихотворения мы узнаем, сколько было в вольном городе улиц, колодцев,

---

¹ Мейстерзингеры — средневековые немецкие поэты и певцы из горожан, преимущественно ремесленников. С XIV в. были объединены в особые певческие школы или союзы. Их творчество было подчинено строгим, подчас весьма стеснительным правилам. Для получения звания мастера пения (поэзии) начинающий поэт должен был в обучении «благородному искусству» мейстерзанга пройти ряд предварительных ступеней. Для своих песен мейстерзингеры либо использовали старинные средневековые мелодии, либо сочиняли мелодии новые, тоны, носившие подчас причудливые названия (орлиная мелодия, громовая мелодия, мелодия скипетра и. т. п.).

каменных мостов, городских ворот и часов, отбивающих время, мы узнаем о санитарном, общественном и хозяйственном состоянии города, о негодьях и ярмарках, о многочисленных ремесленниках, занятых разнообразным и полезным трудом. С гордостью пишет Сакс о «хитроумных мастерах», искусных в печатном деле, живописи и ваянии, в литье и зодчестве, «подобных которым не найти в других странах». Стены вольного города отделяют поэта от необъятного и шумного мира, на который он с любопытством взирает из окна своего опрятного бюргерского жилища, где он в труде и довольстве провел много лет, окруженный семейным уютом и уважением сограждан.

Домашний очаг — его микрокосм. В нем воплощается для Сакса идеал бюргерского благополучия и прочности земных связей. И подобно тому, как он торжественно и деловито воспел городское благоустройство Нюрнберга, воспел он столь же деловито и не без наивного пафоса примерное благоустройство своего домашнего очага. В стихотворении «Вся домашняя утварь, числом в триста предметов» (1544) обстоятельно описывает он вещь за вещь всю свою домашнюю утварь, возводя, таким образом, бюргерский уют в предмет поэтического пастишля.

Вместе с тем Ганс Сакс обнаруживает широту интересов и крайнюю любознательность. В лице Мартина Лютера он горячо приветствовал Реформацию, выводящую людей на верный путь из мрака заблуждения.

В 1523 году он опубликовал пространное аллегорическое стихотворение «Виттенбергский соловей», поддерживающее Лютера. Успех «Виттенбергского соловья» был огромным. За год стихотворение выдержало шесть изданий.

В защиту протестантизма Сакс написал четыре прозаических диалога (1524). Захваченный реформационным движением, он на время вовсе отошел от светской поэзии и до 1526 года сочинял в основном только духовные и полемические произведения. А в 1527 году он пишет текст к циклу старых гравюр, обличавших злодеяния папства и предрекавших его гибель. Сочинение это увидело свет под названием «Чудесное пророчество о папстве», однако оно подверглось преследованию со стороны нюрнбергского магистрата, который сделал Саксу строгое внушение, предложив ему впредь воздержаться от публикации

«книжонок и стихотворений» и заниматься только «башмачным делом». Для литературной деятельности Сакса это распоряжение магистрата не имело заметных последствий. (К 1567 году количество написанных им произведений составило тридцать четыре рукописных тома.) Однако в дальнейшем полемический задор Ганса Сакса заметно пошел на убыль, хотя он и остался верен своим лютеранским симпатиям.

Зато любознательность поэта несколько не уменьшилась. Скромный ремесленник отличался обширной начитанностью и тонкой наблюдательностью, о чем ясно свидетельствуют его многочисленные произведения. В голове Сакса постоянно роилось множество красочных образов, заимствованных из литературы, истории, природы и окружающей жизни. Отовсюду черпал он материал для своих мастерзингерских песен, пьес, шпрухов и шванков. С глубоким уважением относился он к хорошим книгам, из которых постепенно составил изрядную библиотеку, с обычной тщательностью описанную им в 1562 году. Он хорошо знал литературу шванков и народных книг, читал в немецких переводах итальянских новеллистов, в частности, «Декамерон» Боккаччо, из античных писателей ему были известны Гомер, Вергилий, Овидий, Апулей, Эзоп, Плутарх, Сенека и др. Читал он сочинения историков и книги по естествознанию и географии, не говоря уже о Библии, сочинениях Лютера и современных писателей. С редким усердием стремился Сакс обогатить свое творчество все новыми и новыми сюжетами.

Еще на заре своей поэтической деятельности, в 1515 году, он выступал в защиту творческих прав поэта, ратуя за расширение тематики мастерзингерских песен. По мнению Сакса, поэт не должен замыкаться в кругу религиозных тем, что было свойственно ранним мастерзингерам. И призывы Сакса не остались тщетными. В XVI веке поэтический диапазон мастерзанга заметно расширился. Однако никто из мастерзингеров не смог превзойти нюрнбергского мастера в широте поэтического кругозора, ни один из них не обладал таким живым чувством природы, как Сакс, таким непосредственным ощущением жизни. О чем только не пел почтенный мастерзингер, то обращаясь к «золотому тону» поэта конца XIII века Регенбогена или к «сладкому тону» Гардера, то к созданной им самим нежной «серебряной» мелодии, стяжавшей себе в

XVI веке значительную популярность, то к тонам «длинному», «короткому», «утреннему», «розовому» и др. При этом Сакс не ограничивался тем, что разрабатывал какую-либо тему в форме мейстерзингерской песни, он обрабатывал ее затем в форме шпруха, шванка или фастнахтшпиля. Многие его произведения расходились в народе в виде летучих листков, обычно украшенных гравюрами на дереве.

Вполне в духе XV—XVI веков, когда в стихах, подкрепленных гравюрами, деловито излагались сведения из различных областей знания, выдержаны дидактические стихотворения Сакса, в которых ради пользы и поучения читателей он «по порядку» перечислял «всех императоров Римской империи и сколько каждый царствовал... вплоть до ныне царствующего всеильного императора Карла» (1530), повествовал «О возникновении Богемской земли и королевства» (1537), описывал сто различных представителей царства пернатых (1531) либо слагал «Шпрух о ста животных, с описанием их породы и свойств» (1545).

Во всех этих случаях, даже тогда, когда Сакс весело рассказывал какой-нибудь потешный шванк, он всегда прежде всего помышлял о пользе читателей, о расширении их умственного кругозора, об их воспитании в духе высокой нравственности. Из массы возможных сюжетов, которые Сакс находил в литературе и жизни, особенно привлекали его те, в которых он мог раскрыть свои этические воззрения, направленные на осуждение грехов и поощрение добродетели. В конце почти каждого стихотворения он нравоучительно поднимал палец, обращаясь к читателю с предостережением, добрым советом или пожеланием. Оставаясь убежденным сторонником житейской мудрости, основанной на требованиях «здорового смысла», Сакс проповедовал трудолюбие, честность, умеренность, богачей он хотел видеть щедрыми и отзывчивыми, а не скрягами и ростовщиками, детей — послушными родителям, воспитанными и добронравными, брак был для него святыней, дружба — украшением жизни.

Повсюду — в настоящем и прошлом, в былях и небылицах — находил он богатый материал для своих наблюдений и поучений. Мир как бы лежал перед ним обширным собранием поучительных лубочных картинок, где можно увидеть и обезглавленного Олоферна, и добродетельную Лукрецию, и

челядинцев Венеры, и всадников, гарцующих на турнире, и трудолюбивых ремесленников, и еще многое другое. Как на подмостках средневекового театра, здесь чинно выступают аллегорические персонажи: госпожа Теология, веселая Масленица, Зима и Лето, Жизнь и Смерть, Старость и Младость; земная сфера тесно переплетена с небесной — по суетному миру бродит кроткий Христос в сопровождении апостолов, Бог-отец из рая спокойно взирает на проделки вороватых горожан, ватага горластых ландскнехтов приводит в ужас простоватого беса, посланного на землю Князем Тьмы для улавливания грешников. То Сакс увлекает читателя в сказочную страну лентяев, увековеченную в живописи нидерландским художником Питером Брейгелем, где текут молочные реки, по воздуху летят жареные гуси, куры и голуби, попадающие прямо в рот ленивцу, где бегают жареные свиньи с ножом в боку, где за безделье платят деньги, а ленивейшего и ни на что не способного выбирают в короли («Шлаураффия», 1530).

Сакс осуждает не только лень, но и тунеядство, главным образом тунеядство больших господ. Ведь не только в сказочной Шлаураффии, но и в современной Саксу Германии свободная мысль подвергалась гонениям, а феодальная знать являла пример глубокого нравственного упадка, дикости нравов и невежества.

Как и автора «Корабля дураков», Ганса Сакса глубоко тревожит разрушительная сила эгоизма, корыстолюбия, несовместимых с требованиями общего блага. В обширном аллегорическом стихотворении «Корыстолюбие — ужасный зверь» (1527) он рассматривает эгоизм, стремление к наживе как основные причины мирской неурядицы. Там, где властвует корыстолюбие, — там увядают сады и редуют леса, хиреет честное ремесло, опустошаются города и государства. Поэт видит, как ради корысти большие господа угнетают бедняков, «дерут с них кожу, ощипывают и пожирают их живьем». Там, где корысть правит людьми, — там нет места для верности и правды. Лишь забота об общем благе могла бы спасти Германию от неминуемой гибели («Разговор богов о смутах в Священной Римской империи», 1544).

При всем том мировоззрению Сакса в значительной мере чужд собственно трагический элемент. На это указывают хотя

бы его «трагедии» («Лукреция», 1527 и др.), слишком наивные для того, чтобы быть подлинными трагедиями. Поэту гораздо ближе мир улыбки, точнее, добродушной насмешки, не становящейся слишком резкой. Хорошо зная слабости и грешки своих соотечественников, он с мягким юмором повествует об их проступках, проказах и проделках, обнаруживая особое мастерство в изображении жанровых сценок, исполненных живости и неподдельного веселья.

Перед читателем проходят представители разных сословий и профессий, порой раздается оглушительный звон дурацких бубенцов, подчас сливающихся с многоголосым гомоном карнавала. Здесь клирики и миряне, крестьяне, ландскнехты, рыцари, купцы, школяры, ищущие приключений, лекари и слуги, ремесленники и воры. Поэт ведет читателя в трактир, на рынок, в королевский замок и на кухню, в амбар, мастерскую, сени, винный погреб и на луг. Вершину поэзии Ганса Сакса бесспорно образуют стихотворные шванки, в них он особенно оживлен и естественен. Впрочем, шванковые мотивы проникают и в басни и даже в торжественные христианские легенды, наполняя их жизнью и движением. Строгие фигуры небожителей и святых сходят со своего высокого пьедестала, превращаются в обыкновенных людей, добродушных, мягких, иногда простоватых и немного смешных. Прост и недогадлив апостол Петр в шванке «Святой Петр и коза» (1557), в котором поэт посмеивается над людьми, полагающими, что они всегда все могут устроить лучше, чем другие. Крайне простодушие выказывает Петр также в шванках, где ему отведена роль привратника рая. То он по доброте душевной впускает обогреться в райскую обитель плутоватого портного, который вместо того чтобы скромно сидеть «за печкой», взбирается на трон Господа и начинает по своему усмотрению расправляться со смертными («Портной со знаменем», 1563), то он, вопреки предостережениям Творца, открывает двери рая шумной ватаге ландскнехтов, наивно принимая их богохульные ругательства за благочестивую речь, а затем по наущению Господа прибегает к небольшой хитрости, чтобы избавить небо от непрошенных голворезов («Петр и ландскнехты», 1557).

Впрочем, не только небожители, но и нечистая сила уstraшена буйством ландскнехтов. Сам Люцифер опасается их сошествия в ад, от которого не ждет ничего хорошего («Сатана не

пускает ландскнехтов в ад», 1556). Только черти Ганса Сакса вообще не отличаются большой отвагой и сообразительностью. Они обычно попадают впросак, одураченные лукавыми смертными. Это чаще всего забавные, смешные существа, очень мало напоминающие сумрачных и злобных чертей ряда лютеранских писателей и художников XVI века.

К повествовательной поэзии Сакса примыкают его драматические произведения, из которых наибольший интерес представляют веселые фастнахтшпили, не лишённые дидактической тенденции. Ганс Сакс осмеивает различные слабости и проступки людей, неполадки семейной жизни, подшучивает над сварливыми женами, над мужьями, покорно несущими ярмо домашнего рабства, над скупцами и ревнивцами, над обжорством и неотесанностью крестьян, над доверчивостью и глупостью простофиль, которых водят за нос ловкие плуты («Школяр в раю», 1550; «Фюнзингенский конокрад», 1553 и др.). Он обличает ханжество и распутство попов («Старая сводня и поп», 1551), изображает веселые проделки бродяг, хитроумных жен («О том, как ревнивец исповедовал свою жену», 1553) или крайнее простодушие дурней («Высиживание теленка», 1551).

Пересыпая речь персонажей поучительными сентенциями, обращёнными к зрителю, что было вполне в духе времени, он, продолжая традицию нюрнбергских фастнахтшпилей XV века, использует приемы буффонного комизма, щедро раздает оплеухи и тумачи, бойко изображает потасовки и перебранки. Он вносит на сцену веселый дух карнавала, облакая лицедеев в фастнахтшпилях в гротескные личины «дурацкой литературы», в то время как сумрачная лютеранская ортодоксия беспощадно обрушивалась на театральную буффонаду. В превосходном фастнахтшпиле «Извлечение дураков» (1557) Ганс Сакс изображает забавное врачевание занемогшего «глупца», наполненного множеством пороков. Из его раздувшегося живота лекарь торжественно извлекает тщеславие, жадность, зависть, распутство, чревоугодие, гнев и лень и, наконец, большое «дурацкое гнездо», где пребывают в зародыше разномастные «глупцы»: лживые юристы, чернокнижники, алхимики, ростовщики, льстецы, насмешники, лжецы, грабители, игроки и др., короче, все те, кого доктор Себастиан Брант поместил на своем «корабле дураков».

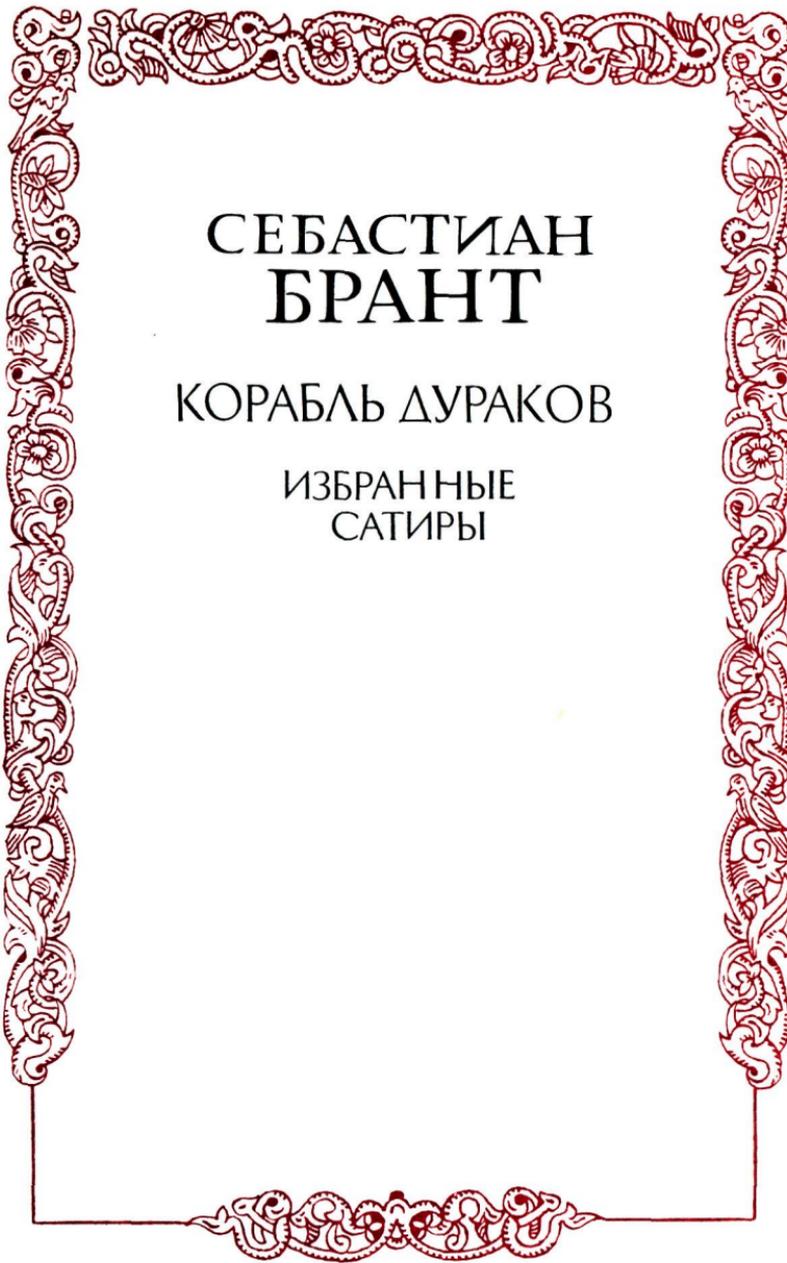
Смешные карнавальные маски мелькают в шутовском фастнахтшпиле «Пляска носов» (1550), в котором изображается невиданный парад носачей, оспаривающих друг у друга дурацкое звание Короля носатых. Ряд фастнахтшпелей представляет собой драматическую обработку веселых новелл Боккаччо («Хитроумная любодейка», 1552, «Крестьянин в чистилище», 1552 и др.), различных шванков и народных книг.

В период жестокой реакции, последовавшей за крушением народной Реформации, Ганс Сакс поддерживал у простых людей бодрость духа, укреплял в них веру в нравственные силы человека, наделенного смекалкой и неистребимым жизнелюбием. Именно поэтому творчество Ганса Сакса, глубоко человеческое в своей основе, имело такой большой успех в широких демократических кругах, как об этом свидетельствуют многочисленные издания его сочинений, расходящихся в виде отдельных летучих листков и книжечек. Позднее, в XVII и XVIII веках, Ганс Сакс был забыт. Зато с конца XVIII века лучшие люди Германии вновь стали обращаться к творческому наследию талантливого немецкого поэта. Молодой Гете почтил его память дружелюбным стихотворением «Поэтическое призвание Ганса Сакса».

Б. Пуришев

СЕБАСТИАН
БРАНТ

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

ИЗБРАННЫЕ
САТИРЫ

ПРОТЕСТ

Когда с таким трудом, упорно
Корабль я этот стихотворный
Своими создавал руками,
Его наполнив дураками,
То не имел, конечно, цели
Их всех купать в морской купели:
Скреб каждый собственное тело.
А впрочем, тут другое дело:
Мне в книгу некие болваны
(Они изрядно были пьяны)
Подсыпали своих стишков.
Но среди прочих дураков
Они, того не сознавая,
Под жарким солнцем изнывая,
На корабле уже и сами
Валялись все под парусами:
Я им заранее, на суше,
Ослиные наставил уши!
Стихи могли быть лучше тут,
Когда б не пострадал мой труд
От строк чужих. Да, не прославил
Себя отнюдь, кто мне их вставил,
Мои повыстриг, не спросив
И смысл местами исказив.
Когда стихи сдаешь в печать,
Приходится их сокращать,
И ужимаются бедняги
В зависимости от бумаги.
Особенно мне неприятно,
Обиднее тысячекратно,
Что, так трудясь и так горя,

Я столько сил потратил зря
(Хотя вины моей тут нет),
Чтоб эта книга вышла в свет
С приписанной мне дребеденью,
Что на меня ложится тенью...

Ну, с богом! В путь пускайся, судно!
Рожать глупцов довольно трудно —
Особый нужен здесь талант!
А я — дурак Себастиан Брант.

*Ради пользы
и благого поучения,
для увещевания
и поощрения мудрости,
здравомыслия
и добрых нравов,
а также ради искоренения
глупости, слепоты
и дурацких предрассудков
и во имя исправления
рода человеческого —
с исключительным
тщанием,
серьезностью
и рачительностью
составлено в Базеле*

*Себастианом Брантом,
доктором обоих прав.*

Душеспасительные книжки
Пекут у нас теперь в излишке,
Но, несмотря на их число,
Не уменьшилось в людях зло:
Писанья эти ничему
Теперь не учат! В ночь и в тьму
Мир погружен, отвергнут богом, —
Кишат глушцы по всем дорогам.
Жить дураками им не стыдно,
Но признанными быть обидно.

«Что делать?» — думал я. И вот
Решил создать дурацкий флот:
Галеры, шхуны, галиоты,
Баркасы, шлюпки, яхты, боты.
А так как нет таких флотилий,
Всех дураков чтоб захватили,
Собрал я также экипажи,
Фургоны, дроги, сани даже.
Глупцам нет счета в наши дни:
Как мухи, суетясь, они
На корабли спешат, летят —
Быть первыми и здесь хотят.

Их всех, которые тут есть,
Представить вам имею честь:
Вот вам один — мой текст ему
Не по душе, как я пойму.
А этот не прочтет ни слова,
Но на картинке, как живого,
Заметит среди прочих рож
Себя и даже с кем он схож.

В моем зеркале дураков
Дурак узрит, что он таков,
И, приглядясь к себе, увидит,
Что из него мудрец не выйдет.
Что не дано, то не дано!
Не тщись быть мудрым, знай одно:
Признавший сам себя глупцом
Считаться вправе мудрецом,
А кто твердит, что он мудрец,
Тот именно и есть глупец.
Глупцам, конечно, кум-приятель —
И этой книги покупатель.

Вот дураков предлинный ряд!
Найти свое здесь каждый рад:
Кто мудрости рудник алмазный,
Кто вредной глупости соблазны.
Да, книжка стоящая! В ней
Узришь всей жизни ход ясней.
Как говорится — смех и горе:
Здесь дураки всех категорий!
Мудрец найдет здесь мыслей клад,
Глупец собратьям будет рад.
А коль дурак поднимет бучу,
Колпак я сразу нахлобучу.
Сам не признается никто:
По имени зовешь — и то
Иной как будто удивлен,
Прикинется, мол, он — не он.
Но люди умные, бесспорно,
Похвалят труд мой стихотворный
И заключат вполне правдиво,
Что автор судит справедливо.
Пусть дураки на эти строчки
Зловонной брани выльют бочки, —
Будь это горько им иль сладко,
Скажу я правду для порядка.
Изрек Теренций ведь когда-то:
«За правду — ненависть нам плата».
Да, кто сует повсюду нос,
Бывает часто бит, как пес.
Стремиться надо, как известно,
Жить добродетельно и честно
И, чтобы быть всегда в чести,

Благоразумие блюсти.
Пусть мой небезупречен стих,
Но не щадил я сил своих,
Ночей не спал я напролет,
Дурацкий свой вербуя флот:
Кто нужен мне, сам не придет —
За картами и за вином
Проводит ночь и дрыхнет днем.
Обдумал я слова, манеры,
Поступки, подобрал примеры
И от усердия такого
Лишился сна, даю вам слово.

Мужчинам, женщинам пристало
Глядеть в дурацкое зеркало:
Оно в натуре, без личин
Представит женщин и мужчин.
Не меньше, чем глупцов, заметьте,
И дур встречается на свете.
Пусть прикрываются вуалью,
Я колпаки на них напялю
И потаскух не пощажу —
В костюме дурацкий наряжу!
Им любы шутовские моды —
Соблазн, беда мужской породы:
Игриво-остронос ботинок,
Едва прикрыт молочный рынок.
Упреки эти адресуя
Не дамам честным, попрошу я
Простить меня: о них ни слова
Я б не дерзнул сказать худого.
Но многим, — их числа не счесть,
И часть ничтожная лишь есть
На «Корабле глупцов», — им молча
Хлебнуть моей придется желчи.

Итак, внимательней читай
Ты эту книгу и считай,
Что, коль не назван в ней пока,
Избавлен ты от колпака.
Кто мнит, что он не мой герой,
Примкни покуда к умным в строй
И потерпи, будь малый скромный, —
Колпак получишь преогромный!

О БЕСПОЛЕЗНЫХ КНИГАХ

Вот вам дурак библиофил:
Он много ценных книг скопил,
Хотя читать их не любил.

*

На корабле, как посужу,
Недаром первым я сижусь.
Скажите: «Ганс-дурак», и вмиг
Вам скажут: «А! Любитель книг!» —
Хоть в них не смыслю ни аза,
Пускаю людям пыль в глаза.
Коль спросят: «Тема вам знакома?» —
Скажу: «Пороюсь в книгах дома».
Я взыскан тем уже судьбой,
Что вижу книги пред собой.
Царь Птолемей собрал подряд
Все книги мира, говорят.
Весьма гордился Птолемей
Сокровищницею своей,
Но в грамоту не слишком вник —
И мало почерпнул из книг.

Я книги много лет коплю,
Читать, однако, не люблю:
Мозги наукой засорять —
Здоровье попусту терять.
Усердые к лишним знаниям — вздор,
Кто жаждет их — тот фантазер!
Хоть неуч я, а все ж могу
В академическом кругу

Блеснуть словечком «item»¹. Да,
Латынь, конечно, мне чужда,
Родной язык доступней, но
Я знаю: «vinum» есть «вино»,
«Siculus» — олух, «sus» — свинья,
«Dominus Doctor»² — это я.
Но уши прячу, чтоб не счел
Меня ослом наш мукомол.

---

¹ Так же (*лат.*).

² Господин доктор (*лат.*).

О СТЯЖАТЕЛЬСТВЕ

Дурак пред вами — скопидом.
Стяжать, стяжать любым путем —
Цель его жизни, счастье в том.

*

Дурак — добро копящий скряга,
Ему его добро не в благо.
Кому богатства он откажет,
Когда в свой час в могилу ляжет?
Но тот еще глупей стократ,
Кто промотать преступно рад
Все, что на время во владенье
Дано ему от провиденья.
А призовет господь к отчету —
Не будет снисхожденья моту.
Рodne все отписав именье,
Глупец отверг души спасенье.
Боишься прыщика, глупец, —
Чесотку схватишь под конец!
Коль ты нечисто стал богат,
Ступай поджариваться в ад!
Наследник разведет руками,
И ни к чему надгробный камень
И щедрый дар на храм тому,
Кто в адскую низринут тьму.

Велел господь: «Последний грош
Отдай, куда ты живешь!»
Мудрец — не жадный раб мамоны,
Его мечта — не миллионы:

Он больше горд самопознанием,
Чем богатейшим состоянием.

Был алчным златолюбцем Красс —
И золотом опился раз.
Но, деньги в бездну моря бросив,
Кратет был истинный философ.

Кто бранных ценностей взалкал —
Втоптал живую душу в кал!

О НОВЫХ МОДАХ

Кто вечно только модой занят —
Лишь дураков к себе приманит
И притчей во языцех станет.

*

Что было встарь недопустимо,
Теперь терпимо, даже чтимо.
Считалось ведь не без причин,
Что борода — краса мужчин.
А ныне — кроме деревенщин,
Не отличишь мужчин от женщин:
На всех помада и румяна
(Раб Моды — та же обезьяна!),
И шея вся обнажена,
В цепях и в обручах она.
О, пленник Моды, до чего ж
Он на невольника похож!
Корзиной — волосы, кудряшки —
Как на овечке иль барашке.
Кто сушит голову в окне
На солнышке, кто при огне.
А вши — они не пропадут, —
Напротив, обретут приют
В несчетных складках сокровенных
Одежд моднейших, современных!
В кафтанах легких и в тяжелых,
Широкофалдных, долгополых,
В штанах, фуфайках и жилетах,
В пантуфлях, сапогах, штиблетах
Еврейский вкус царит опять!

Да, Мода то вперед, то вспять
Толкает нас неугомонно,
Свидетельствуя, что мы склонны
Всегда бродить туда-сюда
Путем порока и стыда.
Всесильна Мода, говорят.
И вот на ней другой наряд —
Кургузый, чуть не до пупа!
Но модников толпа глупа.
Позор вам, немцы! Прихоть Моды
Противна замыслам природы:
Что сокровенным быть должно,
То Модой обнажено.

Но есть всему пределы, сроки —
Страданьем платят за пороки.
Раб Моды иль ее раба,
И вас не пощадит судьба!

ДУРАЧКИ-СТАРИЧКИ

Вот-вот я в гроб уже сойду
Иль к живодеру попаду,
Но с глупостью живу в ладу.

*

Хоть стал я дряхлым стариком,
Слыву, однако, дураком:
Столетний глупенький младенец,
Показываю свой бубенчик
Мальчишкам несмышленным я
(Сильна над ними власть моя!),
Мое ученье — им в забаву,
А я стяжать желаю славу.
В рай с этим не войдешь, о нет!
Пример мой плох, и плох совет.
Чему учен, тому учу,
Однако быть в чести хочу,
Осмелюсь даже тем похвастать,
Как посрамлен бывал я часто
И уличался в странах дальних
В делах не очень-то похвальных.
Да, воду я люблю мутить
И не перестаю чудить,
А где не справлюсь я никак,
Поможет сын мой — Ганс-дурак.
Я за него не беспокоюсь —
Меня сынок заткнет за пояс!
Он дурью жив, он ею дышит, —
Дай срок — весь мир о нем услышит.
«Вот, скажут, истинный дурак:
Отец в сравненье с ним — сопляк!

Он так еще себя проявит,
Что весь дурацкий флот прославит! »
Отцам утеха на том свете,
Когда их тут сменяют дети!

Так повелось: не может старый
Быть мудрости законной парой.
А сколь чиста у старцев совесть,
Нам скажет о Сусанне повесть
И о ее клеветниках —
Двух похотливых стариках.

Старик-дурак себя погубит,
Коль он порок и кривду любит.

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Все те, кто озорства ребят
Не замечают, словно спят, —
Бед натерпевшись, возопят.

*

Глушцов глупей, слепцов слепей
Те, кто не воспитал детей
В порядочности, в послушанье,
Не проявив забот и тщанья,
Чтоб, как без пастыря ягненок,
С пути не сбился их ребенок,
И пусть — в дурной игре повинный —
Сам папенька с невинной миной
Не говорит: «Всех создал бог, —
Исправишь ли того, кто плох?»
Неправда! Учится ребенок
У мудрого отца с пеленок.
(Кто думает не так — дурак,
Ребенку и себе он враг!)
Все на лету хватают дети,
Соблазну попадая в сети.
Гнуть деревце ты можешь смело,
Пока оно не повзрослело,
А взрослое пригнул — сломалось!
Накажешь розгой... ну, хоть малость,
И смотришь — дурь из шалуна
Безбольно выгнала она.
Лишь строгостью добьешься толка:
Сорняк пророс — нужна прополка.

Жил праведно библейский Илий,
Но сыновья его грешили,
За что, покаран богом строго,
Он претерпел страданий много —
И умер в горе безутешном,
К сынам своим приравнен грешным.
Ах, дать бы юношам сегодня
Учителей поблагородней,
Как Феникс — тот, кого Пелей
Из сонмища учителей
Избрал для сына, Ахиллеса,
Дабы не вырастить балбеса!

Обрыскал Грецию Филипп —
И к Аристотелю прилип,
Чьим был учителем Платон,
Кто сам Сократом был учен.
Да, Аристотель, знанья солнце,
Учил героя Македонца!
Но современные отцы,
Отцы-скупцы, глупцы, слепцы,
Таких учителей находят,
Что время только зря изводят,
Готовя из учеников
Невежд, повес и дураков.
И то добро, коль неуч тот
Не полный — только полу...скот!

Тут, право, нечему дивиться:
От дурака дурак родится!
Но вы расплатитесь за это,
Когда ваш сын, как муж совета,
На столь почетном сидя месте
Блюстителя морали, чести,
Не раз почувствует в смущенье
Свое дурное обученье.
И поделом отец тогда
Сгорит от позднего стыда
И сожаленья: ведь не шутка —
Признаться, что взрастил ублюдка.

Посмотришь: этот — богохул,
Другой ударился в разгул,

Тот шляется по девкам, кутит,
Нечистые делишки крутит,
Четвертый, стыд забыв и страх,
Гляди, продулся в пух и прах!
Так с недорослями иными
Бывает, пустопродувными,
Которых с детства, на беду,
Не учат знаньям и труду,
Отдав учителям дешевым —
Невежественным, бестолковым.
А нравственность, влеченья, знанья
Зависят лишь от воспитанья.

Происхождению — почтенье,
Но сам ты — что? Происхожденье
Тобой не приобретено.
Богатство — тоже благо, но
Что есть оно? Судьбы каприз:
Прыжки мяча то вверх, то вниз!
И в славе — сладость, но она
Так ненадежна, неверна.
Прельщает тела красота,
Минула ночь — прощай, мечта!
Здоровье — клад, но с древних пор
Хворь начеку, как ловкий вор.
И сила — драгоценный ларь,
Но где она, когда ты стар?!
Все преходяще, быстротечно,
И лишь наука долговечна.
Спросил Сократа Горгий встарь:
Был счастлив ли персидский царь,
Что в мире слыл владык владыкой,
Всесильем власти превеликой?
Сократ сказал: «А был ли он
В вопросах этики силен?»
Да, ни в богатстве, ни во власти
Нет без морали людям счастья.

О ТЕХ, КТО СЕЕТ РАЗДОРЫ

Под жернов лег дурак, который
Всех вовлекать привык в раздоры:
Хлебнет он муки и позора!

*

Известно, склочник был бы рад
Весь мир вовлечь в раздор, в разлад,
Чтобы шумела сплетня злая,
Враждой неистовой пылая,
Так не поранит острый нож,
Как ранит подлой сплетни ложь,
Причем лишь после обнаружишь,
Что это сделал тот, с кем дружишь.
А клеветник с ехидным смехом —
Утешен, горд своим успехом —
Злорадствует: «Кунштюк был тонкий:
Все шито-крыто, — я в сторонке!»
Мерзавец убежден, конечно,
Что тайну сохранит навечно.
Вот козырь-то его каков!
Не счесть таких клеветников,
Что разожгут коварной сплетней
Пожары распри многолетней.

К преступной цели напролом
Шел так же и Авессалом;
До времени неуязвимы,
Свои повсюду есть Алкиды,
Что сеют распри меж друзьями,
В ловушки попадают сами.

Того надежда обманула,
Кто весть о гибели Саула
Принес Давиду, но на месте
Царем казнен был за известье.
Тем кончили и два злодея,
Что умертвили Иевосфея.

Кто распри вспахивает поле,
Под жернов ляжет поневоле.
Почти всегда наверняка
Мы узнаем клеветника,
Хоть он коварен и хитер:
Дымится шапка — значит, вор!
Дурак — за дверью, но смотри:
Он там, а уши тут, внутри!

О ДУРНЫХ МАНЕРАХ

Тех, у кого манеры скверны,
И тех, кто чересчур манерны,
Зачислю я в свой флот галерный.

*

По длиннополому наряду,
По чванной поступи, по взгляду,
По поворотам головы,
Едва с ним встретились бы вы, —
Пусть он торопится иль словно
Вельможа, шествует сановно,
Вы сразу бы решили: «Хват!
И пустоват и нагловат,
И быть подалее от него
Благодарнее всего».
Но кто неглуп и кто воспитан,
В сужденьях и в делах испытан,
Того признает общий суд,
В пример другим превознесут.
Натура мудрая — стыдлива,
Миролюбива, не криклива,
Добра не занимать ей стать,
И с нею — божья благодать.
Благовоспитанность ценней,
Чем все богатства жизни сей.
Об истинно высоком нраве
Судить мы по манерам вправе.
Кто повседневно сам не очень
Воспитанностью озабочен,

К манерам скромным не привык,
Тот, значит, глуп и туп, как бык.

Что может быть достойней, краше,
Чем скромность, благо нравье наше?
Где сын понятлив, уговорчив,
Воспитан, неподатлив порче,
Там горд и счастлив там отец:
Был милостив к нему творец.

ОБ ИСТИННОЙ ДРУЖБЕ

Коль ты невинного избил,
Несправедливо оскорбил, —
Презренье ты себе купил!

*

Кто так ведет себя с людьми,
Дурак, дубина он, пойми:
Все возликуют ведь, когда
Придет и на него беда.
Кто друга обобрать намерен,
Который предан так, и верен,
И прямодушен был весьма,
Тот, видимо, сошел с ума.

Священна дружба навсегда нам
Царя Давида с Ионафаном;
Ахилл с Патроклом — образец
Двух чистых дружеских сердец,
И Сципион и Лелий... Но —
Друзей подобных нет давно!

Раз денег нет — и дружбы нет:
Стоит на этом нынче свет!
И к ближним что-то незаметно
Теперь любви ветхозаветной.
Во всем корысти торжество,
Кругом — свойство и кумовство:
Ведь Моисей, кто нас учил
Других любить, давно почил.

Кто себялюбью лишь послушен,
А к пользе общей равнодушен,
Тот — неразумная свинья:
Есть в общей пользе и своя!
Вы Каина везде встречали:
Раз Авель счастлив — он в печали.
Друзей, когда не станет денег,
Две дюжины продашь за пфенниг,
А если лучших соберешь,
Уступишь семерых за грош!

ОБ ОПРОМЕТЧИВЫХ ДУРАКАХ

Ездок неопытный, к тому же
Не подтянувший трок потуже,
Очутится, всем на смех в луже.

*

С кем дружит Глупость, eo ipso¹,
Всегда вам скажет: «Что ж, ошибся!»
Коль ты верхом собрался в путь,
Проверить сбрую не забудь:
Кто, дело сделав, ждет совета,
Тому не впрок ни то, ни это,
А кто заране все обсудит,
Тот в дураках потом не будет.
Подумал бы вперед Адам,
Не влекся бы он к тем плодам,
И яблочком коль не прельстился б,
То с райской жизнью не протился б.
Когда бы понял Ионафан
Коварный Трифонов обман,
Не верил речи лицемерной,
Даров не взял бы, то, наверно,
Вернулся б невредим и жив он,
А в дураках остался б Трифон.
На что был Юлий Цезарь гений
И словопрений и сражений,
Но, мир вкушая, гений сей
Дал как-то маху, ротозей:
Письмо не сразу прочитал, —
И Брут в него вонзил кинжал.

---

¹ В силу этого (лат.).

И Никанор в просчете был —
Дичь продал прежде, чем убил.
Не повезло: остался вдруг
И обезглавлен, и без рук,
И вырван был потом, увы,
Язык из мертвой головы!

Успешен замысел, когда
Он своевремен, господа!
А торопыг с древнейших пор
Ждут неудачи и позор.

О ВОЛОКИТСТВЕ

Пленен Венерой, у плутовки
Ты, как дергунчик, на веревке.
Терпи, дурак, ее издевки!

*

— Я, жаркозадая богиня
Венера, возвещаю ныне,
В том присягая, что прямая
Дочь Ганса-дурня и сама я.
Кумир всесветный дураков,
Я юношей и стариков
Лишь захочу — и обольщу,
И всех в болванов превращу,
Перед собой повергнув ниц:
Не знает власть моя границ!
Тех, кто читали «Одиссею»,
Прошу припомнить я Цирцею,
И Калипсб, и хор сирен.
Таков и мой всеильный плен!
Кто мнит, что он умен, хитер,
С тем короток мой разговор:
В котел безумья погружу
И в дурачка преобразу.
А кто моим рубцом отмечен,
Ничем не может быть излечен!

Мой озорной сынок — дитя,
По-детски он шалит, шутя,
Но, на его проделки глядя,
Иной сластолюбивый дядя,

Закореневший в волокитстве,
С ним соревнуется в бесстыдстве,
И, как ребенок, несмышлен,
Двух путных слов не скажет он.
Сынок мой наг — и в этом знак,
Что похоть скрыть нельзя никак!

Спокон веков из града в град,
Затем что мой сынок крылат,
Любви влекущая беда
Порхает всюду и всегда,
И нет — от сотворенья мира —
Капризней, чем она, кумира.
Лук держит мой Амур-пострел,
Полны его колчаны стрел,
Всегда на тетиве рука,
И, чуть заметит дурака,
Стреляет он, — дурак сражен,
Остатков разума лишен
И, жертвой стать мне предназначен,
Пожаром страсти весь охвачен.
О, тот огонь неугасим!
Погублена Дидона им,
Медея, тем огнем объята,
Сожгла своих детей и брата.

Всех жертв любви мы не сочли б:
От страсти Несс-кентавр погиб,
И Троя натерпелась горя;
С горы низверглась Сάфо в море;
Сирены пением влекли
К себе на гибель корабли;
И взнуздан был, и был оседлан
Мудрец один красоткой подлой;
На воздух воспарил Вергилий,
Хоть бог ему и не дал крылий.
За курс искусства страсти пылкой
Овидий поплатился ссылкой...
Кой-кто мог мудрым слыть, когда б
Он не был блудодействия раб.
Кто женский пол чрезмерно любит,
В себе живую душу губит:
Как богу богово воздать,
Коль слишком дамам угождать?

Хоть знатный будь, хоть низкий люд,
Беда и срам — цена за блуд.

Глупец отъявленный, кто мнит,
Что в блуде меру сохранит:
Распутникам, как говорят,
Все нипочем, сам черт не брат...

Одно тебе, дурак, лекарство:
Колпак! Носи и благодарствуй!

БРАЖНИКИ-ГУЛЯКИ

Бродягой, нищим тот умрет,
Кто вечно кутит, пьет и жрет
И лишь с гуляк пример берет.

*

Колпак ты на того надень,
Кто день и ночь, и ночь и день
Рад брюхо поплотней набить
И полной винной бочкой быть,
Как будто жизнь он взял на откуп
С единой целью: больше в глотку б!
Он за день виноградных лоз
Погубит больше, чем мороз.
Дадим такому человечку
На корабле глупцов местечко!
С ума сведет его вино —
Под старость скажется оно:
Трясуч, дурашлив, голос пропит, —
Свой смертный час он сам торопит.
На свете нет порока гаже:
Муж просвещенный, мудрый даже,
Предавшись пьянству, до конца
Лишится славы мудреца.

Пьешь в меру — разговор иной.
Не снес вина и старец Ной,
Хотя в ту пору в мире целом
Был самым первым виноделом.
Вино и мудрых в грязь повалит
И колпаки на них напялит.

Когда израильский народ
Вливал, бывало, лишку в рот,
Он, как заведено меж пьяниц,
Шумел, плясал безбожный танец
Вкруг изваяния тельца
Языческого образца.
Недаром бог во время оно
Пить запретил сынам Аарона.
Но в наши дни какой священник
Той заповеди не изменник?!
Хлебнул и Олоферн беды,
И головы и бороды
Лишась, когда был пьян однажды.
И — жертва той же самой жажды —
Бывал и Александр пьян,
Свой унижая царский сан,
И делал то, о чем потом
Сам вспоминал с большим стыдом.
Кто весел от вина сегодня,
Заплачет завтра в преисподней.

Когда б не пьянство, то вовек
Не знал бы рабства человек!
Чревоугодые, пьянство — страсти,
Чьи спутники — нужда, несчастье.
Отцам и сыновьям равно
Страданьями грозит вино,
Коль ты его хлебать привык
С кем ни на есть, как воду — бык.
Ах, мало ли таких гуляк,
Кому как дом родной кабак:
Пришли — кабатчик наготове,
Две ляжки подал им коровьи,
Миндаль, изюм и рис принес,
А чем расплатятся — вопрос!
Все стали бы мудрей вдвойне,
Будь капля мудрости в вине,
Что пьют сверх меры и сверх силы
Обжоры, пьяницы-кутилы,
Друг дружке наливая кружку
И побуждая пить друг дружку:
«Твое здоровье!.. Пей!..» — «Смотри,
До дна, до капли!..» — «На пари!..»

«Налить?» — «Налей!..» Пьют дуралеи,
Себя нисколько не жалея:
Раз — в кружку, два — и в глотку. Ловко!
Намылить бы для них веревку!
Поистине, ведь нет другой
На свете глупости такой!
Прочесть мы можем у Сенеки
(Мыслитель, живший в первом веке):
«Боюсь, что трезвых мир осудит,
А уважать лишь пьяниц будет,
И чтобы знаменитым быть,
Вина придется больше пить».

Но я в виду имею тут
И тех, кто пива много пьют.
Пьет умный в меру, а болван —
Хоть бочку, хоть бродильный чан.
Однако долговечней тот,
Кто понемногу, с толком пьет.
Приятно лишь во рту вино, —
В утробе мучит нас оно,
Всю кровь пропитывает ядом,
Как василиск смертельным взглядом.

О СЛУГАХ ДВУХ ГОСПОД

К двум господам слугой наняться —
За парой зайцев сразу гнаться:
Полезно в глупости сознаться!

*

Тот глуп, скажу без церемоний,
Кто служит богу и мамоне.
Слуга, служа двум господам,
Ни тут не справится, ни там.
Кто хочет жить с пяти ремесел,
И об одном бы думать бросил.
С одной собакой, хоть убейся,
Поймать двух зайцев не надейся;
Не то что двух — скорей всего,
Не схватишь ты ни одного.
Кто много должностей имеет —
Ни на одной не преуспеет.
И тех, кто служит там и тут,
И там и тут напрасно ждут.
Всем не послужишь никогда:
Ты станешь путать «нет» и «да»,
Из всех отбросов есть крошку
И разбиваться весь в лепешку,
Льстить, и пред каждым унижаться,
И ни на что не обижаться.
Нагреет руки, говорят,
Кто лишнему местечку рад,

А тот, кто соблазнен вином,
Не видит радости в ином.
Хвала и честь слуге тому,
Кто верно служит одному...

Осел подход — изголодался:
Хозяев многих навидался!

О БОЛТУНАХ

Язык на привязи держать —
Душе от страха не дрожать.
Честь болтовнею не стяжать.

*

Несносен тот глупец, который
Со всеми затевает споры,
Хоть люди и молчат кругом,
В душе смеясь над дураком
Иль скрыть негодование силясь:
«Вновь диспутировать он вылез!»
Тем, кто не к месту рад болтать,
Им «Братство дураков» под статью.
Хоть и не спрошен был, а сам
Дурак спешит ответить вам,
Как бы самодовольно бряк:
«Любуйтесь, люди, я — дурак!»
Болтун и болтовнею сыт,
Но горек будет поздний стыд!
И документы, коль захочет,
Болтун преступно опорочит:
Болтать ему не трудно, — вот
Когда на исповедь придет,
Тут отнимается язык,
Тут он заика из заик!

Иной бы умным показался,
Когда б, на грех, не разболтался.
Забарабанил дятел в ствол —
К своим птенцам тебя привел.

Молчанье — щит от многих бед,
А болтовня всегда во вред.
Язык у человека мал,
А сколько жизней он сломал,
Свой проявляя низкий норов, —
Виновник сплетен, склок, раздоров!
Но вот чего не взять мне в толк:
И хищников — будь лев иль волк —
Всех можно укротить, и лишь
Язык людской не укротишь:
Он то лопочет, то стрекочет,
Всех, кто нам дорог, опорочит,
Предатель он и клеветник,
Наш злой, издевчивый язык!
Язык лишь тем вредить не в силе,
Кто вечным сном уснул в могиле.
Язык — хитрец и лжец исконный,
Толкует вкривь и вкось законы,
Добро он в зло преобразит,
Любую правду исказит
И из суда наверняка
С сумою пустит бедняка.

Что болтуну? Как хочет врет,
Вранье щекочет сладко рот,
И ради красного словца
Предаст и мать он и отца.
Напыщенного пустослова
Толпа превозносить готова,
А уж коль знатность налицо,
На ком потоньше сукнецо,
Наряд богатый, кольца блещут,
Тех уж никто не оклеветает!
Кафтан потертый не в чести —
С ним власти не приобрести.
Когда бы дожили до нас,
Ораторствуя и сейчас,
Два златоуста из Афин —
Сам Демосфен и с ним Эсхин,
И Цицерон, — их знаньям грош
Была б цена, и пышно ложь
В их красноречье б распускалась,
Чтоб глупость ими увлекалась.

Грех не в опаску болтунам,
А лжец — друг ненадежный нам.
Кто имя божие хулит,
Хулы своей не утаит,
Куда б ему ни удалиться:
Слова его подхватят птицы.
Расплата будет так горька:
Длинна у господина рука!

Кто бревна тешет над собой,
Исхлестан острою щепой.
Разинутый не в меру рот
Отвратнейшую дрянь сожрет.
Дурак красно болтать желает,
Мудрец молчит и размышляет.
Дороже ценится молчанье,
Чем празднословья недержанье.

Молчанью — золота цена,
А речь бесценна, коль умна!

ДРУГИХ ОБЛИЧАЮТ —
СЕБЯ ПРОЩАЮТ

Кто вас послал сухою тропкой,
А сам пошел дорогой топкой,
Не мозгом наделен, а пробкой.

*

Дурак безмозглый, кто хулит
Путь, что судьба ему сулит.
Рука к столбу пригвождена —
Указывает путь она,
Но ей самой на том пути
Вовек ни шага не пройти.
Кому сучок попал в зрачок,
Пусть раньше вытащит сучок,
А другу говорит потом:
«Соринка, мол, в глазу твоём».
Куда как жалок тот учитель,
Чужих пороков обличитель,
Кто, зараженный ими сам,
В себе не видит их! О, срам!
Поистине, как говорится:
«Врачу сначала б исцелиться!»

Давать советы все не прочь,
Не зная, как себе помочь.
Сгубило именно сие
И Жантили́ и Мезюэ,
Когда одну болезнь в те дни
Пытались вывести они,

Но, не достигнув этой цели,
Оставить труд о ней успели.

Постыдные дела видны
Не лучше ли со стороны,
Чем те, кто, совершивши их,
Достигли степеней больших?

Делами заработай право
Других учить себе во славу.

О БЕРУЩИХ ВЗАЙМЫ

Знай ты, живущий на долги:
Как ни хитри и как ни лги, —
Быстры платежных дней шаги!

*

Глупцом первейшим тот слывет,
Кто вечно займами живет,
На ту присловицу плюя,
Что поместил в эпиграф я.

Заблудших душ на свете много,
Не внемлющих заветам бога.
Соблазн пороков побороть
Не хочется им, но господь
Следит за ними. Близок срок,
А кредитор небесный строг.
Свое всему есть время, цель
И свой же путь: отсель — досель.
Кто любит брать займы, уже
Не думает о платеже:
«Ах, поручитель похлопочет —
Займодавец долг отсрочит!»
Но, в срок не уплатив опять,
Придется на соломе спать.

Распляшется осел, прохвост, —
И не уймешь, хоть вырви хвост!

О БЕСПОЛЕЗНОМ УЧЕНИИ

Кто плохо учится, тот, значит,
Сам же себя и окопачит —
И горько под конец заплачет.

*

Я и студентам не потатчик,
Которым без моих подачек,
А как эмблема их ученья
Колпак присвоен для ношенья.

Не видя в книгах интереса,
Рад лоботрясничать повеса.
Науку истинную в грош
Не ценит часто молодежь,
А все, что дурно, бесполезно,
То ветрогонам и любезно.
Но этот же порок — о, срам! —
Присущ иным профессорам,
Чьи знанья куцые ничтожней
Их болтовни пустопорожней.
Ну, не глупцы ли, не болваны,
Кто всякой чуши постоянно
Своих студентов бедных учат,
Да и себя напрасно мучат?

Да, юноши обыкновенно
Поньше едут в Лейпциг, в Вену,
И в Майнц, и в Эрфурт, в Базель тоже —
Гнилой трухой питаться. Боже,
И в Гейдельберге до сих пор
Все тот же изучают вздор!

А дома ждет тебя позор:
В карманах пусто — хоть бы грош!
Добро, коль службу ты найдешь,
Как парень грамотный, в печатне,
Но кой-кому в шинке приятней
Пьянчугам подавать вино,
А спился там — пошел на дно...

Таких встречали вы и сами:
Колпак на каждом с бубенцами!

ЗАВТРА, ЗАВТРА — НЕ СЕГОДНЯ

Кто, как ворона «кра, кра, кра»,
Твердит: «До завтра, до утра!» —
Тому колпак надеть пора.

*

Глупец, кто, внемля голос божий:
«Спеши, чтоб не взыскал я строже,
Исправься, грешный путь забудь!» —
Сам не спешит на правый путь:
Мол, нынче неохота, лень,
Живу, мол, не последний день, —
Исправлюсь завтра. Кра, кра, кра!
А доживет ли до утра?
Дурак себя же мучит тяжело,
И все отсрочка, все оттяжка!
А грех и глупость — тут как тут —
С весельем рядышком идут.
Клянется часто сын заблудший:
«Уж завтра-то я стану лучше!»
Но это «завтра» никогда
Не наступает, вот беда!
Как снег растаявший, как дым,
Заветный день неуловим.
И только одряхлев, глупец
В то завтра вступит наконец,
Расслаблен, немощен уже,
С тоской раскаянья в душе.

Спеши сегодня лучше стать —
Не будешь завтра так страдать.
Звучало нынче божье слово,
А прозвучит ли завтра снова?
Кто исправляться завтра любит
И все грешит, тот душу губит.

О КАРАУЛЬЩИКАХ
СВОИХ ЖЕН

Кто охранять стрекоз возьмется
Иль воду наливать в колодцы,
Пусть за женой следить берется.

*

День-два хороших, сто плохих
У глупых стражей жен своих.
Коль истинно честна жена,
За нею слежка не нужна,
А коль жена блудлива, лжива,
То своего добьется живо.
Какой ни учреди надзор,
Возьми все двери на запор,
Ставь караульных у ворот, —
Она всех за нос проведет.
И в башню заточи, иная
Родит младенца, как Даная.
А Пенелопу — без надзора —
Хоть осаждали ухажеры,
Но мужу двадцать лет она,
В разлуке с ним, была верна!

Кто знает, что наверняка
Ни разу не бывал пока
Женой обманут, что жена
Заботлива, добра, нежна,
И не боится он измены,
Тот истинно супруг блаженный.

Хоть будь красавицей жена,
Но если дурой рождена,
С ней, как с глухой кобылой, мука:
Как ни причмокивай, ни нукай, —
Пошел на ней пахать, — бог мой! —
Бороздки ни одной прямой!

Жена, что служит всем примером,
К таким привержена манерам:
Глаз на мужчину не поднимет,
Словца любезного ни примет,
Боясь, что льстивый хват-угодник —
Злой волк в овечьей шубе — сводник...
Париса некогда сама
Елена не сведи с ума,
Дидона не прельстись Энеем, —
Судьба была б добрей к обеим!

О ПРЕЛЮБОДЕЯНИИ

Где смотрит муж сквозь пальцы, там
Жену с чужим он сводит сам:
Там кошке смех и плач мышам.

*

Хоть любодействуй в наши дни,
Хоть походя кого толкни, —
Оно теперь и не грехом
Считается, а пустяком!
И в грешном Риме святость брака
Не смели осквернять, однако —
Что Цезаревы нам законы,
Что Юлиевы нам препоны?!
Дом, где хозяин Ганс-тюфяк, —
Содом: «Ты дура!» — «Сам дурак!»
«Ты начала!» — «Молчи!» — «Отстань!»
Так день-деньской раздоры, брань, —
Летит горшок, шумовка, тряпка,
А муженек, растяпа, тряпка,
Лицо — в ладонь и норовит
Прикинуться, что крепко спит.

Стар иль во цвете лет супруг,
Все женам нынче сходит с рук,
Все переварит муж-ублюдок, —
Луженым стал мужской желудок!
Мужья, подобные Катону,
Который в Риме в годы оны
По доброй воле был рогат,
Жену свою сдав напрокат, —

Не станут плакать, в драку лезть,
Супружества спасая честь.

Коль муж, уверяясь, что жена
Заведомо пред ним грешна,
Жить продолжает с нею, он,
Я полагаю, не умен:
Он сам способствует жене
И впредь блудить на стороне.
Язвят соседи: — Не иначе,
Как в доле он с женою падшей,
И, с ней деля барыш развратный,
Он любит слушать, вероятно,
Кладя доходец в кошелек,
Ее слова: «Мой муженек,
Мой Гансик, знай, что из мужчин
Мне всех желанней ты один!..»

С ума все кошки сходят, лишь
Отведают впервые мышь,
А женщины, вкусив однажды
Любви с другим, любовной жажды
Не могут утолить: чем чаще,
Тем грех прелюбодеяния слаще!
Что стыд, что честь, что мужа власть?
С мужчиной новым жарче страсть!

Поэтому мужьям и нужно
Жить с женами в согласье, дружно,
Чтоб повода не подавать им
Ко внесупружеским объятьям.
С женою обращайся ровно,
Порадуй ласкою любовной,
Не ссорься с ней по пустякам,
Не доверяй клеветникам.
Но, чтоб не каяться потом,
Зови гостей пореже в дом!
Знай: чем жена твоя пригожей,
Тем осторожней будь и строже —
Ведь мир коварством, ложью жив,
И каждый скрытен и фальшив.
В дом к Менелаю не вотрись,
Прельщен Еленой, Парис,
С женой остался б царь спартанский —

И не было б войны Троянской.
Когда б, уйдя на ту войну,
И Агамемнон-царь жену
Не оставлял бы на Эгиста,
С ней бывшего в связи нечистой,
С войны вернувшись, дома он,
Конечно б, не был умерщвлен.
Кандавл-царь, глупец другой,
Супругой хвастался нагой:
Кто рай укрomный ценит мало —
Его разделит с кем попало.
Спокойней в браке те живут,
Кто реже в дом гостей зовут,
Особенно льстецов, пройдох,
Способных на любой подвох.

Сльви скупее всех скупцов —
Не высидишь чужих птенцов.
Гость, что за пазухой приносит
Гадюку, — он ее подбросит!
Не медли — это враг твой злой:
Такого — из дому метлой!

ГЛУПЕЦ
ОСТАНЕТСЯ ГЛУПЦОМ

Ума набраться рад бы всяк,
Но, если глуп ты, как гусак,
Умней не станешь — так иль сяк!

*

Тот, кто, внимая мудрецам,
Ума не приумножит сам, —
Дурак: все знать он хочет, но
Все ему слишком мудрено.
Глупцов легко распознавать:
Что увидали — то и хватить!
Известно испокон веков:
Новинка — слабость дураков.
Но и новинка старой станет —
И вот уже другая манит.
Куда б глупец ни ездил, он
Все так же глуп, непросвещен.
Так гусь иной через забор
Перелетит в соседний двор —
Сюда нога, туда нога, —
Спроси, что видел: «Га-га-га!»

Поехать в Павию, иль в Рим,
Иль даже в Иерусалим,
Скажу, — заслуга небольшая.
А знания приумножая,
Чужие посещать края
Считаю делом добрым я.

Но если даже привезешь
И сотню крестиков, ты все ж
Не будешь доблестью отмечен,
Ибо тебе хвалиться нечем,
Коль столько стран ты обошел,
А глуп остался, как осел.

Не изучил бы Моисей
Египетской науки всей
И Даниил бы не был склонен
Усвоить мудрость вавилонян, —
О них не знал бы мир земной!
Придет на исповедь иной
Очиститься, — мол, совесть жжет, —
А сам хитрит, лукавит, лжет,
И так уйдет с душою черной.
Гляди — унес на шее жернов!

О БЕЗРАССУДНОМ ГНЕВЕ

Того, кто шпорит то и дело
Осла, горланя обалдело,
Считать ослом ты можешь смело!

*

Дурак осла или ослицу
Намерен вскачь пустить и злиться,
И, трезвый будь или хмельной,
Рычит на всех, как пес цепной:
«Рр...rrrr!» Он, по-собачьи злобен,
Людей встречать лишь так способен
И думает, что страшен всем:
«Пррррочь! Рррррастеррзаю!» А меж тем
Прохожий, размышляя здраво,
Махнет рукой: «Взбесился, право!
Судьба ли нас карает злая,
Таких болванов насылая,
Забыв, что видывали многих
И раньше мы скотов двуногих?!»
Лишает гнев рассудка нас —
Не знаем, что творим подчас.
Быть должен сдержан человек.
Архит, ученый, мудрый грек,
Лишь доведет его, бывало,
Слуга до белого накала,
Кричал: «Не будь я в гневе яром,
Уж это не сошло бы даром!»
Так и Платон, так и Сократ
Собой владели, говорят.

Кто прав, становится не прав,
Терпенье в гневе потеряв.
Впадает в грех, кто был несдержан,
Кто гневу быстрому подвержен.
И благочестью гнев вредит:
Что за молитва, коль сердит?
Лишась тигрят своих, тигрица
Не так, пожалуй, разъярится,
Как вспыльчивые дураки,
Что на внезапный гнев легки!

Ум и в седле уравновешен,
Гнев на осле несется, взбешен.

САМОВОЛЬСТВО
И САМОНАДЕЯННОСТЬ

Коль мы, упорствуя, проказим
И дерзко в гнезда птичьи лазим,
То часто шлепаемся наземь.

*

Кого изранит куст колючий,
Кто мнит, что он всегда всех лучше,
Что стал во всем он знатоком
И не нуждается ни в ком.
Однако на прямом пути
Не будет знать, куда идти,
А в месте новом, незнакомом
Заблудится он рядом с домом.
В беде таким зазнайка худ:
Нет помощи им ниоткуда!
Пожалуй, может впасть и в ересь
Глупец, в себе одном уверясь:
«Я, мол, в делах житейских дока, —
Всех благ добьюсь, взлечу высоко!»
Дурак, взобравшийся повыше
На дерево или на крышу,
Мечтал о славе, остолоп,
Но с высоты вдруг наземь шлеп!

Для корабля страшнее бурь
Самоуверенность и дурь.
Всем, кто к советам глух, — беда:
Не преуспеют никогда!

Не верил Ною мир, и вот —
Потоп унес людей и скот!
За то, что жил беспутно очень,
Корей землю был проглочен.

Владея не умом — умишком,
Кто так самонадеян слишком,
Охотно распороть готов
Никем не шитый плащ Христов!

Пусть жизнь в больном уж еле тлеет,
Отчаиваться врач не смеет,
И пациент, покуда дышит,
Пусть бодрый глас надежды слышит.
Больной, что лжет врачу, — глупец:
Себя же губит он, как лжец,
Что лгать на исповедь приходит
Иль адвоката за нос водит.
Лжецы глупцам всегда сродни:
Во вред себе же лгут они!
Глуп, кто врача позвал, но сразу,
Врачебному не вняв наказу,
Идет, поверив ложным слухам,
К невеждам — знахаркам-старухам,
А те травой, и наговором,
И прочим ворожейным вздором
Его отправят прямо в ад,
В чем сам он будет виноват.
Всему готов поверить тот,
Кто исцеленья страстно ждет,
А глупых суеверий зло
Чрезмерно ныне возросло.
Я б описал их, но облыжно
Признают книгу чернокнижной.

Больным избавиться б от хвори, —
Не ищут, где недуга корень.
И черту душеньку заложит
Иной больной — авось поможет.
А где вмешалась чертовщина,
Бессильна часто медицина...

О СОБЛАЗНАХ ГЛУПОСТИ

Дурак упал. Над ним смеясь,
Колпак надеть поторопясь,
Ты сам упал, разиня, в грязь.

*

Что падают глупцы — не чудо,
Над этим все смеются всюду,
И «умники» язвят: «Дурак!» —
А на самих сидит колпак.
«Дурак» — излюбленное слово,
Когда дурак честит другого,
Но между ними ни на грош
Ни в чем различья не найдешь:
Споткнулся этот на дороге —
Другой ломает тут же ноги.
Хоть строгой Аталанты меч
Срубил голов немало с плеч
У Гиппомена на глазах,
Но он, чудака, презревши страх,
Судьбу испытывать решился —
И сам чуть жизни не лишился!

Слепцу корить слепца нелепо:
Ведь оба в равной мере слепы!
Бранил однажды рака рак:
«Ты что назад ползешь, дурак!»
Но сам за другом полз он вспять,
Чтобы мораль ему читать.

Пониже бы летел Икар,
И Фаятон, как на пожар,
Не стал бы в отчей колеснице
Так лихо по небу носиться,
Забыв родительский запрет, —
Не умерли б во цвете лет!..

Тот к умным должен быть причислен,
Кто в корень зрит и здравомыслен.
Воистину, мудра лисица:
Войти в пещеру побоится
(Какой бы там ни ждал обед),
Когда следов о т т у д а нет.

МАЛО ЛИ ЧТО БОЛТАЮТ

От лисьего хвоста греметь
Не будет колокола медь.
Ушам от сплетен не болеть!

*

Кто хочет с миром ладить, тот
Немало горечи испьет,
Выслушивая, как о нем
Под собственным его окном
Такое говорят, что гаже
Придумать невозможно даже.
Поэтому блаженны те,
Кто, равнодушны к суете,
Покоя мудрого взыскав,
Отвергли маету мирскую —
И, в горы, в доли удалясь,
Мирских грехов отмыли грязь.
Но мир, однако, и таких
Не любит, не щадит он их,
О них злослова, им не веря,
Всех лишь своим аршином меря.

Кто жить по совести решит
И против чести не грешит,
Что ему сплетни дураков,
Что языки клеветников!
Когда бы в оны дни пророки
Боялись обличать пороки,
Дабы не знать хулы, клевет, —
О них давно забыл бы свет.

Нет, да и не было от века
Такого в мире человека,
Чтоб угодил во всем любому
Болвану злому и тупому.
Родился б человек такой,
Каким он чудным был слугой:
Старался б до свету вставать
И вообще забыть кровать!

Заткнуть бы глотки болтунам —
Увы, не хватит кляпов нам!
Нельзя предусмотреть никак
Того, что сочинит дурак.
Так в мире повелось оно —
Избегнуть сплетен не дано:
Кто любит петь, кто кукарекать,
Баран-дурак привык бебекать.

ШУМ В ЦЕРКВИ

Пришедший в храм с собакой, с птицей,
Перед глупцами похвалиться,
Мешает остальным молиться.

*

У тех, кто ходит в церковь с псами,
Бубенчики обычно сами
На колпаках звенят, бренчат,
Чуть псы залают, заворчат.
И сокол дерзкого повесы
Так крыльями во время мессы
Захлопает, что смолкнет пенье —
И хоть кончай богослуженье.
Тут остается с ловчей птицы
Снять клубочок, и — что стыдиться! —
Теперь болтай и хохочи,
И подбашмачными стучи
Ты деревяшками, бесчинствуй
И совершай любое свинство!
С какой-нибудь Кримгильдой здесь
Перемигнись, поклон отвьесь, —
Красотка улыбнется — значит,
Не сомневайся: одурачит!..

Не лучше ль было бы, однако,
Чтоб сторожила дом собака,
Покуда в церкви ты, и вор
Не мог бы в твой проникнуть двор?
Не лучше ль было бы, чтоб твой
П у г а ч, твой речет боевой

Был дома, на привычном месте,
В чулане темном, на насесте?
Чтоб обувь не просила кашки,
На улице бы деревяшки
Привязывал ты к башмакам —
И грязь не липла бы к ногам.
Когда бы в церкви болтуны
Не нарушали тишины,
Не говорили б мы, что бог
Плодить глупцов поменьше б мог.
Но дураки такой народ:
Шумят и норовят вперед!

Всем нам пример — Христос: из храма
Гнал торгашей он взашей прямо,
И тех стегал веревкой даже,
Кто голубей держал в продаже.
Разгневайся он так сегодня,
Заглохли бы дома господни.
Он, от попов очистив храм,
Добрался б и к пономарям!
Священен дом церковный: тут
Господь свой основал приют.

О ДУРАКАХ,
ОБЛЕЧЕННЫХ ВЛАСТЬЮ

У глупости шатер просторный —
Весь мир тут суетный и вздорный,
Мошны и силы раб покорный.

*

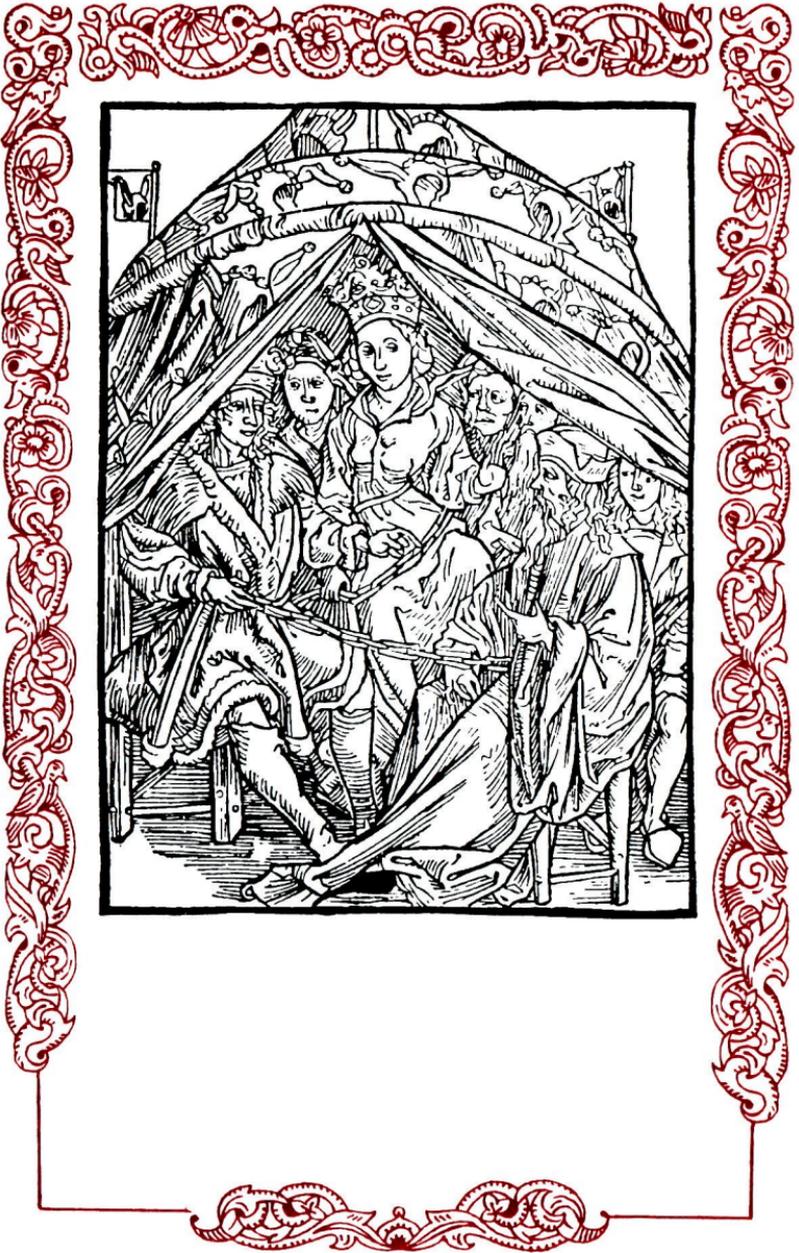
Глушцов кругом так много... но
Оно ведь и немудрено:
Кто сам себя среди мудрых числит,
Тот дураком себя не мыслит,
Хоть он-то именно кругом
Сльвет примерным дураком.
Но дураком назвать попробуй
Властносановную особу!
Казаться умными им нужно,
Чтобы глупцы хвалили дружно,
А не похвалят — каждый сам
Себе воскурит фимиам.
Но мудрый хвастуна узнает:
Ложь самохвальная воняет!
Кто чересчур самонадеян,
Тот глуп, посмешище людей он!
А тот, кто истинно умен,
Молвой всеобщей восхвален...

Блаженны страны, в коих славят
Князей за то, что мудро правят,
И где в совете нет мздоимства,
Где не в почете подхалимство
И нет распутства кутежей
Средь власть имеющих мужей.

Но горе странам, чей правитель
Глупец и правды не ревнитель:
С утра совет там кутит, пьет,
Не ведая других забот.
Иной бедняга, рыцарь чести,
На скромном, незавидном месте
Счастливей, чем король-дурак,
Кому беспечность — злейший враг.
Как мудрецы скорбеть должны,
Когда глупцы вознесены!
Но там, где глупость не в фаворе,
Там власть и благо не в раздоре.
В чести и силе та держава,
Где правят здравый ум и право,
А где дурак стоит у власти,
Там людям горе и несчастье.

Угодник мерзок нам везде,
И тем презреннее в суде:
Он может истину продать —
За грош тебя оклеветать.
Бесспорно, лавры судей ждут,
Чей нелицеприятен суд,
Однако ж и поныне люди
Страдают от неправых судей,
Подобных тем, что молодой
Сусанне мстили клеветой.
Заржавели, лишились блеска
И папский меч, и королевский
И не секут, где надо сечь,
Чтоб беззакония пресечь.

Подвластно все на свете злату.
О Риме так сказал когда-то
Югурта-царь: «О город блудный!
Тебя купить ничуть не трудно,
Лишь был бы кто купить готов!...»
А ныне мало ль городов,
Где и советы и суды —
Бессовестные слуги мзды?
Так рушат правые порядки
Власть, кумовство, корысть и взятки!..
Бывало, мудр был государь,
Ученые, бывало, встарь

В совет старейшин избирались,
А преступления карались;
В довольстве люди жили, мирно.
Но глупость полог свой обширный
Простерла над землею всей,
Вербуя в рать свою князей,
Чтоб здравомудрость угнетать,
Любостяжанью волю дать
И чтоб неопытный совет
Гнездовьем был народных бед,
Которых множится число.
Вот глупости всесветной зло!..

И дольше б княжил князь иной,
Когда б не стал на путь дурной,
А защищал бы справедливость
И льстивость бы карал и лживость
Советников, которых надо
Еще задабривать наградой!
Кто взял подачку — прихлебатель,
Кто принял взятку — тот предатель.

КОРАБЛЬ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Под скрип снастей, под всплески весел
С мастеровыми всех ремесел
Корабль от берега плывет
По вольному простору вод.
Мастеровые эти люди
Везут своих цехов орудья.
Но нет респекта в наши дни
К ремеслам. Портачи одни
И проходимцы-шарлатаны
Все — хоть ни два ни полтора —
Преуспевают, как ни странно.
Сегодня лезут в мастера:
Ремесел много — и теперь им
Житье, невеждам-подмастерьям,
И даже тем, кто и недели
Учиться делу не хотели!
Работают того лишь ради,
Чтобы соседу быть внакладе.
Чуть цену сбавил — хоть беги:
Все в городе тебе враги!
А не уступишь — большинство
Тебя поддержит для того,
Чтоб цены сохранить. А все ж
Цена дрянной работе — грош!
Но эти самые строптивцы
Сбивают цену, нерадивцы,
Плохой работой. Так у всех:
Тот назову иль этот цех, —
Свои изделия сбыть готовы
Все нынче по цене дешевой.
Но вещь плохая не нужна,
Как дешева ни будь она.

Теперь ведь каждый норовит
Придать вещам лишь внешний вид,
А для любого ремесла,
Воистину, нет хуже зла!

Я вам признаюсь кое в чем:
Немало с этим дурачьем
Я сам якшался, чтоб о них
Поведал мой правдивый стих.
Но многого я не сказал:
За два-три дня все написал,
А то, что делается спешно,
Никак не может быть успешно.
Принес один мазила раз
Свою картину напоказ
К прославленному Апеллесу.
Придать себе желая веса,
Похвастал он: «С такой картиной
Я справился за день единый!»
Но Апеллес в ответ: «Да ну?
За целый день — всего одну?!
По этой судя, я считал,
Что за день ты штук шесть создал!» —
Мазиле так сказал художник...

Теперь представьте, что сапожник
Стачал сапог пар двадцать в день:
Рассыпались бы, чуть надень!
Сколь было бы для всех плачевно,
Коль оружейник ежедневно
Ковал бы дюжину клинков,
Снабжая ими простаков?
От них не прок, а лишь помеха:
С плохим оружием не до смеха!
А если плотник без смекалки
Бревно для потолочной балки
Начнет тесать — так от бревна
Щепа останется одна!
И каменщиков есть немало,
Кирпич кладущих как попало.
Есть у портных свои грешки:
Длиннее делают стежки —
Скорей заказ готов. Увы,
Недолговечны эти швы!

А те, кто при печатном деле, —
Весь заработок за неделю
Беспечно в день один пропьют!
И то сказать, не сладкий труд —
И утомительный, и грязный:
Иль с мелочью разнообразной
Возись, иль книгу набирай,
И корректируй, и сверяй,
И краску черную вари
В такой жарнице, хоть умри!

Иному, впрочем, на работу
Не жаль ни времени, ни пота,
А сделал — все не так, как надо!
Но он из Обезьянограда,
И не было такого чуда,
Чтоб мастер дельный был оттуда!

На том же судне дураков
Немало есть учеников,
С которых шкуру-то дерут,
А платят им гроши за труд.
Но эти пустят все равно
Свой заработок на вино.
О завтра думать — есть ли толк:
Все пропилил — лезь, как в петлю, в долг...

...Так они едут — с цехом цех,
Но я собрал еще не всех!

О ДУРНОМ
РОДИТЕЛЬСКОМ ПРИМЕРЕ

Ребенок учится тому,
Что видит у себя в дому:
Родители пример ему.

*

Кто при жене и детях груб,
Кому язык распутства люб,
Пусть помнит, что с лихвой получит
От них все то, чему их учит.

Теперь вести себя прилично
Не в моде стало, и обычно
И женский пол, себя позоря,
Стал срамословить в разговоре.
Мужья — пример для жен своих,
А дети учатся у них:
Там, где аббат не враг вина,
Вся братия пьяным-пьяна!
Что говорить, — спокон веков
Полно на свете дураков!
Не волк воспитывал овец,
Походку раку дал отец.
Когда родители умны
И добродетельно скромны,
То благодетельны и сыны.
Попался как-то Диогену
Какой-то пьяный совершенно,
Впервые встреченный юнец.

«Сынок, — сказал ему мудрец, —
Ты, вижу, весь в отца родного:
Бьюсь об заклад — он раб хмельного!»

Коль видят нас и слышат дети,
Мы за дела свои в ответе
И за слова: легко толкнуть
Детей на нехороший путь.
Держи в приличии свой дом,
Чтобы не каяться потом.

О НАСЛАЖДЕНИЯХ

Кто похоти покорный раб,
Тот нищ умом и духом слаб, —
Он плохо кончит, жертва баб!

*

Грех похоти, мужской тем паче,
Сравнить могу я с девкой падшей,
Что, у порога сидя, в дом
Зовет прохожего: «Зайдем!» —
И ложе по цене дешевой
Со всяким разделить готова,
Суля обманчивое счастье
Поддельной, всем доступной страсти.
Дурак в ее объятья вмиг
Бросается, как дурень бык
Под тяжкий молот скотобойный
Иль как овечка, что спокойно,
Резвясь, вдруг в петлю попадет, —
А кто-то в сердце нож воткнет.
Смотри, глупец, не будь так рад —
Ты ввергнешь душу в темный ад,
Распутной девкой соблазнясь.
Но, похоти не покорясь,
Иного причастишься счастья.

Прочь от соблазнов сладострастья,
Чтоб в грех язычества не впал,
Как древний царь Сарданапал,
Кто мнил, что радости иной
Нам не дано, кроме земной,
А смерть всему кладет конец!

Себя же обличил глупец:
За мимолетным счастьем гнался,
А сам впоследствии признался:
«Кто наслажденья слишком любит —
Навеки сам себя погубит».
Нет радости, чтоб не минулась
И горечью не отрыгнулась,
Хоть, наслаждений трубадур,
Пел по-иному Эпикур!

О ТЕХ,
КТО ЖЕНИТСЯ НА ДЕНЬГАХ

Тот, кто, прельстясь деньгами, в брак
Вступить готовится, — дурак:
Дождется ссор, скандалов, драк!

*

Кто добровольно стал ослом,
Тому и мука поделом!
Женясь на старой, но богатой,
Заплачешь ты: «О, день проклятый!»
Жить будешь, как в тюрьме, во мраке,
В своем бесплодном, стыдном браке
С тем денежным своим мешком,
Который был твоим божком
И чьей начинкою приманен,
Ты одурачен, оболванен.
Столь неразумный шаг свершив,
Никто не может быть счастлив.
Да, кто вступает в брак такой,
Забудь про счастье и покой!

Уж лучше жить в пустыне голой,
Чем этой жизнью невеселой
Со злой женой, в плену таком,
Став денег ради дураком!
Коль нет свиньи, любитель сала
Зарежет и осла, пожалуй.
И что же? Сала — черта с два,
Скотинка бедная мертва,
Хозяину же, кроме слез,
Грязь остается и навоз.

Брак современный, между прочим,
Власть Асмодееву упрочил.
Где Вооз, кто на чужестранке,
Пришелице-моавитянке,
Женился, хоть была она
Совсем бедна и незнатна,
И жил в согласье с ней, любовно?
А нам помеха — ранг сословный
И златолюбье! Потому
Нет мира и любви в дому:
Бранятся врозь, бранятся хором:
Тот *urgereorum*, та — *vsbessorum*.

О ЗАВИСТИ И ЗЛОБЕ

Царят на свете три особы,
Зовут их: Зависть, Ревность, Злоба.
Нет им погибели и гроба!

*

Глупцов рождают нам всегда
С избытком Зависть и Вражда.
Желая вас предостеречь,
О них веду сегодня речь.
В словах «твой», «мой» находим завязь
Того плода, чье имя Зависть.
Хуля мое, ты им прельщен,
Чем я, конечно, возмущен.

Чуть Зависть нас однажды ранит,
Смертельной эта рана станет.
Природа Зависти одна:
Наметит цель себе она —
И чтоб достичь ее верней,
И день и ночь стремится к ней.
Ни сна, ни отдыха ей нет,
А сердцу — боль, а сердцу — вред.
Как жалкий пес, завистник бедный
Страдает, отощавший, бледный,
И, задыхаясь в лютой злобе,
На всех он смотрит исподлобья.
Смеется Зависть нам на горе,
Когда корабль потопит в море.
Не станет пищи ей — сожрет
Сама себя, но не умрет.

У Зависти есть страшный яд —
Им отравляет брата брат:
Припомним Каина, Исава,
Себя покрывших черной славой;
Сынам Иакова, Фиесту
И многим тут нашлось бы место.
Так Зависть обуяла их,
Что в них и голос крови стих!
Ведь нет вражды неукротимей,
Чем ненависть между своими!

О ВРАЧАХ-ШАРЛАТАНАХ

Вас, кто врачует самозванно,
Пройдохи ловкие, профаны,
Вас обличаю, шарлатаны!

*

Что скажешь ты глупцу врачу,
Который, глядя на мочу
Смертельно-тяжкого больного,
В растерянности бестолковой
Хватает лекарский томище
И указаний, неуч, ищет?
Пока внимает он, смекает, —
Больной и дух свой испускает!
Иные лезут в медицину,
Всего и зная лишь ригину
И то, что в книжке-травнике
И у старух на языке.
Противу правды не греша,
Скажу, что много барыша
По милости больных болванов
Течет в карманы шарлатанов.
Как в старину, так в наши дни
Любую лечат хворь они
И разбираться не привыкли,
Кто болен — юноша, старик ли,
Какого пола пациент,
Каков природный элемент:
Горяч, прохладен, сух иль влажен, —
И вид у них напыщен, важен!

Мешок травы, бочонок мази —
Вот пластырь вам для всех okazji:
Столь действенная сила в нем,
Что и нарыв, и перелом,
И язвы, и параличи —
Все этим пластырем лечи!
Кто пользуется болезнью глаз
Одною мазью каждый раз,
Кто без сосуда для воды
(Невеждам в этом нет нужды!)
Клистиры ставит, очень просто
Себя прославит, как Цуоста!
Подобный врач похож при этом
На адвоката, что советом
Не выручит: не знает он,
Какой к чему приткнуться закон!
Духовнику он также пара,
Не сведущему, что за кара
Вас на суде господнем ждет
За этот грех или за тот.

Беда, коль неуч неумело
Не за свое берется дело
И только мзду обманщик любит:
Доверишься ему — погубит!

О САМОВЛЮБЛЕННОСТИ

Я в зеркало смотреться рад:
К лицу дурацкий мне наряд.
Кто схож со мной? Осел, мой брат!

*

Дурацкую тот варит кашу,
Кто мнит себя умней и краше
Всех остальных, кому не лень,
Как одержимому, весь день
Глядеться в зеркало, себя
В зеркальном облике любя,
Но, видя рожу двойника,
Не признавать в ней дурака!
Чуть он услышит рассужденье
О красоте иль обхожденье, —
И клясться уж готов, что он
Один всем этим наделен,
Что он судьбой своей отмечен,
В делах, поступках безупречен.
Где б ни сидел, где б ни лежал,
Куда б ни шел, ни поспешал,
А зеркало всегда при нем.
Таких и в прошлом мы найдем:
Когда-то в Риме Марк Отон
Был императором. Вот он
И на охоту, даже в бой
Всегда брал зеркало с собой
И брился дважды в день, и мыться
Любил он молоком ослицы.

Но женщин я б не упрекал,
Что жить не могут без зеркал, —
Их все-таки, бедняжек, жаль:
Год нужен им надеть вуаль!

Кто мнит, что он лишен изъяна, —
Схож с гейдельбергской обезьяной.
В творенье рук своих влюблен,
Свихнулся царь Пигмалион.
Нарцисс не умер бы юнцом,
Не обольстись своим лицом.
Но к зеркалам и тех влечет,
Кому глядеть в них не расчет.

Кто стал бараном глупым, тот
Советов мудрых не поймет:
Теперь по естеству он глуп, —
Чин дурака барану люб!

О ТАНЦАХ

Кáк благо танцев не признать:
Вперед шага четыре-пять
И столько же проходишь вспять!

*

Я объявляю дураками
Всех тех, кто, дрыгая ногами,
В прыжках дурацких и круженье
Находят удовлетворенье.
Но лишь помыслию я о том,
Что танец порожден грехом,
Я в выводе суровом тверд:
Людей навел на танцы черт,
Создав для них тельца златого,
Дабы унижен был Иегова.
От танцев много есть последствий,
Весьма тлетворных в младолетстве:
Заносчивость и самохвальство,
Распутство, грубость и нахальство.
Стыдливость в танцах не в чести, —
Как тут невинность соблюсти?!
На танцах сверх обычной меры
Нас тянет в дом мадам Венеры,
Амур нас дразнит, шалопут,
И добродетели — капут!

На всем на этом свете, право,
Я не видал вредней забавы,
Чем в храмах — танцев допущенье
При первом даровозношенье,

Когда, забыв и стыд и страх,
Не только поп, но и монах
С толпой мирян во грех сей тяжкий
Впадает, оголяя ляжки.
(Кой-что еще назвать я смог бы!)
Им танцы — лакомее смоквы!

Дай Кунцу с Кларой в пляс пуститься.
Готовы целый день поститься.
Бедняжки! Труд ножной тяжел!
Глядишь — точь-в-точь с козой козел!..
Коль их в мой флот я не зачислю,
Я, значит, в глупости не смыслю...

Ах, танцев жаждет стар и молод,
Неутолимый это голод!

НОЧНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ

Кто под любимым окном охоч
Проволокитствовать всю ночь, —
Тот мерзнуть, видимо, не прочь.

*

Что там за шум, что за галдеж?
Не карнавальный ли кутеж?
То всполошила весь квартал
Орда ночных праздношатал:
Покой домашний им не лаком —
Милей на улице гулякам
Торчать под окнами красотки,
Бренчать на лютне и драть глотки,
Чтобы, с постели встав, она
Им улыбнулась из окна.
Пропет один, другой стишок,
А из окна ночной горшок
На них выплескивает прямо
И камнем потчует их дама.
Невелико веселье, впрочем, —
Трястись от холода всю ночь им,
Во флейту дуть, струну щипать,
Петь серенады и не спать
И через рынок дровяной
Стремглав нестись, как кот ночной.

Среди студенческой толпы
Тут не в диковину попы,
Тут разных возрастов миряне —
И много ссор, и много брани,

И много просто всякой дряни,
Тут рев, и бляенье, и вой
Скотов, ведомых на убой.
Глупец глупцу дает наказ,
Где должен в следующий раз
Петь за него он серенаду,
Но все держать в секрете надо.
Однако же о том секрете
Уже известно всем на свете.

А жены их как бы хотели
Любви в супружеской постели,
Покуда козлики их скачут!
Еще доскачутся — заплачут!

О НИЩЕНСТВЕ

Я обличаю в этой книжке
Всех дураков и их делишки:
Спасайтесь, нищие людишки!

*

Глупцов мы и среди нищих същем,
Числа теперь не стало нищим:
Их братия не голодна,
Богатые есть ордена!
Но как ни велики богатства,
На бедность жалуется братства
И клячат, не жалея слез:
«Подайте, как учил Христос!»
Завет о бедных и убогих
Обогащает ныне многих.
Кричит вожак: «В дорогу, братцы!
Мешки полны! Живей собратсья!»

От века продавцы реликвий
Народ обманывать привыкли.
На паперти шумит базар,
Разложен плутовской товар —
Все тут священно, драгоценно:
Из вифлеемских ясель сено,
От Валаамовой ослицы
Кусок ребра; перо хранится
Архистратига Михаила
(Не сякнет в нем святая сила);
Тут есть уздечка боевого
Коня Георгия святого;
Одна сандаля святой Клары...

Как часто человек не старьй,
Не хворьй, а во цвете лет,
У коего ни права нет,
Ни маломальской нет причины
Не гнуть в работе честной спину,
А так — бесстыжий тунеяд,
Кто жить, бездельничая, рад, —
Легко протягивает руку!
Он эту низкую науку
И детям преподаст своим,
Дабы им нищенствовать с ним,
А кой-кому из них сей муж
И руку вывихнет к тому ж,
И будет истязать их, мучить,
Чтоб жалостливей им канючить.
Немало жертв таких, как эти,
Ты в Страсбурге, и в лазарете
Найдешь, и в доме для сирот, —
Не дремлет попрошайный сброд!
Наш город Базель, между прочим,
Их плутней служит средоточьем,
Но вникнуть в их дела попробуй, —
У них и свой язык особый!
Что совесть? Жизнь сытней была бы!
У каждого из них есть баба:
На улице — ах, боже мой! —
Как немощна! А что домой
Приносит с в о е м у! А тот
Нажрется и винцом запьет;
Потом приходит в кабачок,
Там попадется простачок —
Сыграет в кости с ним мошенник,
И дурачок ушел без денег!
Но так как плут везде плутует,
То часто, как цыган, кочует —
Спасается, возмездья труся.
Там стянет курицу, там гуся —
И в путь. А с ним три неразлучных
Пройдохи тертых — три подручных...

От сребролюбья спятил свет:
Все жаждут лишь монет, монет!
Герольды были в старину,
Оповещавшие страну,

Какою карою какие
Дела карались плутовские.
Герольдов уважал народ.
Теперь любой бахвал орет,
И, что-то возвещая, врет,
И палку носит, как когда-то
Нес булаву герольд-глашатай:
Такое нищенство доходней
И с виду как-то благородней.
О ловкачи! Взглянуть на платье —
Все рвань, заплатка на заплате,
Но кубок чтоб чеканным был
И плут чтоб семь раз на день пил!..

Не всех костыльников жалей:
Тайком — пойдут без костылей!
Один падучую устроит
И этим выручку утроит;
Другой отдаст ребят в прокат
Тому, кто ими не богат,
А тот усадит их в корзины,
Нагрузит на хребет ослиный,
Как пилигрим, что, мол, на благо
К святому их везет в Сантьяго.
Костыль, клюка иль деревяшки,
Горб у бедняги иль бедняжки
Или гноящаяся рана —
Все это только для обмана!..

Могу ль всех перечислить я?
От нищих нам уж нет житья,
Их шаек все растет число.
Ведь нищенствовать тяжело
Тому, кто истинно в беде —
Противостать не мог нужде.
А дармоед, само собой,
Доволен нищенской судьбой:
Сыт хлебом он всегда пшеничным,
И мясом, и вином отличным —
Его ривольским услаждай,
Эльзасского ему подай!

Так попрошайничества зло
И превратилось в ремесло.

Беспечность, лень, кутеж, картеж —
Промотанного не вернешь, —
Сума на плечи, в руку клюшка —
И промышляет побирушка.
А нет теперь, увы, запретов
На плутни нищих-пройдисветов!

Живут они, всех нас колпача,
Меня с тобой куда богаче!

О ЗЛЫХ ЖЕНАХ

От злой жены чтоб улизнуть
И обрести покой чуть-чуть,
Муж пустится и в дальний путь.

*

Дабы не вызвать нареканий,
Я вас предупреждал заране:
Достойных женщин ни одним
Стихом не трону я своим,
Но осужденья заслужу,
Когда плохих не осужу.
Жена, коль не глуха к внушенью,
Не столь падка на искушенья.

Муж ласков, коль жена нежна,
И он суров, коль зла жена.
Но раз у бабы лютый норов,
Не оберешься разговоров:
Брань, верещанье, воркотня
И ночью, и в течение дня,
Попреки, плюхи, пыль столбом
И ложь на лжи — хоть в стену лбом!
Брань не смолкает и в постели:
Супруг несчастный терпит еле,
Внимая проповеди в час,
Когда сам пастор спит у нас.
Тянуть с женой веревку станешь —
Знай, никогда не перетянешь!

Иная с виду так скромна,
А дома — лишь она умна:
Чтоб муж молчал, не поучал,
Чтоб ничего не замечал!

Язык иной жены для мужа
Врага отъявленного хуже.
Уж если баба распалится,
Она свирепее, чем львица,
Оберегающая льявят,
Когда пленить их норовят.
Мы, поразмыслив кой о чем,
К такому выводу придем:
Ловушек нет страшней на свете,
Чем тайные силки и сети,
Что женщины спокон веков
Плетут для ловли дураков.

Три вещи мир бросают в дрожь
(Четвертой — не переживешь):
Вдруг ставший барином холоп,
Обжора, пьяный остолоп,
И тот, кто плоть и дух свой слабый
Связал со злобной, грубой бабой.
А где служанка в госпожах,
Там родословный ствол зачах!

Есть три других — ненасытимы
(Четвертое — неукротимо):
Жена, земля и бездна ада —
Сколь ни давай, еще им надо!
Огонь не скажет добровольно:
«Натешился! С меня довольно!»

Я трех вещей постичь не мог
(Избави от четвертой бог!):
Орла, парящего над тучей,
Змею на каменистой круче,
Кораблик дальний средь зыбей,
Мужчину — мальчика глупей.
С иной женой бывает так:
Чуть-чуть не осквернила брак
И губ еще не остудила,
А скажет: «Разве я блудила?»
Худая кровля не страшна —
Страшна сварливая жена!
Что сатана тому бедняжке,
Кто с ведьмой жил в одной упряжке?

ОБ АСТРОЛОГИИ

О звездах ныне столько чуши
Наворотили — вянут уши.
Но верят в чушь глупцы, кликуши!

*

Наобещает вам дурак
То, что свершить нельзя никак:
«Любую хворь я излечу,
Я, мол, и горы сворочу!»
Весь мир того не совершит,
Что посулить дурак спешит.

Глупцов безмозглых предсказанья
Мозг обрекают на терзанья.
Что бог судил нам в мире этом,
То по созвездьям и планетам,
Забыв, что ими правит бог,
Предречь нам тщится астролог,
Как будто мы постигнуть можем,
Что уготовил промысл божий...
...Хоть не язычник он слепец,
Но он христианин-глупец:
Ужель в созвездьях разберешь,
Какой хорош иль нехорош
Для купли день, и для продажи,
И для строительства, и даже
Для объявления войны,
И для женитьбы, между прочим,
И для всего, о чем хлопочем?..

. . . . .

С прискорбием гляжу теперь я,
Как расплодился суеверья:
Толкуют тот или иной
Крик птицы в тишине ночной,
И сны берутся толковать,
И прорицать, и колдовать,
Тщась от луны добиться ясной
Того, что просят днем напрасно.
Да, чернокнижья лжеученье
Теперь для многих — увлечение!
Как простолюдые, так и знать
Все тайное хотят познать —
И обзаться чем угодно.
Но все напрасно, все бесплодно!

Они не только бег планет
Истолковать дерзают, — нет! —
По ходу звезд хотят исчислить,
О чем способна муха мыслить
И приговор судьбы грядущей:
Кому привалит куш большущий,
Кто будет счастлив, кто умрет.
Морочат чепухой народ!
От глупости весь мир оглох,
Глупец глупцам — пророк и бог!
Мне ль о печатниках смолчать?
Им что ни дай, они — в печать:
Истолкованье снов, судеб —
Все им пожива, все им хлеб.
Срам — тискать книжечки с такой
Невежественной чепухой!
Какую чушь теперь ни порют,
Никто против нее не спорит...

Когда б учений ложных зло
Бед и напастей не несло,
Не утверждали б мы так смело,
Что это — дьявольское дело.
Зловредна астрологов ложь:
Пророчат и скота падеж
По звездным измененьям неба,
Неурожай плодов и хлеба,
И гибель виноградных лоз,
И дождь, и ветер, и мороз.

Крестьянам на руку оно:
Зерно придержат и вино, —
Ведь петля голода туга —
Раскупят все втридорога!
А надо бы к сему причастных
Лжепрорицателей опасных
Судить, карать, и очень строго:
Бог неподвластен астрологу!
Но божья милость оскудела —
И процветает черта дело!

О ГЛУПЦАХ,
НЕ ПРИЗНАЮЩИХ СЕБЯ ГЛУПЦАМИ

О Марсии подумать жутко:
С него содрали кожу — шутка?!
Зато при нем осталась дудка!

*

Дал бог глупцам одну натуру:
Не признаются, хоть ты шкуру
Сдери, что дураки они.
К примеру — Марсий в оны дни.
Глупец и глух и слеп — ведь он
Вполне уверен, что умен.
Глумиться можешь над болваном,
Как над паяцем балаганным,
Дурак в самодовольстве чванном
Сочтет издевку похвалой.
Но дудка — обличитель злой!

Богатый окружен друзьями —
Друзья его толкают к яме,
Пока, обобранный вконец,
Не разорится он, глупец,
И всех друзей лишится тоже.
Тут взмолится он: «Боже, боже!
Где ныне все мои друзья
И кем утешен буду я?
Задуматься бы раньше мне,
Не очутился бы на дне!»

Дурак большой, конечно, тот,
Кто промотать способен в год
То, чем безбедно мог бы жить
Всю свою жизнь и не тужить.
Но так как был он очень глуп,
То на издержки не был скуп
И задавал пиры с утра.
И вот — пойти с сумой пора!
Где прежнее великолепье?
Ходи босой, носи отрепье —
Посмешище бывлым друзьям!
Тут плачь не плачь — виновен сам!
Но благо тем, друзья которых
Добры, верны, с кем в разговорах
Утешишься, найдешь участие.
Мы одиноки большей частью!..

Есть и чудовищная глупость —
Непрошибаемая тупость:
Живьем сдирай с такого шкуру —
И то не разберется сдуру
Безмозглый этот остолоп,
Ушами только хлоп да хлоп!
Нередко шуточку отмочит
Иной глупец — и сам хохочет,
А кое-кто заметит так:
«Зачем старается дурак
Изобразить нам остряка?
Ведь сразу видно дурака.
Дурак он — больше ничего,
Ничтожное он существо!»

Иной бы умным стать хотел,
Да сдуру в дудку задудел,
Тем доказав для славы вящей,
Что дуралей он настоящий.
Еще один есть вид глупца,
Что вылупился из яйца
Сороки или попугая.
Тут страсть дурацкая другая:
Чтоб очень умным показаться —
Всегда ученых тем касаться.

Но видят сразу все кругом —
Судьба свела их с дураком:

Ни слова не сказал толково!
Возьмись ты дурака такого,
Как перец в ступе, день и ночь
Хоть год без устали толочь,
Не выбьешь дури из болвана:
Самообман — отец обмана!

Кой-кто терпеть согласен муки:
Пусть ему скрутят ноги, руки,
Лишь денег дали бы ему,
Чтоб тайно их копить в дому.
Пускай честят на все лады,
Плюют в лицо — в том нет беды:
Чего не стерпишь ради денег, —
Лишь бы процентик, хоть на пфенниг!
Доказано ведь не однажды:
Имеешь больше — больше жажда!

Но есть еще глупцы одни:
Нет ни детей, и ни родни,
И ни друзей, а все в трудах,
В заботах тяжких и мечтах —
Копить, копить! Спроси его —
Он сам не знает, для кого!

Когда в воде сидел Тантал,
То проку в этом не видал,
И радости не испытал
Он и от яблок наливных:
Сорвать с ветвей не мог он их!

О СУТЯЖНИЧЕСТВЕ

Вам поношенье, вам позор,
Зачинщики раздоров, ссор!
Вы не затмите правде взор!

*

Да, я непримиримый враг
Неугомонных тех сутяг,
Что ссорятся всегда со всеми,
Проводят в спорах, в склоках время,
На мировую не идут
И чуть какой пустяк — так в суд.

А чтобы дело затянуть
И правосудье обмануть,
Они в сутяжническом зуде
Выводят из терпенья судей.
Но тщетны все увещеванья:
Под колокольный звон изгнанье
Пускай присудят, пусть ославят,
Хоть вне закона пусть объявят, —
Сутяга рад: он убежден,
Что с дышлом схож любой закон.
Да, он доволен, не пытаюсь
Понять, что он и есть тот заяц,
Что, жарен в собственном соку,
Раздарен будет по куску
Как адвокатам, так и судьям
И многим прочим нужным людям,
Из коих каждый — молодчина
Ловушки ставить на дичину.

Река течет из родника,
Процесс в суде — из пустяка!
Теперь потребен стряпчий новый,
Да иноземный — недешевый,
Кто вновь закрутит все, затянет
И пуще судей оболванит.
А что при том пропьют, прожрут —
Того не стоит весь их труд!
Тем больше дров, чем дальше в лес, —
И все запутанней процесс!

Сутяг таких не обуздать —
Зады им нужно отхлестать!

О БЕСПОЛЕЗНОСТИ ОХОТЫ

Что стоит денег и заботы,
А много ль пользы от охоты,
Имей хоть славу знатока
Охотницкого языка?

*

Охотой, правду говоря,
Лишь время убивают зря.
Сказать — забава нам нужна,
Так слишком дорога она:
Всех этих гончих и борзых
Не кормят из горшков пустых.
Что станет пес вам или птица,
Никак не может окупиться
Ни редкой куропаткой вашей,
Ни тощим зайчиком в ягдташе.
А сколько стоит сил, тревог —
Скакать за дичью без дорог,
Обрыскивать долины, горы,
Овраги, степи, рощи, боры,
Сидеть в засаде, не дохнуть,
И вдруг чихнуть — и дичь спугнуть!
Распуганной в охоте дичи
Намного больше, чем добычи.
Но часто в ход идет дичинка,
Что нам стрелок приносит с рынка.
Стяжать себе желая славу,
Затеет кое-кто облаву
На кабана, медведя, льва,
Однако тот стрелок едва

Козулю робкую убьет.
А тут уж страху он хлебнет!

Добычу добрую зимой
Крестьянин понесет домой
И, живо распродав дичину,
Подставит ножку дворянину.

Отцом охоты был Нимрод,
Чей богом был отвергнут род.
Охотником заядлым став,
Слыл грубым грешником Исав,
Не то что праведный Иаков.
Но не найдешь теперь, однако,
Таких, как Губерт и Евстахий,
Что отказались, в божьем страхе,
От всех охотничьих забав,
Путь службы госпуду избрав.

О ХВАСТОВСТВЕ

О, рыцарь старины ушедшей!
Я сам, поверьте, сумасшедший.
Хотите шпорами гордиться?
Я надеру вам уши, рыцарь!

*

Глупцов представляю вам сейчас тут,
Привыкших подвигами хвастать.
Бахвал, сколь ложь ни будь нелепа,
Мнит, что все люди верят слепо,
Когда он им бесстыдно врет,
Как стар его дворянский род.
А между тем отец его
Только и знал скорей всего,
Что колотушкой бух-бум-бом! —
Бондарным занят ремеслом;
Мог также быть из конокрадов,
А может, скупщик без закладов
Иль даже ростовщик-злодей,
Пускавший по миру людей.
А отпрыски такого предка
Теперь стараются нередко
Дворянским званьем щеголять,
Чтоб надлежало представлять
Их так отныне: «Ганс фон Менц,
И сын их — кавалер Винценц!»

Тех, кто себя так превозносят,
Не любят люди, не выносят.
Любой хвастун, надутый чванством —
Болван, прославленный болванством,

Как господин фон Бруннедрат,
Тот рыцарь, тот аристократ,
Кто из-под Муртена позорно
Так улепетывал проворно,
Что выше пояса, со страху,
Штаны загадил и рубаху,
Но все ж — со шлемом и щитом —
В дворяне выскочил потом:
Был щит его чеканно-клетчат,
В гербе — цаплеобразный кречет,
Гнездо с пятком яиц на шлеме,
Заносчивый петух в эмблеме,
Что, видимо, был сам готов
Своих высиживать птенцов.

Таких болванов много есть,
Которым воздается честь,
Которым выдают награды
За возглавленье региряды,
Когда на всем бегу назад
Врагу седалищем грозят,
Хваля впоследствии свою
Отвагу в том лихом бою:
«Стрелял, колол — всех наповал!»
Но сам так далеко бахвал
Бежал от схватки, что едва ли
И пулей бы его достали!

Но Гинцу или Кунцу нужен
Дворянский герб — и чтоб к тому ж он
Был обязательно со львом
На светлом фоне золотом,
И — в верхней, в нижней половинке ль —
Корона, шлем и род: «Кревинкель».
Пергамент и печать добыл —
Ты «голубую кровь» купил!
Все нынче жаждут подтвержденья
Дворянского происхожденья.
Но только нравов благородство
Есть грамота на превосходство.
Тот благороден, на мой взгляд,
Кто честь блюдет, трудиться рад,
А кто сих доблестей лишен,
Ленив, распущен, неучен, —

Не благороден, прямо скажем,
Хоть графским сыном будь, хоть князьим...
Так лезет в доктора иной,
Хоть и страницы ни одной
Из «Corpus juris» не прочел.
Ученой степенью осел
Его пожаловал: пергамент —
Прав его докторских фундамент.
Вот почему — не ради блажи —
Здесь доктор Цап всегда на страже:
С ним неучу несдобровать —
Так его за уши и хватать!
О, этот доктор Цап — мудрец,
Всем докторам он образец:
Учился дома, на чужбине,
Что знает он — не снится ныне
Всем этим новоиспеченным
Так называемым у ч е н ы м:
Берет и мантия — и вот
Невежда д о к т о р о м слывет!
К примеру, некий Ганс Дермо —
На лбу ничтожества клеймо.
Края норвежцев, мол, и шведов
Он изучал, не раз изведав
Их стужу, он и южный зной
Претерпевал в стране одной,
Из коей дальше нет дорог...
А он от дома, видит бог,
Не отходил на расстоянье,
Когда не чует обонянье
Той колбасы чесночной духа,
Что в доме жарит мать-старуха!

Различны виды хвастовства —
Не перечислишь большинства:
Дурак вовек не может снесть,
Что он таков, каков он есть!

ОБ ИГРОКАХ

Иные сядут за картишки —
Что им беседа, что им книжки, —
Дела забыты и детишки!

*

Не редкость также дураки —
Отъявленные игроки,
Кому без их игрецкой страсти
Нет в жизни радости и сласти;
Кто жаждет день и ночь азарта,
Будь это кости или карты;
Кто рад за круглый стол засесть —
И ночь и день не спать, не есть,
Но чтоб вино не иссякало
И жарче страсти разжигало,
Так, чтобы завтра видел каждый
Последствия вчерашней жажды:
Тот желт иль груши зеленой,
Того тошнит в углу сеней,
У третьего же цвет лица
Бледнее, чем у мертвеца,
Четвертый стал, напротив, черным,
Как будто он возился с горном.
Всю ночь играют, попивают —
Зато потом весь день зевают,
Как будто мух ловить хотят!..
Иного пусть озолотят,
Чтоб высидел какой-то час
На проповеди хоть бы раз

И не храпел в рядах передних
Так, чтоб умолкнул проповедник, —
Сон побороть ему невмочь.
А вот за картами всю ночь
Сидеть он будет напролет —
И не зевнет и не всхрапнет!

Ослепли дамы в наши дни —
Забыли, кто и что они:
Пренебрегая женской честью,
С мужчинами развязно вместе
Играют в карты до утра,
Что не приносит им добра.
За прялкой лучше бы сидели,
Чем при таком не женском деле!
Играли врозь бы оба пола,
Оно б не так глаза кололо.

Страдая честолюбья жаждой,
Задумал царь Филипп однажды,
Чтоб Александр на приз бежал
И славу бегуна стяжал.
Ответил Александр-мудрец:
«То, что ты требуешь, отец,
Исполню я, но при условии —
Бежать с сынами царской крови.
Поэтому проси меня,
Когда найдется мне ровня!»
А ныне до чего доходят?
Кто с кем компанию не водит?
И горожане и дворяне
Якшаются со всякой дрянью,
С последней швалью, с кем позор
Вступать в общенье, в разговор.
Но и попы играть садятся
С мирянами — и не стыдятся!
Вот этому прощенья нет!
Им как-никак подумать след,
Что чувства зависти и злобы
У лиц духовных — грех особый:
Чуть проиграл — и злоба вспыхнет,
А с нею — зависть не утихнет.
И вообще не со вчера
Запрещена попам игра!

Кто любит сам с собой играть,
Не будет от стыда сгорать,
Встал должником из-за стола,
И не побьют его со зла.
Но, говоря об игроках,
Я должен в нескольких строках
Напомнить, что сказал Вергилий, —
Ведь игроки и в Риме были:
«Не горячись в игре, дабы
Не стал ты жертвою судьбы.
Игры непостижима власть —
Мутит рассудок эта страсть.
В ком здравый разум все же есть,
В игре да соблюдает честь!
Не меньше денег дорога
И выдержка для игрока.
Не горячись, играй спокойно,
А проиграв, держись достойно...»

Бывает часто с игроком:
Сел богачом — встал бедняком.
Кто карты взял, прельстясь наживой,
Тому не знать игры счастливой.

Игра азартная грешна:
Она не богом нам дана, —
Ее придумал сатана!

О ПОДХАЛИМСТВЕ

Придворных холить жеребцов —
Искусство низкое льстецов
И путь к успеху подлецов.

*

Эй, лизоблюды, паразиты,
Вас повезет корабль закрытый,
Вас, шаркунов придворных льстивых,
Вас, хитрых подхалимов лживых,
Обманывающих господ
И презирающих народ!
Ища местечек потеплее,
На славословья не жалея
Ни фимиама, ни елея,
Питается холуйский люд
Лизанием господских блюд.
Что подхалиму честь, когда —
Глядишь — сам вышел в господа
За то, что знал как с ловчей птицей,
С конем дворцовым обходиться,
Умел держать по ветру нос,
Лгать и хвостом вилять, как пес!
Кто в ход пускает ложь и лесть,
Тому легко высоко влезть,
Хоть раньше он и на порог
Хором таких ступить не мог.
Льстецов бесстыжих обожают;
Их за дворцовый стол сажают;
Они в фаворе, потому что
Двор не имеет в чести нүжды.

Но льстец иной, чтоб отличиться,
Так поусердствует скребницей,
Что конь со ржанием сердитым
Лягнет его в живот копытом —
И лизоблюд с господским блюдом
Коль жив останется, так чудом!

Мы лесть и ложь прикончить можем,
Лишь только глупость уничтожим.
Когда бы все такими были,
Какими кажутся нам или
Казались тем, что есть на деле, —
Куда бы колпаки мы дели? .

О НАУШНИЧЕСТВЕ

Тот легкомыслен безнадежно,
Кто верит каждой сплетне ложной,
А ложь мерзавцам — корм подножный.

*

Что ни нашепчешь дураку,
Все лезет в глупую башку.
Чуть лопоухого заметил,
Ты, значит, дуралея встретил.

Ужель мы не глупцами будем,
К порядочным причислив людям
Злокозненного негодяя,
Который, сзади нападая,
На безоружного обрушит
Кулак и тяжко оглоушит?
Теперь удар из-за угла
Молва в искусство возвела.
И правда: лихо ныне бьют,
Бьют — и ответить не дают,
Бьют — и глумятся подло, гнусно,
Коварно и весьма искусно!

Тут в ход пускают очень ловко
И подмалевку, и тушевку,
И лживый вздор клеветников
Прельщает уши дураков.
Но жертве оговора злого
Никто не даст сказать ни слова.
Лишен защиты, будет он
Судом облыжно осужден,

А правды так и не докажет:
В мешок его впихнут — и свяжут!

Не слушал бы жену свою,
Адам остался бы в раю,
И Ева, в любопытстве праздном,
Не вверься змиевым соблазнам,
При муже и по наше время
Блаженствовала бы в Эдеме.
Кто слишком легковерен, тот
Себя до петли доведет.
Лукавым шептунам не верь:
Весь мир фальшив и лжив теперь.

О ФАЛЬШИ
И НАДУВАТЕЛЬСТВЕ

Алхимия примером служит
Тому, как плутни с дурью дружат
И как плуты живут — не тужат.

*

Теперь мы на парад шутов
Пошлем поддельщиков, плутов.
Все ныне фальшь: друзей советы,
Любовь, и дружба, и монеты.
Не стало братских чувств: обманом
Находят путь к чужим карманам.
Хоть сотню ближних разоришь, —
Не страшно: главное — барыш!
Что честностью нам дорожить?
Нажить, хоть душу заложить!
И тысяча пусть ляжет в гроб,
Чтоб куш ты пожирней загреб!

Исчезло чистое вино,
Теперь — бог знает что оно!
Его поддельвают хитро:
Поташ берется и селитра,
Корица, сера и горчица,
Сухая кость — ребро, ключица,
Коренья, всяческое зелье —
Вот нынешнее виноделье!
Всю эту гадость в бочки льют —
Беременные жены пьют

И, раньше времени полнея,
Не обольщают нас сильнее,
Бывает, что вино такое
Ведет и к вечному покою...

Подковывают кляч, которым
Пора предстать пред живодером.
Копыта в войлок замотав
И снадобий бодрящих дав,
Стоять их приучают, словно
На долгой всенощной церковной.
Хотят на полудохлой твари
Нажить, как на гнилом товаре.
На этом держится весь мир:
Барыш — вот наших дней кумир!
Нет верной меры, локоть укорочен —
Фунт сохся, локоть укорочен;
В суконных лавках так темно —
Не разобрать, что за сукно.

Покуда ты с открытым ртом
Глядишь на строящийся дом,
Мясник уже нажмет тем часом
Привычным пальцем чашу с мясом,
Любезно вновь о весе спросит —
И на прилавок мясо сбросит.

Дороги не годны ни к черту.
С деньгами плохо: слепы, стерты,
Иных и вовсе бы не стало
Без постороннего металла.
Фальшивых денег — пруд пруди:
Берешь, так в десять глаз гляди...

Ну, а духовные столпы —
Монахи, схимники, попы?
Их благочестье — фальшь, игра:
Нельзя от волка ждать добра,
Хоть шкура будь на нем овечья!..

Да, не забыть: сверну тут речь я
На архидурье плутовство —
Алхимией зовут его.

Вот этой, мол, наукой ложной
И золото в ретортах можно
Искусственным путем добыть, —
Лишь надо терпеливым быть.
О, сколь неумные лгуны —
Их трюки сразу же видны! —
Кто честно и безбедно жили,
Все достояние вложили
В дурацкие реторты, в тигли,
А проку так и не достигли.
Сказал нам Аристотель вещей:
«Неизменяема суть вещи»,
Алхимик же в ученом бреде
Выводит золото из меди,
А перец — из дерьма мышей
Готовится у торгашей.
Подкрашивают все меха,
Но обработка их плоха:
За два-три месяца ни ости,
Ни пуха в шубе нет, — хоть бросьте!
Из суслика и мускус гонят —
От вони вся округа стонет!
К селедкам свежим на подвеску
Подкинут тухленькую — трескай!
Сидят везде, как пауки,
Старьевщики-ростовщики.
Торгуя держаным товаром,
Мешают новое со старым,
И что ни день — торгош-мошенник
В карман кладет немало денег.
Вам рухлядь всучат здесь, и хлам,
И плесень с гнилью пополам.
И впрямь блажен тот человек,
Кто надувательства избег!
Отец теперь детьми обобран,
Но был и сам отцом недобрым.
Трактирщик с гостя лишку хватит,
А гость фальшивыми заплатит.
Повсюду фальшь, обман, коварство:
Уж не антихристово ль царство?

О ЗАМАЛЧИВАНИИ ПРАВДЫ

Кто правду утаил из лести
Иль даже опасаясь мести,
Дождется божьего возмездья!

*

Глупец трусливый — потому
Что некто пригрозил ему
Иль сам, желая подольститься, —
Поведать истину боится,
Плюя на совесть и на честь,
Забыв, что бог на свете есть.
А бог всем тем оплот и щит,
Кто, зная правду, не молчит.

Когда б сказал во время оно
Всю истину пророк Иона,
Не знал бы он такой порухи —
Барахтаться в китовом брюхе!
Но Илия — пророк-герой:
За истину стоял горой,
И бог святого Илию
Призрел и приютил в раю.
Сияньем правды осиян,
Крестил Исуса Иоанн.

Коль другу дружески сурово
Сказали вы упрека слово,
А тот не хочет слушать вас,
Не огорчайтесь: будет час —
Он сам поймет, что больше прока
От горькой истины упрека,

Чем от похвал иных льстецов —
Лжецов двуличных и глупцов,
И благодарным вам навек
Останется тот человек.

Две вещи сразу на примете,
Не сразу различима третья:
Красивый город на пригорке
И Ганс-дурак из поговорки,
Кто, стоя, сидя или лежа,
Заметен сразу нам по роже,
Но правды свет, глупцам назло,
Хоть поздно вспыхнет, но светло,
И все, кроме глупцов, конечно,
Повсюду чтут ее извечно.
А дураки — с древнейших пор
Глумленья любят и позор.

Дурацкий флот создать решив,
Корабль свой первый заложив,
Немало от людей колпачных
Намёков слышал я прозрачных:
Мол, колер нужен веселее —
Тут розовее, там белее,
И не дуби корой дубовой,
Используй липы сок медовый.
Но, неподатлив, как утес,
Я слова лжи не произнес.
Бессмертна правда лишь одна,
И колет всем глаза она.
Черни меня, порочь ее,
А правда сделает свое,
Хотя б и не увидел мир
Собрания моих сатир.

Когда за правду смело, рьяно
Я вдруг бороться перестану,
С болванами мне плыть, болвану!

КОРАБЛЬ БЕЗДЕЛЬНИКОВ

К нам, братья, к нам, народ бездельный!
Держали путь мы корабельный
В Глупландию вокруг земли,
Но вот — застряли на мели!

*

Над нами, дураками, смейтесь,
Но истребить нас не надейтесь:
Глупцами переполнен свет,
Нет стран, где нас, болванов, нет!
Из Дуроштадта в край глупландский
Пустился наш народ болванский.
В Монтефьясконе завернем
За добрым тамошним вином,
Чтоб веселей нам, дуракам,
Плыть к дуругонским берегам.
Но неизвестность нас тревожит:
Как и когда нам бог поможет
Прибыть в лентяйский этот край —
Глупцам обетованный рай,
Где б мы свое создать могли
Отечество от всех вдали!
Мы кружим по морю, блуждаем,
Куда нам курс держать, гадаем,
Покоя нет, гнетет тревога,
А ведь ума у нас немного!

Мы приняли к себе на борт
Большую свиту и эскорт,
Что, соблазняясь дурацким благом,
Пустились плыть под нашим флагом.

Так, дни за днями, безрассудно
Морской стихии вверив судно,
Однако жизнью дорожа,
Плывем, от ужаса дрожа,
И богу молимся, чтоб спас,
Поскольку карты, и компас,
И лага счет, и склянок бой
Нам не понять, само собой,
Как в небе звезд расположенья.
Плывем вслепую — ждем крушенья:
Грозят нам скалы с двух сторон
Погибелью без похорон.
Мы много сказочных созданий
Встречали на путях скитаний:
Шли мимо острова сирен,
Что увлекают пеньем в плен,
И на циклопа мы наткнулись,
Которому когда-то Улисс
(Такое Одиссею в Риме
Дано было второе имя)
Глаз выколол. Но этот глаз
Вновь оживает каждый раз,
Чуть Полифем почует нюхом,
Что понесло дурацким духом.
А если разъярен циклоп,
Глаз вырастает во весь лоб.
Рот Полифема — до ушей:
Людей хватая, как мышшей,
Он дурака за дураком
Заглатывает целиком.
А кто спасется чудом, тот
В плен к лестригонам попадет —
И, дураками пообедав,
Оближется царь людоедов:
Болванье мясо — их питанье,
Вином им служит кровь болванья.
Вот в их утробах наш народ
Пристанище и обретет!
Все это некогда Гомер
Придумал нам, глупцам, в пример:
Не лезь мол, в море, дуралей!
Но был Гомером Одиссей
Воспет как образец героя
За то, что при осаде Трои

Столь хитроумный дал совет.
А после, в море десять лет
Скитаясь, он из многих бед,
Умом своим руководим,
Жив выходил и невредим,
Но от опасностей себя ведь
Не мог он навсегда избавить.
Раз, в ураган попав свирепый,
Корабль его разбился в щепы,
И уцелел лишь Одиссей
В жестокой передраге сей:
До берега доплыл он голый,
Поведав случай невеселый.
Когда же наконец в свой дом
Как нищий он пришел потом,
То ум не мог помочь ему:
Никем он в собственном дому
Не узнан был, кроме собаки,
И пострадал от сына в драке.
Но речь о нас: мы счастья ищем,
В глубокий ил зарывшись днищем;
Мы слышим бури приближенье,
Мы, в луже сидя, ждем крушенья:
В лохмотья парус превращен,
Сломалась мачта... Крик и стон...
Нам нет надежды уцелеть!
Как эти волны одолеть?
То вверх тебя швырнет под тучи,
То в бездну бросит вал могучий.
Но крепко сели мы на мель —
И нам не сдвинуться отсель!

Мы Одиссею и в подметки
Не станем по уму и сметке:
Презрев опасности и страх,
В неведомых плывя морях
И к берегам безвестным чаля,
Хлебнул он бедствий и печалей,
А потерпев крушенье, наг,
На сушу выплыл как-никак
И больше приобрел в скитанье,
Чем все бывшее достоянье!
А мы ведь горе-мореходы —
Мы терпим поделом невзгоды:

Иль мы на рифы сядем, или
Завязнет киль в глубоком иле,
А буря судно, как скорлупку,
Мотает, и за шлюпкой цлюцку
Срывает с палубы волна.
Смывает и людей она.
За борт снесен сам капитан!
Свирепствующий ураган
Корабль разбитый в море гонит —
И дураков немало тонет.
Глушцов погибших не вернуть.
Но целью твоих странствий будь
Лишь гавань Мудрости. Бери
Кормило в руки и смотри,
Плыви рассчитанным путем —
И мудрым мы тебя сочтем.
Тот истинно меж нас мудрец,
Кто сам своей судьбы творец,
Кто цели жизни не изменит,
Кто мудрость высшим благом ценит.
Умен и тот, кто умным внемлет
И наставленья их приемлет.
А кто на тех и тех плюет,
Тот угодит в дурацкий флот.
К нам опоздает — не беда!
Другой корабль плывет сюда:
Там он, глушцам-собратьям брат,
Спеть «Гаудеамус» будет рад
Своим козлиным дуротоном.

А после в море разъяренном
Равно погибнуть суждено нам.

О ЗАСТОЛЬНОМ НЕВЕЖЕСТВЕ

Невеж застольных много есть, —
Избавь нас, боже, рядом сесть!
Им должен я мораль прочесть.

*

Порок и глупость изучая
И в эту книгу их включая,
Хочу еще кое-каких
Представить нам глупцов других —
Из тех, о коих разговор
Придерживал я до сих пор.
Любой из них, — будь дубом дуб,
И невоспитан будь и груб, —
По простоте и слепоте
Безнравствен менее, чем те,
Которые со зла вредили
И на корабль мой угодили.
Да, этот люд не то чтоб очень,
Чтоб уж безбожно был порочен,
А просто — груб и неотесан
И за столом совсем несносен.
«Невежедурни» — так зовут их,
Мужланов этих пресловутых,
Кому поныне пред обедом
Обычай руки мыть неведом
И кто спешит к столу, спроста
Садясь не на свои места,
Так что приходится сказать:
«А ну, приятель, пересядь
Подальше-ка, туда, в конец!»
Тот, разумеется, глупец,
Кто тянется к вину и хлебу,
Не прошептав молитвы небу,

И кто из блюда первый — хватъ
И — в рот, и, чавкая, — жевать,
Хотя сидит немало там
Господ значительных и дам,
В чьем обществе такой народ
Не должен вылезать вперед.
И тот ведет себя прескверно,
Кто дует столь немилосердно
На кашу, будто он губами
Решил тушить пожара пламя.
Неряхи оставляют пятна
На скатерти; кой-кто обратно
На блюдо общее положит
То, чего сам уплесть не может,
И отбивает аппетит
Застольникам — иных мутит!
Бывает и наоборот:
Едок-лентяй — покуда в рот
Доставит ложку он, зевая
И зев захлопнуть забывая,
Все, что держал зевака в ложке,
Опять в тарелке, в миске, в плошке.

И привередливые есть:
Что ни подай, не станут есть,
Сначала не обнюхав снеди,
Коробя этим всех соседей.
Бывает, что обжора рот
Едой набьет невпроворот —
Жует, жует, сопя и тужась,
И жвачку из рта (вот ужас!)
Начнет выплевывать, осел,
В тарелку, на пол иль на стол!..
Увидишь — и с души воротит.
Кой-кто еще и не проглотит
Куска, а с полным ртом хлебнет —
И щеки полоскать начнет,
Так надувая их, как будто
Он весь распух в одну минуту.
И вдруг вино, что в рот влилось,
Фонтаном хлещет через нос —
И все боятся, что мужлан
В лицо плеснет вам иль в стакан.
Рот вытирать не любят, — сала

С полпальца на стекле бокала.
Пьют, громко чмокая, с особым,
Преотвратительным прихлебом.
Питье вина бывало как-то
Почти что ритуальным актом.
Теперь на ритуал плюют —
Пьют торопливо, грубо пьют.
Поднимут высоко сосуд,
Глоток побольше отсосут,
Во здравие друг дружке крикнут
И вновь — чок-чок! — посудой звякнут,
И другу честь не воздана,
Коль ты не выпил все до дна.
Но как мой друг ни будь мне люб,
По мне, обычай этот глуп:
Что мне в твоём пустом стакане?
Я пить люблю без понуканий:
Пью для себя и в меру я.
А кто без меры пьёт — свинья!

Глуп тот, кто разговор застольный
Один ведёт самодовольный,
А все должны — будь ему пусто! —
Молчать и слушать златоуста,
Что обличает только тех,
Кого как раз и нет, на грех.
А вот ещё закон приличья:
За шестиногой серой дичью,
Что расплодилась в волосах,
Нельзя за трапезой в гостях
Охотится и то и дело
Казнить её в тарелке белой,
Купая ноготь свой в подливе,
Чтоб стала вкусом прихотливей,
Потом сморкаться, после сморка
Нос вытирая о скатерку.

Воспитанными я б не счёл
И тех, которые, на стол
Поставив локти, стол качают,
Что неудобством не считают.
А то ещё, избави боже,
На стол положат ноги тоже,
Как та злосчастливая невеста,

Что на пол шлепнулась не к месту,
Такой издав при этом звук,
Что онемели все вокруг.
Будь непристойный звук хоть слаб,
Отрыжка выручить могла б,
Но все узнали звук тот грубый.
Какой позор! К тому же зубы
Все выбила дуреха та,
И кровь — ручьями изо рта!..

Еще повадка есть другая:
Соседу яство предлагая,
Стараются подать ему,
Что не по вкусу самому:
Сомненьями себя не мучай —
Захватывай кусок получше!
Забавно наблюдать, как блюдо
При этом вертится, покуда
Подцепит опытный едок
Поаппетитнее кусок.

Чтоб рассказать о всем о том,
Что дурно делать за столом,
А делать кое-кто привык,
Мне двух таких не хватит книг.
К примеру: оторвать иного
Нельзя от кубка кругового;
Тот лезет пальцами в солонку,
Что при воспитанности тонкой
Не принято. Но я скажу,
Что чистые персты ножу
Предпочитаю, если он
Из грязных ножен извлечен
И час назад или немножко
Пораньше обдирал он кошку.
Стучать по скорлупе яичной
Чрезмерно громко — неприлично,
Как многое, чего, признаться,
Не собираюсь тут касаться,
Поскольку это только тени
На благородном поведенье.
Я лишь о глупости пишу
И заклею ее спешу.
А правил светскости примерной
Не впишешь в целый том, наверно!

ИЗВИНЕНИЕ ПОЭТА

Нетрудно глупость бичевать,
Если ни разу надевать
И самому тебе пока
Не приходилось колпака.

*

Дурак большой, конечно, тот,
Кто платит мастерам вперед:
К чему о качестве старанье,
Коль деньги получил заране?
Хоть был заказу срок назначен,
Но если он вперед оплачен,
То наперед и знай: не раз
Просрочен будет твой заказ.
Допустим, мне вперед заплатят
(Надолго все равно ли хватит!),
Чтоб я не трогал дураков.
Признаюсь без обиняков:
Дадут — возьму: кормиться надо,
Но ты, дурак, не жди пощады!

Когда бы только денег ради
Я эти заполнял тетради,
То цели бы не увидал
И всех трудов не оправдал.
Однако лишь во имя божье,
Да и на благо миру тоже
Предпринял я свои труды,
А не для славы или мзды:
Был бескорыстен я вполне —
И в этом бог свидетель мне!

Я знаю, за мои писанья
Не избежать мне наказанья.
Руководясь благой мечтой
(Не знать ей клеветы худой!),
Я господу отчет представлю
И, если перед ним слушаблю,
Его заветы искажу
Иль что-то темное скажу,
Я примирюсь с любой карой
За каждый новый грех и старый.
Всех вас я об одном прошу:
Пускай все то, о чем пишу,
Добру послужит и вреда
Не порождает никогда!
Не для того трудился я,
Хоть знаю, что судьба моя —
Судьба цветка: всем пчелам — мед,
А паукам он яд дает.

Я и на это не скуплюсь —
Тут хватит всем, на всякий вкус
Того, что есть. А нет — так нет,
И требовать того не след:
Не унести ведь никому
Тех ценностей, что нет в дому!
Кто благомыслия не хочет,
Тот на меня пусть зубы точит,
Но по его речам поймут,
Что он болван и баламут.
Все то глупцы порочат злобно,
В чем разобраться неспособны.
Чужие спины б им на время —
Извели б чужое бремя!

Читай собранье этих притч,
Кто может пользу их постичь,
А сам я разберусь и так,
Где ногу тесный жмет башмак,
Где тут ошибка, где огрех,
За что меня корить не грех:
«Врач, исцеляйся сам, — по виду
И ты из наших, не в обиду!»
Ну, что ж! Свидетельствую богу,
Что наглупил я в жизни много,

И мне тот орден уготован,
Что мною же самим основан.
Колпак прирос ко мне, друзья,
Стянуть его не в силах я.
Но я стараюсь — и скажу,
Что сил на это на щажу, —
Глупца, в каком бы ни был чине,
Распознавать в любой личине.
Надеюсь, мне господь поможет —
Мои успехи приумножит.

Сих проповедей фолиант
Кончает так Себастиан Брант,
Хоть эта истина стара:
Сегодня так же, как вчера,
Открыта всем стезя добра!

МУДРЕЦ

Я все сорта глупцов назвал,
Чтоб каждый их распознавал.
А чтобы вы мудрее были,
Поможет вам мой друг Вергилий.

*

Кто в наши дни столь мудрым будет,
Столь безупречным, что осудит
Себя, коль дурно поступил
Иль неблагоразумен был;
Кто сам с себя всех больше спросит —
Не потому отнюдь, что бросит
Ему упрек вельможный князь,
Иль криков черни убоясь?
Такого, чтоб ни одного
Не въелось пятнышка в него,
Нет мужа мудрого. А все ж
Вот он каков, если найдешь:
Покуда день — в созвездье Рака,
Пока над Овном — полог мрака,
Он на одном сосредоточен,
Одной заботой озабочен:
Чтоб ни из одного угла
Какая-нибудь не легла
На совесть его в этот день
Хоть еле видимая тень
Иль неуместного иль злого
Не вымолвил он за день слова.
Путь его прям — и не свести
Соблазнами его с пути.
С пристрастием себе он сам
Чинит допросы по ночам
В бессоннице: как день был прожит?

Не замышлял ли он, быть может,
Иль не свершил недобрых дел?
Что не успел, недоглядел?
О чем подумал слишком поздно?
К чему отнесся несерьезно?
Зачем он с этим поспешил,
Так много времени и сил
На труд ненужный потеряв?
Зачем, на подступе застряв,
Полезный труд прервал, хоть мог
С успехом кончить, видит бог?
Как смел он, к своему стыду,
Чужую пропустить нужду?
И почему — то ли с боязнью,
То ли с подспудной неприязнью —
Чужое горе он встречал
И якобы не замечал?
Над чепухой полдня корпел;
А дело сделать не успел;
Там чести он не уберег,
Тут выгодою пренебрег;
Грешил устами, и очами,
И сладострастными мечтами;
Зачем он, бренной плоти раб,
Хотя бы в помыслах был слаб?!

Так взвешивает вновь и снова
Он дело каждое и слово:
То — хвалит, то — хулит, скорбя.
Так мудрый муж ведет себя,
Что, возвеличен и прославлен,
Вергилием в стихах представлен.

Кто так к себе при жизни строг,
Того по смерти взыщет бог.
За то, что мудр был в этой жизни,
Вкусит он благо в т о й отчизне.
Всех этого сподобь, о боже, —
Себастиана Бранта тоже!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К «КОРАБЛЮ ДУРАКОВ»

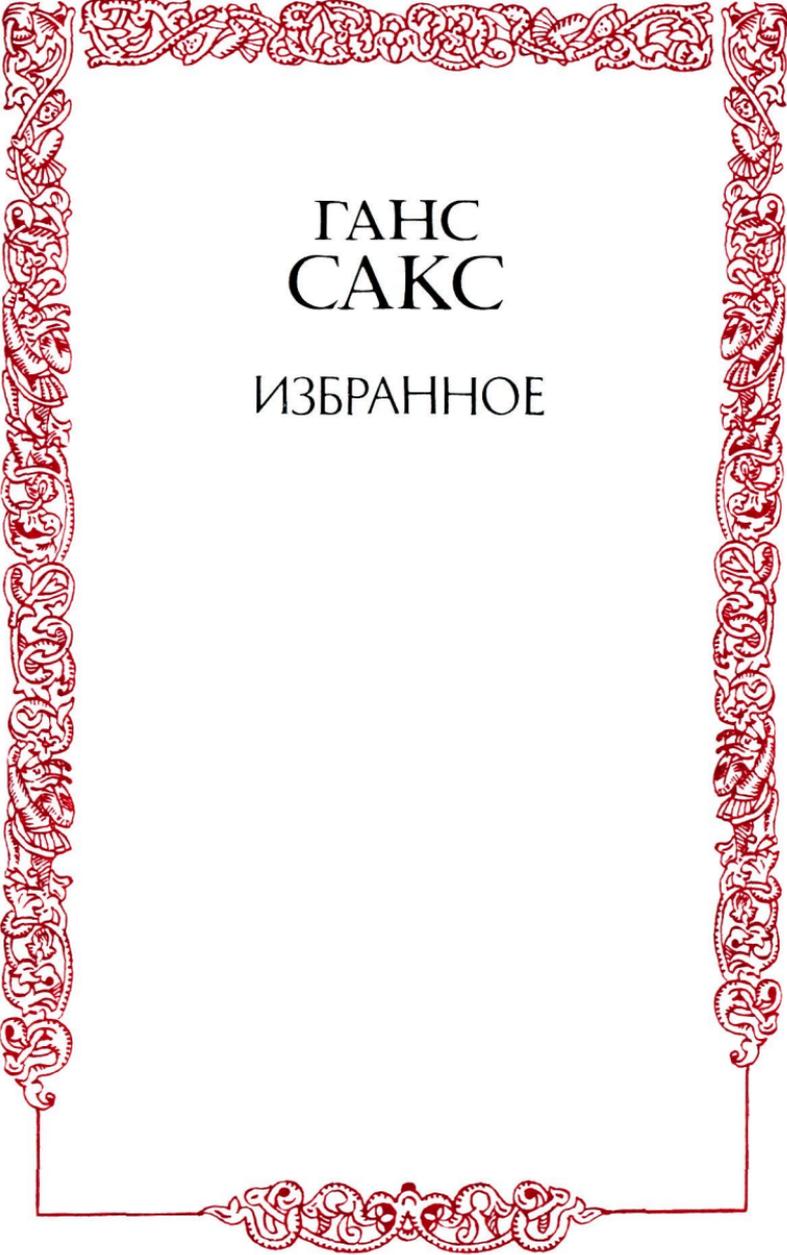
На этом кончается
«Корабль дураков»,
который
ради пользы, благого поучения,
увещевания и поощрения
мудрости,
здравомыслия
и добрых нравов,
а также ради искоренения
глупости, слепоты
и дурацких предрассудков
и во имя исправления
рода человеческого —
с исключительным тщанием,
рачительною
и трудолюбием
создан

Себастьяном Брантом,
доктором обоих прав,
и отпечатан в Базеле
на масленой неделе,
именуемой «Ярмаркой дураков»,
в лето
тысяча четыреста девяносто четвертое
от рождества Христова.

1545 : HANS SACHS. ALER. 5 I. IAR.

ГАНС
САКС

ИЗБРАННОЕ

МЕЙСТЕРЗИНГЕРСКИЕ ПЕСНИ

РИМЛЯНИН И ЕГО ШЕСТЕРО СЫНОВЕЙ

Сенатор в Риме проживал;
Растил заботливый отец
Шесть сыновей, нуждавшихся в защите;
Он сыновей своих призвал
И, свой предчувствуя конец,
Промолвил: «Мне, сыны мои, внимлите!
Пусть каждый принесет мне прут,
Чтоб мой завет вы все уразумели».
Вмиг были прутья тут как тут,
Отцу перечить отроки не смели;
Связал он прутья ремешком
И сыну старшему потом
Сказал, как бы достигнув некой цели:

«Попробуй-ка сломай пучок!»
Ломать стал об колено тот
Вязанку; тщетен труд невероятный!
Из шестерых никто не мог
Сломать пучка, хоть капал пот,
Но развязал ремень отец примерный,
Дал прутик сыну старшему, и вмиг
Сломался, хрупкий, без ременных пут,
И остальным давал старик
По пруту; ломать их — легкий труд,
И каждый сын свой прут переломил;
Наследников так старец вразумил:

«Да будет вам уроком хрупкий прут!
Ломать вам прутики не лень,
Но прутья крепнут заодно,
И вы в трудах напрасных утомились.
Но вот я развязал ремень,
Сообщество разобщено,
И порознь все они переломились.
Смотрите же: союз возник,
И вам преподан был урок примерный,
Который памятнее книг;
Не пересилит братьев недруг скверный,
Покуда братья сплочены,
А порознь вы, мои сыны,
Погибнете; таков завет мой верный!»

ЧЕРТ НА ТАНЦАХ

Так черту ад осточертел,
Что черт на землю захотел;
Решил он к нашим господам
Проситься в постояльцы,
Узрел, явившись ко двору,
Смертоубийство, блуд, игру,
А государь на здешний срам
Поглядывал сквозь пальцы.
Подумал черт: «Приют хорош,
По мне сия палата!»
Но был один среди вельмож
Советник, враг разврата;
Хотел реформу провести
И верноподданных спасти;
Дворец тайком покинул черт:
Спугнули супостата.
И черт к епископу проник;
Там был безбожник, был блудник,
Там было много разных шлюх,
Червонец — там светило;
Святыню там пускали в торг,
И приходили все в восторг;
Возликовал нечистый дух,
Одно ему претило:
Бог не совсем там был забыт;
Черт плюнул: «Вот мерзавцы!»

Бежал, не показав копыт,
Он в суд, а там лукавцы;
Там бедных грабит прокурат,
Разбою черт, конечно, рад,
Но кое-кто там честен был,
Не сплошь хриstopродавцы.

Такого дьявол не стерпел,
На танцы к вечеру поспел,
А там без всякого стыда
Господствует беспутство.

Нашел там черт все, что искал;
Он похоти рукоплескал;
Там хитрость, ревность, лесть, вражда
И прочее паскудство.

Там для болтливой суеты
Семь пятниц на неделе;
Отрава едкой клеветы
В душе и в грешном теле.
Там непотребство, блуд, позор...
И кто же черт, как не танцор?
На танцах в гнусной толчее
Он тешится доселе.

МУЖИК И СВИНАЯ КОЖА

У мужика была жена-молодка,
И юбка красная к лицу
Ей, так сказать, была;
Муж думал, что жена его — находка,
Как наковальня кузнецу,
Навек ему мила.

Жена сказала: «Знай мою
Любовь! Не дай Господь, помрешь,
И в юбку я тебя зашью...»
Мужик подумал: «Врешь!»
Поехал утренней порой
Он с батраком в дубраву,
Сказав ему: «На славу
Раскрась черникою меня;
Убит, мол, я
Средь бела дня;

И вместо пня
Меня в телегу погрузи
И хворостом закрой.

А мы потом посмотрим: неужели,
На юбку уронив слезу,
В нее зашьет жена

Меня?» Батрак все сделал, как велели;
Мужик валялся на возу
Подобием бревна.

«Хозяин мертв, — рыдал батрак, —
Зашибленный, пропал дурбм».

Жена сказала: «Сам дурак!

Наверно, топором

Хозяин при порубке дров

Лишь чуточку поранен».

Но недвижим крестьянин.

Батрак спросил: «А твой обет?

Мертвец раздет...»

Она в ответ:

«Ах, нет! ах, нет!

Свиную кожу принеси!

Вот гробовой покров».

Мужик в свиной не умещался коже;
Покойник шкуру перерос,
Снаружи голова.

Жена кричит: «На что это похоже?
Не узнаю твоих волос!»

Взревел он: «Врешь, вдова!

Где юбка красная лежит?

Она виновница вранья.

В свиную кожу я зашит,

Ты подлая свинья!

Тебя постиг я, наконец!»

Ответила плутовка:

«Ты шутишь слишком ловко.

Ты, милый, жив, и ты не глуп.

Верь, ты мне люб!

Зачем же зуб

Иметь на труп?

Умрешь — и в красном будешь спать!»

Поверил вновь глупец.

КОВАРНЫЙ ЗАКОННИК

Жил во Флоренции юрист,
Хитер, коварен и речист;
Неискушенные умы
Морочил он умело.

Сказал он одному юнцу,
Что тот наследует отцу,
Который деньги дал взаймы,
Когда война гремела;

Дал в долг он гульденов пятьсот
Однажды капитану;
С тех пор давно скончался тот...
«Судиться я не стану», —
Ответил сын, а крючокотвор:
«Храню расписку до сих пор;
Всего пять гульденов мне дашь —
И выиграешь дело».

Сын заплатил и подал в суд;
Сын капитанский тут как тут;
Ему взысканием долгов
Грозят; он рассердился
И дал судье такой ответ:
«Подобных обязательств нет,
Поклясться в этом я готов».
Однако потрудился

К юристу сбегать под шумок,
Сказав ему: «Мошенник!
Как ты решился на подлог?
Отец подобных денег
Не брал...» Но был юрист лукав,
И возразил он: «Ты не прав;
Я эту сделку заверял,
Когда ты не родился.

Брал твой отец взаймы пятьсот,
Но расплатился через год;
Ссылаюсь я на документ,
Не на пустую фразу;
Пять гульденов заплатишь мне —
И оправдаешься вполне;
Дам документ в один момент!
Верь моему ты сказу!»

Пять гульденов юнец достал,
Так заплатили оба;
Так наживает капитал
Корыстная утроба;
Искусство стряпчих таково:
Туман — и больше ничего!
Пошли, Господь, им всем в мощну
Французскую заразу!

КОГДА БЫВАЕТ БРАК СЧАСТЛИВЫМ

«Когда души не чают в муже?» —
Король ответил графу так:
«Муж глух, жена слепа к тому же —
Тогда счастливым будет брак».
Граф изумился: «Этих бед
Не знаю, что на свете хуже;
И в них же благо, а не вред?»

Король сказал: «Не слышит муж
Глухой, когда жена начнет
Молоть обычнойшую чушь
И мужа невзначай клянет
В постели или за столом.
Таков удел счастливых душ,
Не омраченных здешним злом.

И счастливы слепые жены:
Им ревность лютая чужда,
Пускай у них мужья-гулены;
Но не увидит никогда
Жена, куда ходил супруг;
Для счастья, значит, нет препоны,
И нет как нет сердечных мук».

АУГСБУРГСКИЙ БЛУДНИК

Сапожнический ученик
Любил рассказывать, что он большой блудник,
И в Аугсбурге своим он хвастал блудом;

Он покупал себе венок
И шел на танцы, где потом сбивался с ног,
Кружась и корчась по своим причудам.
Он после пиршества бежал
Куда-нибудь в сторонку,
Не возвращаясь напрямиком;
Он редко дома спал, как будто бы тайком
Соседскую обхаживал девчонку.

Соученик его решил
Понаблюдать за ним и следом поспешил:
Мол, где ты, друг, сподобишься ночлега?
Дошел до Перлаха, скользнул
В пустую бочку хвастунишка и заснул;
Такая вот его прельщала нега!
Другой подумал: «Вот оно,
Местечко для красавца!»
Он глянул в бочку; там юнец
Сопел и всхрапывал, как старый жеребец.
Другой подумал: «Черт бы взял мерзавца!»

Толкнул он бочку, и с горы
Она катилась, гулом огласив дворы;
От сторожей ночных не жди поблажки;
Из бочки вылез паренек,
И от гонителей он кое-как утек,
Хотя не уберег своей мордашки.
Рассказывал он поутру:
«Прослыть недолго вором,
Упившись женской красотой».
Сказал соученик: «Ты в бочке был пустой».
Бежал хвастун из города с позором.

ШВАНКИ И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

О ВИТТЕНБЕРГСКОМ СОЛОВЬЕ,
ЧЬЯ ПЕСНЬ СЛЫШНА ТЕПЕРЬ ВЕЗДЕ

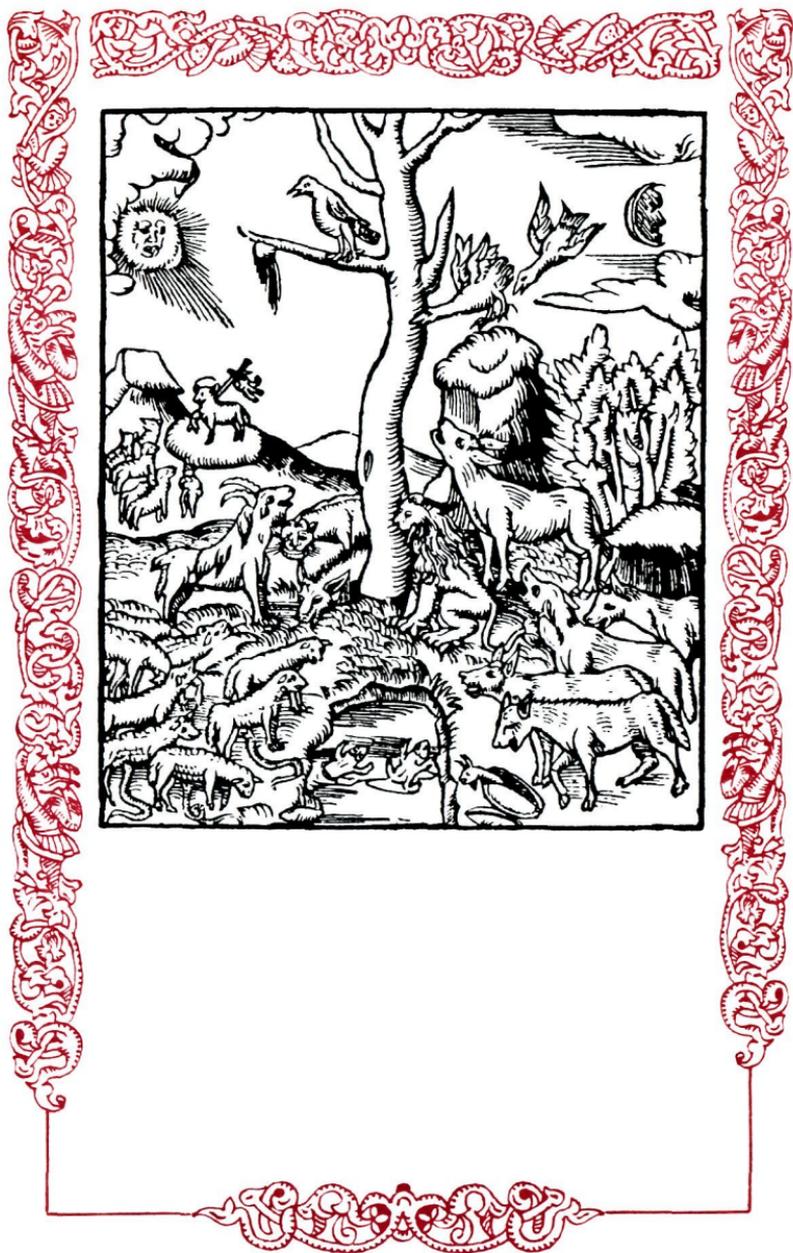
Проснитесь! Утро настает!
Я слышу: соловей поет
Среди листвы в лесу зеленом;
Несется трель по горным склонам,
Звенит в долинах, ночь гоня,
И возвещает царство дня.
Заря восходит золотая,
И солнце, тучи разгоняя,
На землю шлет свои лучи.
Луна, сиявшая в ночи,
Теперь бледнеет и тускнеет
И власти больше не имеет
Над стадом жалобным овец,
Которых страшный ждал конец:
Смуцал их свет луны неясный;
Они дорогою опасной
Ушли, хоть ночь была глуха,
От пастбища и пастуха.
Вдруг услышали голос львиный
И поплелись дорогой длинной
Вослед за львом, а он, хитрец,
В пустыню завлекал овец.
Они один репейник ели
И отощали, ослабели;
А лев веревкой их оплел
И потащил их, рад и зол,
К себе во львиную берлогу.

Явились волки на подмогу
И ну овечек загонять,
Их стричь, доить и обдирать
И пожирать затем их буйно.
В траве же змей кишела уйма.
Присасывала пасть змея,
И напивалась тварь сия
Досыта молока густого.
А волки тут как тут — готовы
Похитить жизнь у той овцы,
Чьи опустошены сосцы
Гадюкой мерзкой... Так вот было,
Покамест ночь над всем царила.
Но вот защелкал соловей
В зеленой роще меж ветвей;
Рассялось тут наважденье,
И вышло из оцепененья
Овечье стадо. Свет вокруг
Все озарил — и мнимый луг,
И льва, и злую волчью стаю;
И, пенью соловья внимая,
Конец свой чует грозный лев:
Скрывая до поры свой гнев,
Он хочет подобраться к птице,
Да все никак не уцепиться:
Укрылся в роще соловей,
Поет все громче и слышней!
Не оставляет лев попыток:
Зовет ослов, козлов, улиток,
Котов, свиней, но вой зверья
Не заглушает соловья.
Поет он, и они трясутся,
И змеи алчные мягутся.
Сиянье дня им невтерпеж,
Оно для них, что острый нож:
Уходит, избавленью радо,
Из этих мест овечье стадо.
Не насыщаться змеям впредь:
Где взять еще такую снедь?
Овец теперь уж не обманешь,
Хоть и расписывать им станешь,
Что будто лев — их лучший друг
И что пустыня — сочный луг.
И корчится весь род змеиный

От дивной песни соловьиной.
Гогочут гуси: им невмочь
Стерпеть, что миновала ночь,
Расвакались лягушки в луже, —
Для них чем день светлей, тем хуже,
Просохнет лужа — им конец!
«Что возвещает нам певец? —
Друг друга спрашивают звери. —
Он о какой-то новой вере
Поет и славит солнца свет,
К луне же в нем почтенья нет.
Сидеть ему бы молча надо,
Не бунтовать овечье стадо;
Костра заслуживает он!»
Стоит в пустыне вой и стон;
Но злобствует зверье напрасно:
Сияет ярче день прекрасный,
Не умолкает соловей,
И из пустыни поскорей
Пустились овцы в путь обратный,
Туда, где ждет их луг приятный,
Где добрый встретит их пастух;
Им трели улаждают слух,
И радостными голосами
Они приветствуют и сами
Светила ясного восход.
Огнем грозит им волчий род,
Их загоняет в загородки,
Вцепляется строптивым в глотки,
Велит о солнце им молчать,
Но овцы стали отвечать
При свете солнца посмелее...
Теперь, чтоб был рассказ яснее,
Я вам скажу, кто назван мной
Тут соловьем: не кто иной,
Как Мартин Лютер, доктор славный,
Тот августинец своенравный,
Что в Виттенберге песнь завел
И нас от гнета тяжких зол,
Из мрака выведя, избавил,
Что пробудиться нас заставил
От неестественного сна,
В который ввергла нас луна.
Свет лунный — ложное ученье,

Софистов злостных измышленья —
Тех, кто четыре сотни лет
Нам застит солнца ясный свет,
Евангелъе толкует криво,
Смущая проповедью лживой
И заводя в пустыню нас,
Чтоб мы попали там как раз
Льву хищному и злomu в лапы.
Лев здесь — обозначенье папы;
Пустыней же, подвластной льву,
Я с основанием зову
Духовные владенья папства,
Нас повергающего в рабство.
А то, чем нас кормили там
(Поймет любой из вас и сам),
Есть исповедание веры,
Что ныне безо всякой меры
Распространилось по земле
С монахами в зловещей мгле
Молелен, с мрачными попами,
С тонзурами и клобуками,
С глупейшим хныканьем в церквах
И с умерщвлением в постах
И бдениях желаний плотских,
С великим множеством уродских
Обычаев, гнетущих нас,
С молебнами на дню пять раз,
С обильем долгих песнопений,
С привычкой преклонять колени
И пред распятым падать ниц,
С ношеньем грубых власяниц,
С любовью к стонам и рыданьям,
С жестоким самобичеваньем,
С гудением колоколов
И отпущением грехов
За деньги — что совсем негоже —
С продажей благодати божьей,
С елеем, с ладаном, с водой,
Что нарекается святой,
И с прочим и тому подобным;
С как будто бы богоугодным
Укладом жизни прихожан,
Что раскрывают свой карман
Для нужд церковных безотказно,

В молитвах дни проводят праздно
И поклоняются святым,
Паломничают в папский Рим
И в дар святейшей церкви нашей
Подносят золотые чаши,
Подсвечники и алтари
И на свой счет монастыри
Содержат (есть тому примеры) —
Вот исповедание веры
На римский, на папистский лад.
Попы без усталости твердят,
Что в рай господень попадает
Лишь тот, кто свято соблюдает
Порядок их, а не иной.
Все это — вымысел пустой
Людей, что, о себе радея,
Евангелие от Матфея
Забвенью предали, а там
Ведь ясно сказано, что нам
Не должно учреждать законы,
Которые вредят исконной
Сердечной вере, это — зло!
И все, что на земле возросло
Без божьего благословенья.
Заслуживает истребленья.
Задумайся над этим, Рим!
Теперь о том поговорим,
Как надо понимать веревку.
То — сеть, в которую нас ловко
Отец святейший затянул;
Сеть декреталий, папских булл
Опутала овец христовых:
Под страхом разных кар суровых
Нам, малым сим, запрещено
При таинствах вкушать вино;
Нас отлучением стращают
И ежегодно принуждают
Поститься сорок дней подряд,
А также избегать велят
По пятницам яиц и мяса.
Тому, на ком надета ряса,
Нельзя жениться уж никак;
Мирянам же в законный брак
Нельзя вступать в иные числа.

Во всех запретах этих смысла
Нет ни на грош, в них только вред,
И лишь попам ущерб нет.
Постыдное их блудодейство
Сгубило не одно семейство.
Нам всем кромешный ад грозит.
Апостол Павел говорит
В своем посланье к Тимофею:
«Землею завладеет всею
В канун последнего суда
Нечестье: некие блюда
По дьявольскому наущенью
Подвергнут люди запрещенью,
Потом грехом объявят брак
(Сам дух святой пророчит так)».
Ну, прекратим об этом толки;
Посмотрим, кто такие волки,
Совместно с кем святой престол
Свой учиняет произвол.
То капелланы и прелаты,
Затем каноники, аббаты —
Все те, кто нас толкает в грязь,
Над словом божиим глумясь.
Повадки их давно известны;
Любые средства им уместны
Для добывания деньжат:
Они молебствия творят
За деньги, мзду берут за воду,
Спасенье продают народу;
Младенца ль надо окрестить —
Извольте денежки платить;
За мессу, за обряд венчанья,
За исповедь, за отпеванье, —
За все гоните чистоган!
А кто не хочет свой карман
Опустошать, тех принуждают
И уж до нитки обирают.
Корыстолюбец поп не прост:
Тотчас же деньги пустит в рост
И вновь получит не без лишка...
Вот что и есть овечья стрижка!
Страдает от попов народ,
Не перечеть его навзгод:
Зимой и летом гнет он спину,

Чтоб отдавать им десятину.
Коль не заплатишь — проклянут,
Изгонят, свечи вслед швырнут,
Другим чтоб было неповадно;
Трудиться разве не досадно
Крестьянину по целым дням,
Чтобы поповским холуям
Сидеть в трактирах было можно,
Кутить и пьянствовать безбожно?
Есть у попов про всех товар —
Лишь покупай и млад и стар!
Известно — каждый поп и инок
Дом божий превращает в рынок:
Дают реликвии доход,
А главное — в церквах идет
Продажа индульгенций бойко.
Вот что и есть овечья дойка!
Толпа церковников жадна:
Привыкнув грабить издавна,
Живя бессовестным обманом,
Церковник ловко лжет мирянам:
За мощи выдав зуб быка,
Он им притронется слегка
К болящему — и дань собирает.
Мирян церковник уверяет,
Что в братства надо им вступать
И чинш исправно отдавать.
Поистине — в алчбе неистов
Любой из братии папистов;
Они из края в край пешком
Бредут — всегда с большим мешком,
В котором индульгенций ворох,
С крестом, с хоругвями, и хор их
Звучит везде: «Спасенье тут!
Чистилища же избегут
И те на небо будут взяты,
Кто по природе тороваты.
Монета звякнет — ты спасен!»
Тот, кто нанес другим урон
И приобрел добро нечестно,
Благодаря им, как известно,
Выходит из воды сухим.
Всех обирает папский Рим
С настойчивостью и упорством.

Вот что зову я шкуродерством!
Епископов я до поры
Не поминал, а их дворы
С нотариусами, с писцами,
Глумящимися над истцами,
Что правосудья ищут там,
Отнюдь не безразличны нам.
Ведь здесь супругов разлучают,
Насильно браки заключают,
На бедняков наводят страх,
Честят, разносят в пух и прах:
Ах, еретик! Ах, еретичка!
В день постный смели съестъ яичко!
Немедленно их отлучить!
Не жди того, чтоб облегчить
Здесь согласились наказанье:
Напрасно издавать стенанья,
О снисхождении моля.
Потравую губить поля
И прочие творить бесчинства,
Всемерно поощряя свинство
Своих наемников-солдат,
Что грабят всех людей подряд,
И вкупе с челядью разбойной
Вести бесчисленные войны,
Потоки крови проливать,
Людей нещадно убивать,
Сжигать их мирные жилища
И оставлять лишь пепелища
Там, где недавно жизнь цвела, —
Вот вам епископов дела!
Не значит ли то жрать овечек?
Ягненок у волков ответчик
За ненасытный голод их;
Но часто и волков самих
Мы под овечьим зрим обличьем;
Овечек так удобней стричь им,
Но жадность волка выдает,
И всяк его опознает.

. . . . .
Нет хищников жадней и злее...
Теперь на очереди — змеи,
Или, иначе говоря,
Монахи. Племя их не зря

Веками кровь из нас сосало:
За деньги, яйца, свечи, сало,
За уток, кур, сыры, масла
Творили добрые дела
У нас монашеские братства —
За то и нажили богатство!
Повадки их теперь ясны:
Пустые выдумки и сны,
Нелепейшие измышленья
Нам выдают за откровенья,
А так как освятил их Рим,
Выходит — надо верить им
И не скупиться на монету!
Что в баснях этих правды нету,
А есть один обман и ложь,
Не так-то сразу и поймешь!
Вот и заводят понемножку
Тебя на скользкую дорожку,
Чтоб от Христа ушел ты прочь
В безверье иль, что то же, в ночь.

. . . . .
Монаха Лютера ученье
Надаром привело в смятенье
Льва, то есть папу, — этот плут
Почуял, чем запахло тут:
Грозит урон его доходам,
Что неизменно, год за годом,
Стекались в папский фиск рекой;
Подвергнутся судьбе такой
Все бенефиции, налоги,
Которыми, твердя о боге,
Кормились полчища попов;
За отпущение грехов
Не ждать отныне щедрой платы,
Не смогут римские прелаты,
Как прежде, снискивать свой хлеб
За счет паломнических лепт;
И папе не бывать единым
Над всей землею господином,
Как только правда победит.
Вот папа судит и рядит,
Как правде преградить дорогу.
Он хочет получить подмогу
И просит герцога предать

Огню все то, что написать
Успел строптивый августинец.
Преподнести такой гостинец
Замыслил папа — он хитер!
Но герцог Фридрих на костер
И не подумал божье слово
Отправить. «Нет!» — сказал сурово
Он, когда папа снесся с ним,
Чтоб Лютера послал он в Рим.
Но папа, не смутясь нимало,
Зовет на помощь кардинала,
И в Аугсбурге кардинал
К молчанью Лютера призвал.
Но что его ученье ложно,
То оказалось невозможно
Евангелием подтвердить.
Не стал тут папа ни судить,
Ни разбирать его ученье,
Подвергнув просто отлученью
И Лютера и иже с ним;
Но пишет тот, неустрашим,
Не убоялся папской буллы!
Презрев угрозы и посулы,
Не отступил он ни на шаг!
Тогда он вызван был в рейхстаг
И натиск выдержал жестокий:
Потребовал синклит высокий,
Чтоб он отрекся от всего,
Чему учил. Хуля его,
Но в споре силой с ним не мерясь,
Ему там приписали ересь.
А он, не уступив ни в чем,
Стоит упорно на своем!

.....
Монашеская братья в страхе;
Неистово вопят монахи:
«Евангелие возвещать
Он вздумал, ну, а где печать,
Где подпись папы в подтвержденье,
Что истинно его ученье?
Нет, Лютер — гнусный еретик!
Чтоб он врасплох вас не застиг,
Вам следует остерегаться.
Не может церковь заблуждаться!

Творите добрые дела!
Вносите на колокола!
Платите за богослуженья
И умножайте приношенья!
В чистилище зачтется вам.
Спешите! Помогайте нам!
Вы ночью спите безмятежно,
А мы псалмы поем прилежно!»
Монаший сброд недаром рьян
В улещивании мирян:
Встревожен он, и не на шутку,
Но тянет старую погудку.
О вере истинной — молчок.
Упомянуть о ней не впрок.
И то: в подвалах сякнут вина,
Пустеют риги и овины,
Никто не дарит ничего...
Подумать только — какво
Им жить с пустыми закромами!
А ведь перевозносили сами
Простое, скудное житье.
Теперь у них одно нытье:
Не по нутру сидеть без денег!
«Преступник, еретик, мошенник!» —
Монахи Лютера честят
И злобной клеветой мстят,
Но сунуться на свет не смеют
И лишь исподтишка умеют
Разжечь к Евангелию вражду
В сердцах монахинь, к их стыду.
Лягушек, квакающих где-то,
Иные университеты
Напоминают нам весьма.
Ученых богословов тьма
На Лютера озлилась тоже.
И тцатся, лезут вон из кожи —
Да не докажут ничего!
Языческое колдовство —
Их богословская наука!
Вот оттого-то вся их мука,
Что их язычеству народ
Теперь уж веры не дает:
С него довольно этой дряни!
Гогочущих гусей миряне

Собой являют нам, когда
Они шельмуют без стыда,
Оплевывают, проклинаят
Ученье, коего не знают.
Кричат они: «Увы и ах!
Чему он учит, ваш монах?
Он все поставил вверх ногами:
Теперь уж добрыми делами
Не должно заниматься нам;
Служить святым, поститься — срам!
Нельзя паломничать отныне,
Вносить на храмы благостыни
И отпущенья покупать.
Ваш Лютер вздумал накропать,
Что грех есть то лишь, что от бога
Запрещено нам, смертным, строго.
Лишь веру превозносит он.
Нет, Лютер просто неумен.
Как будто до его вещанья
Никто не читывал Писанья!
А наши деды и отцы
Ведь тоже были не глупцы!
И что от них мы получили,
Чему веками нас учили —
Все это глупость, чепуха?
Нет, вера новая плоха!
Рассказывает Лютер басни,
И ничего нет их опасней.
Его — уж слишком он остер —
Отправить надо на костер —
С его приспешниками вместе!»
Вот вопли тех, в ком жажда мести
Сильней рассудка. Среди них
Немало стариков глухих,
Старух, монашенок лохматых
И разных прочих бесноватых.

.....
Клянут епископы, князья,
Огнем и пытками грозя,
Алкая христианской крови,
Того, кто нам о божьем слове
Поведал, и, свирепы, злы
Заковывают в кандалы
Приверженцев его ученья;

И, домогаясь отречения
От веры, тщатся их унять.
Не значит ли то — загонять
Овец Христовых в загородки?
Суд у властителей короткий:
Казнить иль заключить в тюрьму!
Уж кто попался им, тому
Несдобровать — тот головою
Платись, а разлучить с семьею,
Изгнать они готовы вмиг
За чтение Лютеровых книг.
А книги жгут они в испуге...
Как есть антихристовы слуги!

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО
ГОРОДУ НЮРНБЕРГУ

(Отрывок)

Глашатай городской привел
Меня в большой, красивый дол,
Который был покрыт песком
И опоясан дубняком.
Мне показал старик глашатай
На крепость со стеной зубчатой:
Стояла на скале она,
Глубоким рвом окружена,
И в небо башни возносила.
Была в ней красота и сила;
Искусных мастеров резцы
Отделать окна и зубцы
Сумели так, что дашься диву...
Мы ближе подошли к обрыву
И по подъемному мосту
Вступили вместе в крепость ту.
За крепостью открылся мне
Чудесный вид: там, в глубине
Долины, город предо мною
Лежал. Он каменной стеною
Был огорожен от врагов;
Без счета было в нем домов —
Высоких, низких, новых, старых.
Не забывая о пожарах,

Их строили: возведена
Была защитная стена
Меж каждыми двумя домами;
Резьбой затейливой, зубцами
Украшили там щегольски
И скаты крыши и их коньки.
«Ты видишь ли сии строенья, —
Сказал старик, — и украшенья
Искусные, на фряжский лад,
Убранство княжеских палат
Напоминающие живо?
Смотри, как стройно и красиво
Тут улицы проведены.
Отсюда все они видны:
Их здесь — ни много и ни мало —
Пять сотен с лишком ныне стало;
А лишек — двадцать восемь точно.
И все-то вымощены прочно!
Колодцы — сто шестнадцать счетом —
Полны до верха, а еще там
Фонтанов дюжина водой
Всех оделяет даровой.
Больших часов у нас шесть штук.
Из них четыре бьют все вдруг.
Двенадцать в городе холмов,
Одиннадцать больших мостов
(И все из камня, все как есть!),
Ворот же — ровным счетом шесть,
Притом еще два малых входа;
Десятки рынков для народа.
Прилавки не бывают пусты:
Хоть отбавляй зерна, капусты,
Фруктов, и сала, и вина;
На всяк товар своя цена,
Обилен торг — куда ни глянь!
Еще тут есть тринадцать бань
Общественных и храмов восемь,
Где богу мы хвалу возносим.
Река по городу бежит,
Семь дюжин жерновов вертит —
Большая, быстрая река!»
«Скажи, — спросил я старика, —
Как имя города сего?»
«Зовем мы Нюрнберг его».

Я снова: «Что ж за люди тут,
Во всех этих домах живут?»
«От мала до велика весь
Народ, что жительствоует здесь,
Смышлен и трудолюбья полон:
Зато в достатке, а не гол он.
Здесь трудятся под каждой кровлей:
Иные заняты торговлей,
И бойко их идут дела!
А большинство от ремесла
Приобретает свой доход
И припеваючи живет.
А сколько в городе ремесел —
Я было стал считать, да бросил,
Затем, что их никак не счесть,
Тут все, какие в мире есть.
И каждый житель тут при деле.
Сбывает большинство изделий
Торговцам люд мастеровой,
Ну, а взамен несет домой
Товары, в коих есть потреба;
И нет товаров лучше, где бы
Ни стал разыскивать ты их.
Вот в чем и смысл плодов твоих,
Что давеча тебе приснились,
Таких, чтоб с нашими сравнились,
Печатников и столяров,
Литейщиков и маляров,
Швцов и резчиков по камню
Встречать не довелось пока мне,
И ты не встретишь никогда,
Хоть все объезди города.
Ведь как работают-то славно!
Что до художеств — и подавно:
Сыщи, где лучше есть, поди-ка!
Ведь пенье, шпажный бой, музыка
Везде прославили сей град
Во сне ты видел виноград
И сладкий сахарный тростник:
Теперь ты в тайну сна проник
И понял то, что образ сада
Был попросту виденьем града,
Открытого тебе сейчас».
Спросил я старца: «Кто ж у вас

Выращивает этот сад?»
«У нас есть мудрый магистрат,
И бдит без отдыха и срока
Его недреманное око.
Разбит заботой сих властей
Весь город на восемь частей;
Все женщины и все мужчины
Вошли в сто тридцать две общины;
Имеет каждый из цехов
Своих присяжных мастеров;
А общим распорядком тут
Чиновный управляет люд.
Он надо всем, без исключенья,
Осуществляет попеченье,
Есть в граде сем законов свод:
Он толкованье нам дает,
Что можно и чего нельзя,
Всем нарушителям грозя
Суровой карой или пеней.
Для каждого из преступлений
Своя есть мера наказанья.
Все тяжбы и все злодеянья
Разбору подлежат суда,
Который справедлив всегда
И к пострадавшим и к виновным, —
Согласно с правом уголовным.
Судить слугу иль господина
Для наших судей — все едино.
Уставы, стража и законы
В сем граде создают препоны
Для всяких злостных покусительств;
И лучшее из всех правительств —
Наш магистрат — ценим вельми
Любого звания людьми».

РАЗГОВОР БОГОВ О СМУТАХ
В СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Шел мне пятидесятью,
Когда, тоской объятый,
Лежал я как-то раз
В глухой и поздний час

И думал о раздорах,
Страдала от которых
Империя тогда.
Хоть часто в те года
Рейхстаги собирались,
Дела не поправлялись,
И смутой вся страна
Была истощена.
Стремясь понять причины
Столь бедственной години,
Я долго размышлял,
И под конец устал
Мой возбужденный разум.
Я обессилел разом,
Вдохнул, глаза смежил,
И сон меня сморил.
Чрез несколько мгновений
Предстал мне ангел Гений
В тревожном сне моем
И говорит: «Идем!
Увидишь ты воочью,
Что́ будет этой ночью».
Меня он поднял ввысь,
И мы стрелой взвились
В небесные просторы
К дворцу богов, который
Сверкал во тьме ночной
Под яркою луной
И звездным небосклоном.
В окне неосвещенном
Велел мне Гений встать,
Чтоб мог я услышать,
Как боги в этом зале
Большой совет держали,
Воссев за круглый стол,
И спор меж ними шел.

Вот с трона золотого
Юпитер держит слово:
«О боги! Издавна
Германия полна
Безжалостной и лютой
Междоусобной смутой.
Коль силой нашей власти

Не успокоить страсти,
Мир не восстановить,
Вражду не прекратить,
То государство скоро
Погибнет от раздора
Двух лагерей врагов.
Решай, совет богов,
Как нам от распаденья
Имперские владенья
Спасти и уберечь».

Тут, обнажив свой меч,
Встал Марс, одетый в латы,
И молвит: «Раз объята
Империя враждой,
Я дам совет такой:
Столкнуть в бою кровавом
Врагов, решив, что правым
Быть должен тот из них,
Кто к бегству остальных
Оружием принудит».

Юпитер крикнул: «Будет!
Совет твой не хорош.
Ты только крови ждешь.
Пожар войны гражданской
Погубит край германский,
Ибо польется кровь
Вслед за победой вновь.
Лишь дружба нам поможет
Тех, коих зависть гложет,
Сплотить в один союз
Посредством крепких уз.
Супружеством, Юнона,
Враждебные короны
Прошу тебя связать,
Чтобы в стране опять
Единство наступило».

Юнона возразила:
«Устроить я могла
Брак лилий и орла,
Но труд затрачен даром:
Конца не видно сварам.

Поверь жене своей,
Что золото быстрой
Уймет раздоры злые,
Смягчив сердца людские».
Сказал верховный бог:
«Что ж! Твой совет неплох.
Пусть Плутос золотою
Несметною казною
Немедля одарит
Князей и водворит
Мир и единство в крае».

Ответил Плутос: «Зря я
Растратил бы казну.
Ведь золото в войну
Еще скорее втравит
Тех, кто землю доход,
Чем больше их доход,
Тем глубже в них живет
Стремление к стяжанию.
Лишь бедность в состоянье
Мир сохранить в стране».

Кронид сказал: «По мне,
Ты рассудил разумно.
Пенурия, бесшумно
Зажми в тисках нужды
Зачинщиков вражды.
К единству вновь принудь их.
Ведь в обнищавших людях
Сил для раздоров нет».

Пенурия в ответ:
«Я подчинюсь без споров.
Но край ярмом поборов
Они отяготят
И убыль возместят,
В народ вселяя злобу.
Иные средства пробуй!
Вели гонцу богов,
Меркурию, врагов
Словами убежденья
Принудить к примиренью,
И объединены

Два стана без войны
Тобою будут снова».

Меркурию сурово
Юпитер рек: «Лети
И людям возвести,
Что, волею Крониды,
Их споры и обиды
Ты прислан разрешать.
Того ж, кто раздувать
Дерзнет огонь раздора,
Веди без разговора
Ко мне на строгий суд».

Вскричал Меркурий тут:
«Нет толку в этой мере.
Ведь каждый, свято веря,
Что прав лишь он вполне,
Перечить станет мне.
То, что одних устроит,
Злость в остальных утроит.
Испорчен род людской
Притворством и такой
Гордынею греховной,
Что поступает, словно
Лишен ушей и глаз.
Меня судьей сейчас,
Во время мрачной смуты,
Послал бы зря к нему ты.
Ищи других путей!»

Сказал Кронид: «Рассей,
О светлый Феб, своими
Лучами золотыми
Мрак озверелых душ
И правду обнаружь!
В людей добро вселяя,
Их разум просветляя,
Соперников смягчи,
Сдружи и приучи
Не ссориться, не биться,
А к истине стремиться.
Пусть мир упрочат вновь
Единство и любовь».

Феб молвит: «Видит небо,
Нет пользы и от Феба.
Сейчас, когда страна
Враждой разделена,
Мой свет смутьяны скроют,
Себе его присвоят,
Чтоб правду затемнять
И добрых притеснять.
Хоть истину безмерно
Все эти слуги скверны
В речах притворных чтят,
Они ее грязнят
Бесстыдством и обманом.
Вот почему туманом
Мой светлый лик закрыт,
Когда на мир глядит,
Где видит лишь пороки».

Вскричал Сатурн жестокий:
«Мне позволение дай
Смирить немецкий край,
Чтоб тех, кто непослушен,
Кем будет мир нарушен,
Я зверски истребил!

Юпитер возразил:
«Нет, ибо мир не кровью,
А дружбой и любовью
Должны мы уберечь.
Держи, Минерва, речь!
О, мудрая, что нужно,
Чтобы в единстве, дружно
Опять страна слилась?»

Минерва поднялась:
«Нет, укрощен не мною,
А некою женою
Быть должен гнев князей,
А если даже ей
Не совладать с князьями,
То мы бессильны с вами».

Юпитер ей в ответ:
«Кто ж та, без коей нет
Надежды на спасенье
От бедствий и смятенья?»

Минерва говорит:
«Res-publica, Кронид! »

Юпитер рек: «Обсудим.
Она знакома людям?»

Минерва молвит: «Ах!
Знакома на словах.
А прежде в древнем Риме
Она жила меж ними,
Единство их блюла
И римлян привела
К господству мировому.
В те времена любому
Из граждан был не прочь
Согражданин помочь,
И люди всех сословий
Для Общей пользы крови
Привыкли не жалеть.
Вот почему владеть
Всем миром их держава
Тогда имела право.
Когда же родились
В них зависть и корысть,
Богатств и славы жажда
И стал стремиться каждый
Повелевать другим, —
Пришел в упадок Рим.
Всеобщую враждою,
Гражданскою войною
И тиранией он
Был в рабство обращен.
Народ, терпя лишенья,
Стал к Общей пользе рвенья
Так мало проявлять,
Что ей пришлось бежать.
Не знаю я, что с нею.
С тех пор вражда сильнее
В империи пошла.
Так плохи в ней дела,
Что новые раздоры
Ее, наверно, скоро
Сотрут с лица земли.
За Общей пользой шли
Посланца неотложно.

Лишь ей одною можно
Единство возродить
И мир восстановить
В империи священной».

Такой совет мгновенно
Привел богов в восторг,
Но злобный крик исторг
У Марса и Сатурна.

Юпитер, молвив: «Дурно
Кричать на большинство!»,
Посланца своего
Меркурия отправил,
Чтоб он к богам доставил
Ту дивную жену,
Которая страну
Имперскую способна
Спасти от смуты злобной.
Кронид гонцу сказал,
Чтоб тот и не дерзал
Вернуться в зал совета
Без Общей пользы этой.

Гонец в ответ: «Лечу,
Но прежде знать хочу,
Где разыскать ее мне».

Кронид сказал: «Я помню,
Что скрыться встарь под кров
Имперских городов
Она от смут старалась».

Меркурий рек: «Случалось
Мне к людям в день подчас
Летать по десять раз,
Но с ней, могу ручаться,
Мне не пришлось встречаться,
Хоть довелось о ней
Наслушаться речей
В харчевнях, в замках, в селах,
На ярмарках веселых
И в городских стенах.
Вот почему мне страх,

Что не найду ее я,
И не дает покоя».
Кронид вскричал тогда:
«Понятна мне вражда,
Грозящая всечасно
Империи несчастной,
Раз нет ни беднякам,
Ни знатным господам
До Общей пользы дела.
Но то, как уцелела
Страна в беде такой,
Не понял разум мой.
Я к вам взываю, боги,
И жду от вас подмоги.
Подайте мне совет,
Как Общей пользы след
Нам отыскать вернее».

«Следила я за нею, —
Сказала, встав, Луна, —
В ту ночь, когда она
Европу покидала
И в Грецию бежала,
Надеясь, что приют
Афины ей дадут».

Воскликнула богиня
Диана: «Нет в помине
Ее там с давних пор.
Но как-то через бор
Я с гончими летела,
И в нем она сидела
С заплаканным лицом,
Склонившись над ручьем.
Я подошла поспешно,
Но, лик свой безутешно
Руками заслоня
И устыдясь меня,
Она бежать пустилась,
В расщелину забилась
И скрылась меж камней,
Послав туда за ней,
Мы узрим этой ночью
Изгнанницу воочью».

Кронид сказал: «Иди
И тотчас приведи
К нам ту, в чьем возвращенье —
Империи спасенье!»
Меркурий в небо взмыл
С бряцаньем звонких крыл,
А боги совещались,
И то, о чем шептались
Они, сойдясь в кружок,
Расслышать я не мог.

Но наконец Меркурий,
Стремительнее бури
Влетев обратно в зал,
Юпитеру сказал:
«Я к ней нашел дорогу,
Но так она убога,
Изранена, больна,
Худа, измождена,
Подавлена, убита,
Лохмотьями покрыта,
Что в ней едва-едва
Еще душа жива.
Распухнувшие губы
Не покрывают зубы,
В лице кровинки нет,
В глазах померкнул свет,
Стучит в ней сердце вяло,
Совсем невмочь ей стало
Ни охнуть, ни вздохнуть,
И бьется пульс чуть-чуть.
Расстался я с больною,
Не взяв ее с собою
Из страха, что пути
Ей не перенести».

Кронид в расстройство разом
Был приведен рассказом
И с трона молвил так,
Дав Эскулапу знак:
«Целитель всякой хвори,
Ты нам поможешь в горе.
В дорогу соберись
И побыстрее спустись,
Моим веленьям внемля,

С Меркурием на землю.
Возьми с собой нектар,
Целебных трав отвар
И, встретясь с Общей пользой,
Ее усердно пользуй.
Нутро прочисти ей,
Все раны вновь зашей,
Вдохни былые силы
В суставы, кости, жилы,
В ней бодрость возроди
И к нам ее веди!
Мы при ее посредстве
Страну от войн и бедствий
Немедля исцелим
И воссоединим
Приязнью и любовью
Князей и все сословья,
Чтоб был орлом дракон
Раздора побежден
И в этом пособили
Орлу усилья лилий! »

Два бога улетели,
И тотчас же запели,
Вбежав в чертог златой
Ликующей толпой,
Сирены сладкогласно.
Rem-publicam я страстно
Увидеть бы желал,
Но кукарекать стал
Петух в хлеву задорно,
И я вскочил проворно,
Хотя душой скорбел,
Что сон не досмотрел.
Я верю: провиденье
Само уймет волненья,
Сплотив в единый стан
Князей и горожан
И к миру приучив их.
Дожить до дней счастливых,
Которые, опять
Сумев единой стать,
Империя узнает,
Ганс Сакс вам всем желает.

ЭПИТАФИЯ,
ИЛИ НАДГРОВНАЯ РЕЧЬ НАД ПРАХОМ
ДОКТОРА МАРТИНА ЛЮТЕРА

Случилось в тысяча пятьсот
Сорок шестом году и в тот
Семнадцатый день февраля,
Что в поздний час, уже дремля,
Я вдруг охвачен был тоской.
Не понимал я, что со мной,
Но, тяжелой думой удручен,
Бессильно впал в тревожный сон.
Мне снилось, что вхожу я в храм.
Он по саксонским образцам
Построен. Свечи в нем горят,
Плывет курений аромат
И, черным бархатом покрыт,
Посередине гроб стоит.
Висит над гробом щит с гербом,
И роза пышная с крестом
Виднеются на том гербе.
Вздыхнул я и сказал себе:
«Господь, что это быть могло б?
Не Лютеров ли это гроб?»
В тот мир прекрасная жена,
Вся в белое облачена,
Поспешно с хоров вниз сошла.
То Теология была.
Ей исказил лицо испуг.
Она на гроб упала вдруг,
Рыдая, руки заломив
И сокрушенно возопив:
«Ах! Да помилует творец!
Ужели ты теперь мертвец,
Ты, верный рыцарь, ты, герой,
Кого создатель всеблагой
Моим защитником избрал,
Кто словом Божиим смирял
На диспутах моих врагов,
Кто, неподкупен и суров,
Умел давать пером своим
Отпор гонителям моим?
Тоску и горе затая,
В плененье вавилонском я
Томилась много лет подряд.

Был белоснежный мой наряд
Врагами гнусно осквернен,
Издран, смят и загрязнен.
Они бесчестили меня,
Пытая, понося, черня.
Безбожный смысл учений их
Оставил на чертах моих
Такую страшную печать,
Что лик мой стало не узнать.
Был тяжек рабский мой удел,
Но ты на помощь мне приспел.
Герой, тебя послал господь
Мою истерзанную плоть
От язв нечестья исцелить
И мой наряд от лжи омыть.
Ты мне здоровье возвратил
И лик мой скорбный осветил
Сияньем прежней красоты.
Со мной немало принял ты
Труда, мучений и тревог.
Ты страхом смерти пренебрег,
Презрев коварство пап, князей,
Епископов и королей,
Пытавшихся отмстить тебе.
И ты не отступил в борьбе,
Не дрогнул ни на миг в бою,
От супостатов честь мою
И веру божью храня.
Кто защитит теперь меня?
Теперь, когда ты в гроб сошел,
Я буду вновь на произвол
Врагов господних отдана! »
Тут я воскликнул: «О жена!
Не бойся вражеских угроз!
Твой охранитель — сам Христос.
К тебе послал он и других,
Мужей достойных и святых,
Чтоб с помощью всех христиан
Был ими бой нечестью дан
И чтоб познала, им внемя,
Тебя немецкая земля.
От алчности, насилья, лжи
Тебя столь славные мужи
Сумеют вовремя спасти

И станут в чистоте блюсти.
Как нечестивцы ни грозят,
Тебя не одолеет ад.
Хоть доктора Мартина глас
Уже не вдохновляет нас,
Не плачь, что с нами больше нет
Того, кто шел путем побед,
Кто вел полки господних сил
И мощь твоих врагов сломил,
Что из юдоли скорби он
В пределы рая вознесен!
Бог милосерд к своим рабам,
И, чтоб вослед за горем нам
Послал он радость и покой,
Ганс Сакс желает всей душой.

ШЛАУРАФФИЯ

Шлаураффия — так названа
Необычайная страна,
Лежащая от нас к Востоку,
От рождества неподалеку,
Желающий туда попасть
Вовсю пускай разинет пасть,
Большую раздобудет ложку
И постепенно, понемножку,
Бесстрашно двигаясь вперед,
В горе пшена проест проход.
Не так вкусна гора пшена,
Зато Шлаураффия вкусна.
Дома там просто бесподобны —
Они поджаристы и сдобны,
А возле дома на порог
Кладут рассыпчатый пирог;
Окошки там из рафинада,
Булыжники из мармелада,
Плетень, сплетенный из колбас,
Щекочет нос, ласкает глаз.
Вино сухое из колодца
Бродяге прямо в глотку льется,
Как будто он — великий князь;
Мечтает жареный карась,

Вися в лесу на ветке ели,
Чтоб все его скорее съели;
На соснах там висят не шишки,
А соблазнительные пышки;
Там на столбах не фонари,
А сливочные сухари;
Не черепица там, не дранки
Лежат на крышах, а баранки;
Там среди города река
Струит потоки молока,
В которое валяются с неба
Душистые краюхи хлеба.

Там рыбки плавают в пруду,
Забравшись на сковороду,
Шипят и, жарясь без огня,
Пищат: «Рыбак, поймай меня!»
Там среди красочной природы
Летают жареные куры,
А жареные каплуны
На вкус особенно нежны:
Лентяям в рот они влетают
И, неразжеванные, тают.
Петух, крича «Кукареку!»,
Там носится с ножом в боку
На случай, если кто захочет
Отрезать от него кусочек;
И у свињи в спине ножи:
Отрежь — на место положи.
Как яблоки, висят на ветке
Крестьяне — взрослые и детки;
Созрев, спадают мужики
С деревьев прямо в башмаки.
Кобыла там, секрет достатка,
Несет яиц по три десятка;
Там фиги делает ишак;
Там вишни собирают так:
Сидят на корточках ребята,
В руках у каждого лопата.
Там есть волшебный родничок:
Помылся древний старичок,
Утерся ветхим полотенцем,
Глядишь — он, снова став младенцем,
Посасывает карамель.

Из лука там стреляют в цель;
Тому награда достается,
Который больше промахнется.
А в беге первым будет тот,
Который позже всех придет.
Пастух пасет там не баранов,
А вошек, блох и тараканов.
Там деньги зашибать — пустяк:
Кто дрыхнуть день и ночь мастак,
За сутки получает пфенниг.
Там тунеядец и мошенник
Богаче всех во много крат.
Там проигратся каждый рад:
Продутое вернут обратно,
Умножив сумму троекратно.
Там возвращающих долги
Всегда преследуют враги;
Того же, кто большого долга
Платить не хочет очень долго,
Там поощряет правый суд,
Для плута не жалея ссуд.
Там суд и ложь в законном браке,
Награды платят там за враки;
За ложь поменьше платят грош,
И плапперт — за большую ложь.
За рассудительное слово
Людей карают там сурово,
Кто работает, тому
Грозят, что заточат в тюрьму.
Кто честен и богобоязнен,
Не избежит позорной казни.
Кого же в этом крае чтут?
Того, кто лизоблюд и плут.
Кто признан первым их лентяем,
Тот государем избираем.
Кто дик, невежествен и зол,
Обороняет их престол
Своею заячьей отвагой.
А машущий колбасной шпагой
В сословье рыцарей введен.
А тот, кто жалок и смешон,
Кто жрет и пьет за спинкой трона,
Тот получает сан барона.
Кто туп, и глуп, и сукин сын —

Тот в этом крае дворянин.
Так вот, не забывайте, братцы:
Хльщи, обжоры, туняядцы,
Лентяи, плуты — все найдут
В стране Шлаураффии приют.
Ее в былые годы предки
Придумали, чтоб наши детки
Боялись в этот край попасть, —
Боялись врать, грубить и красть,
Быть лоботрясом и обжорой...
Шлаураффия — страна, в которой
В любое время место есть
Для тех, кто любит спать и есть.

Трудитесь! Мир не будет раем
Для тех, кто хочет жить лентяем.

СЕМЬ ЖАЛУЮЩИХСЯ ЖЕН

Однажды жарким летним днем
Я шел приветливым леском.
Мой путь привел меня к реке.
Там пышный луг невдалеке
Обильно был покрыт цветами,
Ручей струился меж камнями
Из роицы, где до поры
Я схоронился от жары.
Тут позади, из чащи сонной,
Шумок донесся приглушенный.
Я поглядел туда, и вдруг
Семь жен увидел я вокруг
Источника, в тени лесной
Переживавших летний зной.
Тогда, пробравшись за кустом,
Я к ним приблизился тайком.
И там, не проронив ни фразы,
Их задушевные рассказы
Подслушал, притаясь в тени.
Но как невеселы они!

Сначала слышно старшей слово:
«Взяла я мужа молодого.

Он первый год мне верен был,
А на второй мне изменил.
Ему во всем я подчинилась,
А он меня, скажи на милость,
Седую сукою зовет,
Меня насмешками гнетет.
Со всеми шлюхами в ладах,
Сидит в борделях, в погребках
И даже дома спит, ей-ей,
С прислугой собственной моей.
Недавно ночью нам ребенка
Подбросили, его пащенка,
Пришлось чужим дать на кормленье,
Мои ухлопав сбереженья.
И ко всему еще молчишь,
А он под нос мне тычет шиш.
Подружки, если есть в вас жалость,
Так посочувствуйте хоть малость».

Ей возразила молодая:
«Моя страшнее доля злая.
И стар и сед мой муженек;
Польстилась я на кошелек —
И вот сгубила цвет души;
Муж все считает барыши,
Трясется, коль серед бела дня
Кто чуть посмотрит на меня.
Он вечно лается со мной,
От ревности совсем шальной.
Уж и словечком мне ни с кем
Не переброситься, за всем
Следит он, крадется, как мышь,
И со двора не убежишь.
Другим гулянье на уме,
А я как будто бы в тюрьме,
В окошко выглянуть не смею.
Я так, пожалуй, не успею
И молодостью насладиться...
Чем жить с ним — лучше утопиться».

Тут третья, чуть ли не в рогоже,
Сказала: «Господи мой боже!
Да вы в довольстве и в чести.
Меня же сбившийся с пути

Супруг избавил от остатка
Веселья, чести и достатка.
Он ни о чем забот не знал,
Бессовестно ленив и вял,
Ему бы сиднем все сидеть —
Работа, дескать, не медведь,
Не убежит, а сам приметен
Он только как любитель сплетен.
Забыл семью, забыл свой долг,
Готов у каждого взять в долг,
А как рассчитываться — тут
Он платит только через суд.
Все на словах, а дела нет.
Хозяин дома сколько лет
Грозится вещи описать,
А ветренику наплевать!
Теперь ему ни в чем не верят...
Ах, кто беду мою измерит! »

Тут и четвертая подруга
Сказала: «Ну, а мой — пьянчуга!
В харчевне бражничает, жрет
И глушит водку круглый год,
По маленькой и по большой.
Домой придет свинья свиньей.
И от него тогда, бывает,
Как от стервятины воняет,
Когда ж проспится, он опять
Дружков торопится сыскать.
Дорваться должен он до кружки,
Хоть дома нету ни полушки.
И вновь несет в шинок его,
А мне голодной каково
Сидеть с детьми, и хлеба ждать,
И знать, что нечего продать?
Ведь пропит в доме каждый гвоздь!
Вот как мне в жизни довелось».

Сказала пятая: «Игрок
Мой благоверный муженек.
Он часто, под покровом мглы,
В такие тянется углы,
Где греют руки шулера,
Где крупная идет игра.

Играет в кости, в карты; тут
Его как липку обдерут,
И он домой, как я ждала,
Придет раздетый догола,
И лается, и рвется к палке,
И от проклятий стонут балки.
Чуть скажешь слово — изобьет!
Прислуге тут же даст расчет,
В заклад он снес мои все платья,
Посуду, простыни, и спать я
Должна на сене, а меж тем
Мне этот дом обязан всем.
Но все, что было, — все пропало.
Что делать? Если бы я знала! »

Тут, вся в слезах, вопит шестая:
«Ох, счастья вовсе лишена я!
Все ваши пять мужей в одном
Соединились в моем:
Блудит, играет, пьет, ревнует,
Ленится, божится, ворует,
Притом невежа, грубиян,
Ругается, как басурман.
Он в городе со всех концов
Понабирает сорванцов
И, с ними яростно дерясь,
Избитый, мордой роет грязь.
Крикун, задира и драчун!
Когда бы только карачун
Ему пришел! Я всей душой
Желаю этого порой.
Меня он лупит день и ночь,
Порой бегу я ночью прочь.
На виселицу бы его!
Не надо больше ничего».

И тут седьмая речь ведет:
«А мне чего недостает?
Мне страшно лишь перенести,
Коль муж задержится в пути,
На ярмарке ведя закупки,
И не спешит к своей голубке.
Других не знаю жалоб я:
Мне по сердцу моя семья,

Сперва муж дерзок был со мной,
Но я своею добротой
Его взяла — он стал иным.
Попробуйте и вы к своим
Добрее быть, чтобы помочь им,
А мы вот сплетней их порочим!
Сдается, для жены позор
Вести подобный разговор.
Добро и ласку обнаружа,
Вы переделаете мужа,
Хотя б он был и неудачник,
Так говорит Ганс Сакс, башмачник».

СЕМЬ ЖАЛУЮЩИХСЯ МУЖЕЙ

Забрел я как-то в погребок,
Чтоб на ночь пропустить глоток,
И семь мужчин увидел в зале.
Они сидели, выпивали,
Закусывали, веселясь,
О том о сем разговорясь.
Тут были сплетни городские
И шутки грубые, мужские.
А под конец у раздраженных
Супругов речь пошла о женах:
Мол, бабы треплют языками,
Что не легко им с мужиками,
И если жизни путь не сладок,
То муж причина неполадок.
Жена ж невинный примет вид,
Мол, и воды не замутит.
Прислушавшись к беседе, живо
Я заказал полмерки пива
И перед печкой сел к огню,
Чтоб их послушать болтовню.

Сперва юнец набрался духу
Сказать: «Я в жены взял старуху,
Что пилит мужа день и ночь
За то, что он до баб охоч.
Но коль не верен я жене,
На ней вина, а не на мне.

Я с ней приветлив был сначала,
Она ж, как старый пес, рычала.
Ей добрых восемьдесят лет.
Так что же, — накопить монет
Я ей нанялся, сидя дома?
Уж лучше я пойду к знакомой!
Все тычет деньги напоказ,
А я, болван, польстился раз,
Да вот и каюсь до сих пор...
Теперь вам ведом мой позор.
Но кто же мог предположить,
Что ей еще так долго жить!..
И первый вестник ее смерти
Мной будет награжден — поверьте!»

Старик ответствовал, вздыхая:
«А мне досталась молодая.
Польстился я на красоту,
Она ж готова за версту
Бежать от ласк моих постылых,
Словно любить меня не в силах.
Весь день пред зеркалом, в мечтах,
Разряженная в пух и прах,
Как рыцарь, ждущий посвященья,
Иль у окошка, без смущенья,
Стреляет глазками в ребят,
Что у дверей так и торчат.
А за шитье сажать попробуй,
Сейчас окрысится со злобой,
Пойдет к соседям, скажет: муж
Ревнив и стар да скуп к тому ж,
А если бы она ко мне,
Как верной следует жене,
Была б заботливей, нежней,
И я бы по-другому с ней...
Я холил, нежил бы ее...
А этак — что же за житье?»

Простецкий парень третьим был:
«А я лентяйку подцепил.
Оборвана, не бережлива,
Лохмата, мерзостно ленива.
А силы ей не занимать
На рынке языком трещать

И сплетни разносить о том,
Как у других поставлен дом.
Придешь обедать — в доме пусто:
Еще не куплена капуста,
Горох сгорел, другого нет,
Выходит, покупай обед!
А у крыльца навоз не тронут,
Такая грязь, что свиньи тонут.
За каждой дверью сор горой,
Не дом, а просто хлев свиной!
Работать и меня не тянет.
С такой женою разве станет
Наладить жизнь, устроить дом,
Коль ей хозяйство нипочем».

А самый тучный из мужчин
Сказал: «Жена мне господин.
Сперва я с ней был добряком,
Теперь же я под башмаком.
Все деньги у нее, и тут
Я в доме — как последний шут.
Я квочка, не мужчина боле.
Она живет в довольстве, в холе,
А мужу скаредный расчет,
Зато уж коль перепадет
Случайно мне, в отместку ей
Готов я ночь среди друзей
В харчевне до рассвета пить.
Тогда она пойдет скулить,
Что муж всегда вот так гуляет,
Сама же только то и знает,
Что думать о своих чепцах,
О юбках да воротничках.
А я работать ей не бык,
Коли она в дому мужик».

А пятым был беспутный мальй:
«Друзья, вам всем уже, пожалуй,
Известно, что моя жена
Бывает что ни день пьяна.
Ей только б в погребок добратся:
Пропьет горшки, постель, матрацы,
А срамно коль на людях пить,
Домой закажет притащить

Тайком кувшинчик иль горшок,
Покуда хмель не свалит с ног.
А я сбегу и был таков.
Ищу друзей из игроков,
Хочу забыться за игрой.
А все та пьяница виной!
Она — горшки, я — кружки бить...
Но сколько ж этак можно жить?
Она ведь выросла в шинках.
Теперь мы оба в дураках.
Я думал деньгами разжиться...
Ох, лучше б в Рейне утопиться! »

Усач шестым был из мужей:
«Нет хуже участи моей.
На изверге женился я,
Грызет меня жена моя,
Хулит, бранит, что б ни сказал,
Ни сделал и ни помышлял —
Все не по ней! Она ворчит,
Кусает, щиплет, рычит.
Я для нее и плут и тать.
Так как же не накостьлять
По шее ей? Но и тогда
Бегу я из дому всегда,
Гуляю ночи напролет.
А изверг мой за мной придет,
Сюда заявится, в трактир,
Честит на весь крещеный мир,
Чтоб все бежали от меня.
Так и живем, судьбу кляня.
Кирка и заступ в смертный час
Когда-нибудь помирят нас».

Последний — человек прямой —
Сказал: «Доволен я женой.
Вот разве только, что тучна,
Сперва стройней была она.
Я сам воспитывал ее,
У нас согласное житье.
Всегда друг другу уступаем
И ссор и склок совсем не знаем.
Вот так привлечь бы жен и вам
Сердечной ласкою, а там

За добродетель похвалить,
А за плохое пожурить.
Жена худая — злое зелье,
А добрая жена — веселье.
Чтоб мир в семье был укреплен,
Воспитывать должны вы жен.
За честным мужем и жена
Сама становится честна».

ОТШЕЛЬНИК И ЕГО ОСЕЛ,
ИЛИ
НА ВСЕХ НЕ УГОДИШЬ

Давным-давно в стране одной
Отшельник жил в глуши лесной,
Он был и старым и седым,
Жил вместе с сыном молодым.
Шел сыну год уже двадцатый,
Но был он парень простоватый.
Однажды задает вопрос:
«Всегда ли здесь, в лесу, я рос?»
(Других людей он не встречал)
Отец на это отвечал:
«Когда ты крошкой был, сынок,
Здесь мы укрылись от тревог,
От пересудов, суеты,
Чтоб никогда не ведал ты,
Как мир людской несправедлив,
Завистлив, лжив и злоречив».
На том и кончен разговор,
Но сын стал думать с этих пор
Про то, что говорил отец,
Молчал, молчал — и наконец
Отца просить стал день-деньской
Вернуться снова в мир людской;
Уговорил его — и вот,
Осла с собою взяв в поход,
Отец и сын пошли вдвоем —
Осел брел сзади порожнем.
Навстречу им солдат идет
И говорит: «Ну и народ!

На вас забавно глянуть даже:
Осел шагает без поклажи,
Не нагружен хотя б мешком,
А сын с отцом бредут пешком! »
«Вот как встречается божий свет! » —
Отец промолвил. Сын в ответ:
«И впрямь, тащиться не смешно ль?
Отец! Поехать мне дозвожь! »
И он взобрался на осла.
Старушка мимо них прошла.
«Ну, сын! — сказала со смешком, —
Сам — на осле, отец — пешком! »
Старик сыночка в бок толкнул:
«Ну, что я говорил? Смекнул?»
Хоть сына втайне злость взяла,
Спокойно он сошел с осла:
«Верхом поедешь ты, отец, —
И пересудам всем конец! »
Вот на осла старик садится.
«Эй, старь! Этак не годится, —
Крестьянин им кричит вдали. —
Сын еле тащится в пыли!
Видать, чужих не жалко ног!..»
Отец сказал: «Заметь, сынок,
На всех не угодишь никак...»
«Что ж! Вместе сядем, коли так, —
Ответил сын, — в угоду людям
Верхом мы оба ехать будем! »
И вместе сели на осла.
Дорога дальше повела...
Навстречу нищий шел с сумой,
Взглянул и ахнул: «Боже мой!
Уселись оба дурака!
Ослу, знать, ноша не легка». —
Отец сказал: «От осужденья
Нам, видно, вовсе нет спасенья». —
«Да, — сын ответил, — люди злы, —
Они охочи до хулы.
А вот такие ль будут речи,
Коль взвалим мы осла на плечи?»
Несут осла отец и сын...
Навстречу едет дворянин,
Смеясь, воскликнул: «Ну и чудо!
Эй, дуралеи, вы откуда?»

Отец сказал: «Смотри, сынок,
Везде насмешка да попрек!..»
Тогда на сына злость нашла:
«Давай, отец, убьем осла,
Чтоб люди впредь нас не корили».
И вот осла они убили,
Но в это время к ним из чащи
Охотник выбежал, кричащий:
«Ну, дурни! Пыл умерьте свой:
Осел хорош, пока живой!
Что проку с мертвого осла?!»
Досада сына тут взяла
На всех, кто их корил, винил,
И насмеялся, и бранил.
«Людской хулы, — воскликнул сын, —
Принес нам вдоволь день один,
Чего же ждать еще мы будем:
Зачем идти нам дальше к людям?»
И скрылись вновь в лесной дали,
Откуда только что пришли.

Прими скорей иносказанье
Сей старой басни во вниманье:
На свете чтоб с людьми ужиться,
Всем надо с мыслью примириться:
Вовек не знать тебе покоя —
Осудит мнение людское,
И ты не сможешь никогда
Избегнуть этого суда;
Будь знатным родом знаменит,
Будь от рожденья именит,
Будь ты богат, будь ты умен,
Будь ты отважен и силен,
Будь в обхождении любезен,
Будь ты отзывчив и полезен,
Будь верен, тверд и справедлив,
Будь скромнен, робок и стыдлив,
Будь добродетелен, послушен,
Будь ласков ты и прямодушен,
Будь сердцем мягок, благоден,
Будь с каждым в обращенье равен,
Будь смелым ты, к веселью склонен,
Будь в твердой вере непреклонен,

Кто в рай открыл себе дорогу,
Кто мыслями направлен к богу,
Кто ангельского поведенья, —
Всем не избежать осужденья,
Ни для кого спасенья нет,
Всех очернит молвою свет!
Он сунет нос во все дела,
Исполнен хитрости и зла,
Он будет осуждать, ругать,
Высмеивать, порочить, лгать,
Он замазает клеветою,
Неправдой глупой и пустою —
От той хулы тебе не скрыться...
Но пусть никто с ней не смирится,
Робея, не шагнет назад:
Пред светом ты не виноват!
Сумей идти путем своим,
Спокоен и неуязвим,
Когда избрал ты верный путь:
Судьей тебе лишь совесть будь!
А совесть у тебя чиста,
Бог даст и стихнет клевета...
Ведь что ни говори в ответ —
Ты не изменишь белый свет,
Останется все тем же он:
Ганс Сакс в том твердо убежден...

СЛОВОПРЕНИЕ СЛУЖАНКИ
С ПОДМАСТЕРЬЕМ

Раз, в понедельник, я гулял,
И у харчевни увидал
Я парня: он разряжен был
И глаз с дороги не сводил.
А уточкой к харчевне шла
Служанка и кувшин несла.
Служанка парню поклонилась,
А он вскричал: «Ах, божья милость!
Сподобил бог увидеть вас!
А я вас жду здесь битый час!»
Она в ответ: «Ну что ж, гляди!
Припас подарочек, поди!»

«Да! — молвил он. — Без колебанья
И жизнь, и честь, и достоянье
Я вам навеки подарю!»
Она в ответ: «Благодарю!
Не зарюсь на твое добро я,
Да хвастовство-то все пустое:
Тебе ведь заработать лень
На то, что тратишь каждый день:
На пьянство и на угощенье,
На кости, карты, развлечения,
О девках я уж помолчу:
Кричать об этом не хочу!
Что за неделю получаешь,
Ты сразу по ветру пускаешь.
Ты даже платье в долг берешь
И денег в срок не отдаешь!»
Он отвечает: «Холостяк
Считает деньги за пустяк!
Вот как женюсь, душа моя,
Скупым и скромным стану я!»
Она в ответ: «Женатым станешь —
Работать вовсе перестанешь.
И в будний и в воскресный день —
Таким, как ты, трудиться лень,
Слоняться попусту окрест
Вам никогда не надоест!
Ваш брат из дому все таскает,
Жена с детьми пусть голодает,
А коли сетовать начнет,
То муженек ее же бьет...»
Он молвил: «Если я копить
Начну теперь, то как же пить
С приятелями — будет стыдно!»
Она в ответ: «Ишь, что обидно!
Ишь, отговорочку нашел!
И так уж гол ты, как сокол.
С тобой таким вот, как ты есть,
Водиться небольшая честь!»
А он в ответ: «Вы рассудите!
На мой достаток не глядите:
Не мой карман, а токмо тело
В законный брак вступить хотело!
Вы на земле прекрасней всех!»
Служанка молвит: «Просто смех!

Твоя любовь нужна мне мало:
Я молодцов таких видала.
Ты на себя-то погляди
И спереди и позади!
Ты завит, как кочан капусты,
А в голове-то все же пусто.
Хоть все вы холите усы,
А грубы, как цепные псы.
Одет, как чучело, к тому же,
Любого ты ландскнехта хуже!
Ты дурень с головы до ног! »
А он в ответ: «Я изнемог!
О дева, верь, одет смешно я,
Но сердце у меня какое! »
Она в ответ: «Болван! В тебе-то
И сердца стоящего нету.
Известно: все твои дружки,
Знай, забегают в кабаки
И поднимают там галдеж,
И ты от них не отстаешь!
Ты нас, служанок, обижаешь,
Похабной шуткой задеваешь,
А то еще проявишь прыть
Дружка в трактире поддразнить;
Друг другу в ухо — и готово:
Уж драка закипела снова,
А в суматохе ты всегда
Берешь чужое без стыда.
Да я давно убеждена,
Что грош душе твоей цена!
Я знаться не хочу с тобой! »
А он в ответ вскричал: «Постой!
О дева нежная, должна ты
Не замечать сего разврата:
Ведь соблюдает холостяк
Обычай светский, как-никак,
Коль телом он еще не слабый —
Ему ль держаться старой бабой! »
Служанка говорит в ответ:
«Вот в том и зло, вот в том и вред,
Что вы друг друга совращать,
На непотребства подстрекать
Горазды, а пристойный вид
И добронравье вас смешит.

А кто развратен, груб и зол,
Кто все пороки превзошел,
В ком нет ни чести, ни добра,
Кто пьет без просыпу с утра
Да в кости до зари играет,
Кто никого не уважает,
А только попусту орет,
Упрямится да нос дерет,
Тот всеми вами помыкает,
И вас подонками считает!
Эх, тошно мне смотреть на вас! »
«О дева чудная! Хоть раз
Взгляни! — он снова к ней взывает: —
Взгляни на то, что украшает
Меня: пускай я некрасив,
Пускай я беден и строптив,
Но преклоняюсь пред тобою
И день и ночь с одной мольбою,
Чтоб милость заслужить твою...»
Она в ответ: «А я плюю
На поклонение такое:
Вы не даете мне покоя,
Как волки воете всю ночь,
Мне это попросту невмочь.
То вы шатаетесь, мыча,
То бьете встречного сплеча,
Затев драку, вы гордитесь,
Что никого, мол, не боитесь.
Вас ловят, вяжут, тоже бьют,
Потом в темницу волокут.
Проваливай отсюда, друг,
С тобой болтать мне недосуг.
А если ты еще и злишься,
Так мне и вовсе не годишься.
С тобой мне знаться не расчет:
Крапива, сколько ни сечет,
Крапивою же и остается
И только все большее жжется...»
«Ах, дева! — молвит он в ответ, —
Не все же мы злодеи, нет!
Ты нас позоришь беспощадно!»
Служанка молвила: «Ну ладно:
Один-то, может быть, и есть,
Кем все же не забыта честь,

Кто не совсем отстал от бога,
Кто даже пьянствует немного!
Такого жалко было б мне,
И, право, я могла б вполне
Такого взять себе в мужья! »
Слуга в ответ: «Так вот он — я!»
Она в ответ: «Ты не такой,
Иначе был бы в мастерской!
А ты недавно лишь поднялся
И, как я вижу, нализался!
Ну, словом, дай-ка мне покой,
Да и ступай себе к другой! »
Кричит он: «Я тебе клянусь:
Теперь ума я наберусь,
Друзьям своим узнал я цену,
Познал их козни и измену!
Во всем я пред тобой винюсь,
Но, коль теперь не изменюсь,
Забудь меня ты навсегда! »
В ответ служанка молвит: «Да!
Полгода послежу я все ж,
Как исправляться ты начнешь:
Коль скромно будешь ты держаться,
Дурного общества чуждаться,
Тогда я дам тебе ответ,
Хотя большой надежды нет,
Что ты себя на путь направишь
И предо мною не слукавишь...»

Конечно, парень огорчился,
Что своего он не добился:
Признаться, слушать я не стал,
О чем он дальше толковал.
Понятно вам, в чем суть и дело.
Она ответила умело,
Правда ль она — не знаю сам,
Судить предоставляю вам.
Такие парни ведь бывают:
Они ландскнехтам подражают,
Их речь, замашки, поведенье
Встречают всюду осужденье
И приносили вред не раз —
Таков вам Ганса Сакса сказ!

СЕТОВАНИЯ ТРЕХ СЛУЖАНОК
НА СВОИХ ХОЗЯЕК

Три девки сетуют, бедняжки,
Что годы службы ох как тяжки!

Ж а л у е т с я с л у ж а н к а
р е м е с л е н н и к а

Эльза! Как на духу, мой свет,
Скажу: житья служанкам нет.
Нас презирают и клянут,
По шее нам любой хомут,
А жалованья в год — копейка.
А из посуды что разбей-ка,
Так вычтут из копейки этой.
А на работу и не сетуй:
Гоняют, не успев запречь,
Я лишь и знаю мыть, да печь,
Стирать, мести, стелить постелю,
Варить и жарить всю неделю.
А ежели я захворала,
Хозяйке что ж? И горя мало!
Сплю возле печки на рогоже,
Стряпуха я и прачка тоже.
На слуг и на господ стираю.
И только к ночи попадаю,
Полузамерзшая, домой.
Висят сосульки бахромой,
Стучат, как будто я в броне,
И на день столько стирки мне,
Что в год хозяйка б не успела.
Кипит-де у самой-то дело!
Сама знай спит, да пьет, да жрет,
Да горло на меня дерет:
«Тебя, лентяйку, гнать бы надо».
Уж и берет меня досада!
Пойду-ка замуж! Дай совет.

С л у ж а н к а б ю р г е р а

Тебе не сладко, спору нет.
Ох, Грета! Нелегко и мне,

Весь год верчусь, как на огне.
Живу, как в келье, взаперти,
Не смею и на час уйти.
А прошлый год иначе было,
Как у хозяйина служила.
Теперь хозяйек стало — страсть!
Все надо мною кажут власть,
Все ладят мною помыкать —
Хозяйка, дочь, сноха и зять.
А если угрожу одной,
Так попадает от другой.
И в праздник рук не покладать:
То чепчик ей, то кофту гладь.
Ей надо в церкви красоваться,
А мне в дерюгу одеваться.
А ведь охота у обедни
И мне быть тоже не последней.
Сиди-ка в церкви рядом с ней
Да за рядом свое красней.
Потом ей платье очищаю,
А ночью зыбку я качаю.
Какой там сон! Встаешь чуть свет,
И вновь ногам покою нет.
Беда одежде, башмакам,
Пообносились так, что срам!
И яхватила горя, Грета,
Скажи, что делать. Жду совета.
Наняться в сретенье опять
Иль, может, мужа подыскать?

Ж а л у е т с я б а т р а ч к а

Ишь, невидаль, хомут недели!
Вы испытайте-ка на деле,
Как нас и в хвост и в гриву дуют.
В деревне девки не жируют.
Весь год лишь поспевай крутиться:
Коровы, овцы, свиньи, птица.
Дою, кормлю, навоз ношу,
Пасу и жну, траву кошу,
Лен тереблю да коноплю
И за ночь трех часов не сплю.
Зимой и летом — все страда,
А каша с хлебом — вся еда.

Мясо же в редкость. Пусть же мужа
Поищет та, чья служба хуже,
Да замуж и пойдет вперед.
А значит, первый *мой* черед.

Но тут и вспомнится, каков
Бывает брак у бедняков.

ДЕВЯТЬ ШКУР ЗЛОЙ ЖЕНЫ

По лугу как-то я гулял
В вечерний час и размышлял:
Я сочинять стихи собрался.
Тогда с охоты возвращался
Один мой подмастерье-хват,
Который год уж, как женат.
Он был изрядно исцарапан
И кровью кое-где закапан;
И я спросил, уж не коты ли
Ему лицо избородили.
А он: «Нет, не коты, нимало,
Меня жена так расчесала».
«Как это случилось?» — молвил я.
А он в ответ: «Жена моя,
В отличие от людей обычных,
Имеет девять шкур различных,
И по числу ее всех шкур
Сокрыто девять в ней натур.
И вот пришлось мне вечер цельный
По каждой шкуре бить отдельно,
И то я еле сладил с ней».
Я попросил: «Скажи ясней;
Я что-то не пойму никак».
А он мне: «Дело было так:
На днях, вернувшись под хмельком,
Жену спросил я кой о чем;
Она ж в ответ молчит как рыба.
Тут осерчал я крепко, ибо
Слышал я от людей иных
Про девять шкур у жен дурных;

Такая ж, знать, досталась мне.
И тут я таску дал жене
По рыбьей коже той нещадно,
Чтоб впредь ей было неповадно
На мой вопрос не отвечать.
А как ударил снова, глядь,
И угодил в медвежью шкуру;
Жена от злости стала бурой
И заворчала тихо так,
Что слов не разобрать никак.
Хотел я хлобыстнуть по роже,
Да треснул по гусиной коже;
Как примется она трещать,
И гоготать, и верещать!
Едва лишь я промолвлю слово,
Уж десять у нее готово
С поносной руганью в придачу.
Тут я по шкуре дал собачьей.
Она тогда завывла — страх!
И с лаем мне вцепилась в пах.
Я изловчился в это время
И щелкнул бабу прямо в темя,
Да в шкуру заячью и — хлоп!
Она вопила: «Остолоп!
Ах, блудодей, изменщик, бабник,
Игрок, пропойца, мот, похабник!»
Тогда я в ухо двинул с силой:
Кобылья шкура проступила,
И, наземь сброшенный пинком,
Я покатился кувырком;
Однако дать успел ей сдачи
По шкуре тут уже кошачьей.
Она мне так вцепилась в тело,
Как будто разорвать хотела.
Не в силах этого стерпеть,
Я взял потяжелее плеть
И стал охаживать ей хмуρο
Со всех сторон свиную шкуру.
Жена визжала, как свинья.
И, наконец, ударил я
Ее по коже человечесьей.
Тогда она, страшась увечий,
Взмолилась: «Муженек, прости,
Не бей, вину мне отпусти!

1521

Меня попутала, поверь,
Соседка наша, но теперь
Я буду в послушанье строгом,
И честь моя тому залогом! »
На грудь мне бросилась, рыдая,
И я сказал ей: «Я прощаю!
Но чтоб не смела никогда
Перечить мне, не то — беда! »
Меж нами мир был заключен;
Не знаю я, надолго ль он.
Так мы покончили с раздором,
Напоминают о котором
Следы ногтей ее и рук».
Тут я сказал: «Послушай, друг!
Вы горячи и своенравны,
Мужья, женатые недавно.
Когда жена посмотрит косо,
Иль не ответит на вопросы,
Иль что-то рассердило вас,
То кулаки свои подчас
Вы в ход пускаете сначала.
Мужчине это не пристало.
Царят пусть дружба и покой
В супружестве; никто войной
Порядка в доме не направил.
Мужей учил апостол Павел
Разумно управлять женой,
Без драк и брани площадной.
Не плеть нужна, а назиданье:
Ведь жены — слабые созданья.
Ты обратись наедине
Словами добрыми к жене:
«Брось, душенька, свои причуды,
Так делать уж куда как худо.
Когда мое расположение
Ты ценишь, то без понужденья
Совета слушай моего,
Я ж буду слушать твоего,
Коль поступить случится худо.
С тобою честно жить я буду
И не скажу дурного слова.
Мы обретем согласие снова,
И чтоб никто, избави бог,
Тебя бы возмутить не мог

Против меня! Тогда и сам
Себя с пути сбивать не дам.
В нужде ты обратись ко мне,
Я тоже обращусь к тебе.
Не действуй от меня тайком;
Мы, кроме нас самих, ни в ком
Любви не същем, ни опоры.
К чему же розни нам и ссоры?
Не жизнь нам так, а мука, право,
А всем глядеть на нас — забава.
Ведь нас не будут уважать! »
Вот так ты должен ей сказать,
И, если честь она имеет,
Твои слова уразумет.
У добродетельного мужа
Обычно и жена не хуже.
Но коль, строптивости полна,
Тебе противится она,
Не поступает так, как нужно,
И непослушна воле мужней,
А делает все поперек,
Ты волен плеткой дать урок;
Но меру соблюдай всегда,
Чтоб не нанести жене вреда.
Так, строгость с лаской сочетая,
Ты будешь жить, забот не зная,
С женой как честный человек.
И чтоб прошел земной ваш век
В отраде, в дружбе и в тиши,
Ганс Сакс желает от души».

ДЕВЯТЬ ВКУСОВ В БРАКЕ

Нам лекарь утверждать готов,
Что вкусы — девяти родов.
Не так их трудно перечесть:
Есть *сладкий, терпкий, горький* есть,
Затем еще есть *кислый, едкий*
И *жирный* — вкус довольно редкий.
Вкус *вяжущий* еще найдется,
Особо — *затхлый* вкус причтется,

Есть, наконец, *соленый* вкус...
Я точно утверждать берусь,
Что *сладкий* вкус — есть самый смачный:
Чете он введом новобрачной...
Объятыя, ласки — все им мало,
Хотя и свадьба миновала,
Все так же сладость чувств нова,
Звучат шутливые слова,
И так сердца влюбленных сладки,
Что всласть им даже неполадки.
Медовый месяц... Смех и радость...
Недолго длится эта сладость,
Легко переходя порой
В отменно *терпкий* вкус второй.
То ревность тихо в дом вошла, —
Раздор с собою принесла.
Где был покой до этих пор —
Теперь слышны и брань и спор.
Их разговор стал ежедневно
Звучать сварливо, бурно, гневно:
Так друг на друга нападают,
Пока рога не обломают...
Но вот супруги присмирели
И снова мир и лад узрели,
Склонили головы друг к другу,
И вновь их жизнь пошла по кругу:
Вкус терпкий уксуса, бывает,
Сердца к согласью призывает...
Но нету вечного на свете,
И *горький* вкус приходит, третий.
Жена небрежно дом ведет,
А муж с утра в кабак идет.
И стала жизнь невесела:
Вконец запущены дела,
Расходы каждый день растут —
И впрямь задумаешься тут!
Меж тем, в семье пошли ребята,
А поднимать их трудновато:
Всех накормить, обушь, одеть —
Да, тут не будешь песни петь!
Всему своя есть чередка —
Настала горькая нужда,
Четвертый — *кислый* — вкус пришел:
Забудь про всякий разносол,

А если трудно хлеб жевать —
Водицей станешь запивать.
Обноски для тебя — не срам,
Ложись поздней по вечерам,
Теперь за труд любой берись
И целый день с нуждой борись!
Да извернись еще к тому же,
Чтоб быть других людей не хуже:
Ведь должен честный человек
Из кожи лезть свой долгий век,
Кладя заплаты на заплаты...
С годами вкус приходит пятый:
То *едкий* вкус различных бед,
Обилен ими белый свет.
Ох, нелегко бывает в жизни
При тяжбах, при дороговизне,
Долгах, пожарах, кражах, войнах
Да при соседях беспокойных...
Жди встреч со сплетнею пустой,
С коварством, злобой, клеветой,
Здесь обесславят, там обманут.
То оболгут, то в ссору втянут,
Жди злых обид и нареканий,
Вреда, стыда, недомоганий.
Беда не кончилась одна —
Стоит другая у окна...
Но вот покончил ты с нуждой:
Тогда приходит вкус шестой.
То *жирный* вкус: его дадут
Лишь возраст и упорный труд —
Житейский опыт дружит с нами:
Приходит счастье с сединами.
И если в доме нет богатства,
То есть достаток: вина, яства,
Ну, словом, всяческая снедь...
Приятно в тихий час сидеть
И думать: вот он — отдых мой...
Тогда приходит вкус седьмой:
Вкус *вяжущий*. Свести знакомство
С ним можно лишь подняв потомство.
Так повелось уже на свете —
Под старость нас печалят дети;
Бывают их дела постыдны,
Отцу и матери обидны,

Когда они выходят в свет,
Презрев родительский совет,
И, выбор сделав кое-как,
Вступают в нежеланный брак,
Гнева родителей сердца, —
Здесь новым страхам нет конца:
Ведь боль от неудач детей
Родителям еще лютей...
Приходит вкус восьмой на смену:
То *затхлый* вкус — преддверье к тлену.
Вконец состарилась чета:
Их мощь годами отнята,
Нет сил, что были до сих пор,
Притуплен слух и гаснет взор,
Слабеет ум, гнетет недуг
И память исчезает вдруг.
Круженье в мыслях, дрожь в руках,
Терзает кашель, мучит страх.
Все хуже каждый год — и вот
Девятый вкус конец несет...
Весьма *соленый* вкус, поверьте:
Спешит болезнь, предвестник смерти.
Чем больше трудятся врачи,
Тем дольше свой недуг влачи...
Вот так и мучится больной,
Пока не кончит путь земной
И смерть к нему не прилетит
И все страданья прекратит...
Тогда оставшийся супруг
Всю боль тоски познает вдруг,
Как в мире стал он одинок,
Для всех чужой, от всех далек:
Ведь на земле нет ничего,
Что утешало бы его:
Лишь на наследство метят дети...
Так доживать ему на свете,
Пока, и дряхлый и больной,
Он не отбудет в мир иной,
Где кущи райские нас ждут:
Ему вкусить блаженство тут
В покое вечном и тиши
Ганс Сакс желает от души.

Жил во Флоренции когда-то
 В усадьбе рыцарь небогатый.
 В часы досуга часто он
 Бывал охотой увлечен.
 Однажды как-то на охоте
 Он журавля убил в полете
 И отдал повару приказ:
 «Зажарь-ка к ужину для нас!»
 Собрались гости вечерком...
 Встряпне прослывшийся мастаком,
 Потрафил повар, и жаркое
 Он изготовил им такое,
 Что вмиг из кухни аромат
 Распространился даже в сад.
 А к повару меж тем как раз
 Кума наведалась на час
 И просит, кушанье хваля,
 Ей ножку дать от журавля.
 А он в ответ: «Хозяин мой
 Во гневе человек крутой,
 Возьмет да выгонит к чертям!
 Ступай! Я ничего не дам!»
 Тогда она: «Ну погоди ж!
 И от меня получишь шиш!»
 Струхнул тут повар и скорей
 Взял да и отдал ножку ей.
 Вот подано к столу жаркое...
 Хозяин взрезал: «Что такое?
 Здесь недочет одной ноги.
 Позвать мерзавца! Ну-с, не лги,
 А прямо говори, пострел,
 Куда вторую ногу дел?»
 Что делать? Повар уличен.
 Потупив взор, бормочет он:
 «Спокон веков была, ей-ей,
 Одна нога у журавлей!»
 Тут рыцарь в гневе заорал:
 «Что? Журавлей я не видал?»
 А повар: «Богом я клянусь
 И даже доказать берусь!»
 «Добро! — решает рыцарь. — Нам
 Ты все докажешь завтра сам,

А нет, тогда тебя, мой друг,
Я на ближайший вздерну сук! »
Не спал наш повар в эту ночь...
Куда уж тут? Уснуть невмочь!
А утром оба в путь пустились
Туда, где журавли водились.
И видят вдруг среди камышей
В воде двенадцать журавлей,
Все на одной ноге стоят...
Был повар уж куда как рад
И прошептал: «Теперь вам ясно?»
Но радовался он напрасно:
Хозяин быстрыми шагами
К ним подошел, взмахнул руками,
«Гу-гу!» — истошно закричал
И журавлей перепугал.
Вторую ногу опустив,
Они вспорхнули, в небо взмыв.
Промолвил рыцарь: «Кто же прав?»
Тут повар взвизгнул, зарыдав:
«О, если б вам пришло на ум
Вчера поднять подобный шум,
Тогда бы доказать я мог,
Что у жаркого — пара ног!
Не я виной, что нет второй! »
И этим спасся наш герой.
На этот раз он жив остался,
Над дурнем рыцарь посмеялся,
И шуткой обернулось дело...
Когда боишься — действуй смело,
И ты избежешь худших бед —
Вот Ганса Сакса всем совет!

ДВОРЯНИН, ШУТ И ИСТИНА

В каком-то замке жил один
Вдовец, почтенный дворянин,
И при себе шута держал.
Когда хозяин уезжал,
Вся челядь в замке ликовала
И дни и ночи пиновала.

Раз как-то барин возвратился,
Шут раздевать его явился
И рассказал не без издевки,
Что парни делали и девки:
Как за столом они сидели,
Как вволю пили, сладко ели.
Тогда хозяин слуг созвал
И им пенянь легонько стал,
Расспрашивая заодно,
Как им понравилось вино
И хороша ль была еда.
Тут все зарделись от стыда
И начали соображать,
Кто мог так подло их предать.
Недолго толковали тут.
Всем стало ясно — это шут!
Они обиду затаили
И отомстить шуту решили.
Уехал дворянин — и вот
На прежний лад их жизнь идет...
А шут опять при них сидел
И вместе с ними пил и ел.
Так время весело текло...
Но вот что тут произошло:
Они, налакомившись, встали,
Затем шута в подвал загнали,
Связав, раздели донага,
И розги взял один слуга.
Истошный вой тут поднял шут.
Завоешь, ежели секут
Да с приговором: «Ваша честь!
Вот это истина и есть!»
Шут завопил: «С меня довольно!
Она кусается пребольно...
Покуда жив на свете буду,
Я эту истину забуду!»
Хозяин вскоре возвратился,
Шут раздевать его явился.
Хозяин молвил: «Милый мой!
Ты мне вск истину открой:
Что слуги нынче вытворяли
И что тут жрали и лакали».
Услышав это, тотчас шут
Воскликнул: «Пусть меня сожгут!

Молчать я буду, как в могиле;
В меня так крепко правду вбили,
Что до сих пор щекотно мне...
Прочтите сами на спине!»
Хозяин шутовской кафтан
Содрал, и след багровых ран
Он разглядел со всех сторон,
И сразу правду понял он.
А шут ладонь к устам прижал
И дальше обо всем молчал.
Так повелось уже веками:
Обжегшись, мы не лезем в пламя.
А тот, кто правду говорит,
Бывает беспощадно бит.
Вреда не принесет молчанье —
Вот Ганса Сакса назиданье.

ПОДАГРА И ПАУК

Однажды утром я гулял
И на опушке услышал —
Где зеленел сосновый бор —
Какой-то тихий разговор.
Подкрался я и подглядел,
Кто там за кустиком сидел.
Всмотревшись, я увидел вдруг,
Что это старый был Паук,
А с ним Подагра, и ему
Она сказала: «Не пойму,
Куда, приятель, ты бредешь,
Ты на себя не стал похож!»
Паук в ответ: «Я выгнан был
От богача, где тихо жил,
Но там мне больше места нету!»
Подагра молвит: «Как же это?»
Паук в ответ: «Я отоцал!
Я там частенько голодал.
В сеть ничего не попадало,
Ведь мух там, знаешь, очень мало.
Гоняют мух в таких домах
Хлопушкой, плеткой — просто страх.

Зато там оводов немало,
Орава их мне сеть порвала,
Ни одного я не поймал,
И потому я голодал.
Не ко двору я, видно, там:
Хозяйка и хозяин сам,
Меня случайно заприметя,
Когда растягиваю сети,
Чтоб в уголке развесить их,
Вопят и кличут слуг своих.
Вот так, бывало, по неделе
Мне нет покоя: еле-еле
Успеешь в щелку заползти,
Чтоб сетку новую сплести,
Но чуть отыщешь уголочек,
Уже то дочка, то сыночек
Хозяйские орут опять.
Никак не мог я отыскать
Местечка тихого, но пряжи
Наткал за двух ткачих: ведь я же
Девицею когда-то был,
Так сам Овидий говорил:
Арахной назывался я.
Работа чудная моя
Самой Палладе досадила,
И вот богиня превратила
Меня, как видишь, в паука.
Неважно я живу пока.
Живя в домах богатых, тщетно
Хотел, чтоб сделалось приметно
Мое искусство, но всегда
Грозят мне гибель и беда.
Решил я богачей оставить
И к новой жизни путь направить...»
Она ему: «Куда ж, мой свет?»
«Да в избу! — ей Паук в ответ. —
Я в уголку найду жилище,
Мух у меня там будут тыщи,
Я буду пожирней питаться
И мирной жизнью наслаждаться:
Едва ли кто за целый год
Там паутину обметет.
Работы там не занимать:
Пилить, колоть, косить и жать;

Не будут гнать меня оттуда,
В почете у крестьян я буду.
Издавна бают старики,
Что к счастью в доме пауки.
Я без помехи там к окну
Спокойно нитку протяну.
Свет проникает еле-еле:
Все стекла мухи засидели!
Досадно, правду говоря:
Томился в городе я зря! »
Подагра молвила: «Пустое!
У мужиков житье плохое;
От них бегу я не напрасно:
С невежами мне жить опасно.
У мужика мне никогда
Пощады не было. Беда!
Меня таскал он на работу,
А коль пуцу в ногах ломоту,
Твердил, что ноги натрудил!
Со мной он жал и молотил,
Дрова возил, навоз таскал
И передышки не давал.
И так взопреет он, бывало,
Что потом от него воняло.
А вонь такая мне вредна:
Я просто делаюсь больна!
Меня он мучил, даже бил
И редко досыта кормил.
Что ест он? Молоко, ячмень,
Горох да репу каждый день.
Пьет молоко иль просто воду,
А знаешь, я, Подагра, сроду
Такого кушанья не ем —
Изголодалась я совсем!
От такой еды, питья
Не стало вовсе мне житья.
Сам Бахус ведь родитель мне,
И нрав мой вышел по родне:
Люблю я выпить, закусить,
Люблю я весело пожить.
А что крестьяне? Серый люд!
Они меня не признают.
От мужиков я выбираюсь... »
Паук ей: «Право, удивляюсь!

Где ж ты найдешь житье иное?»
Подагра молвит: «Э, пустое!
У горожан, дворян, попов
Мне стол и дом всегда готов.
Они умеют веселиться,
Играть, купаться, спать, любиться,
Еды у них на всякий вкус.
Уж там я ко двору придусь!
Меня уложат на кровать,
Я на перинах буду спать,
Меня укутают, согреют,
А ежели врачи затеют
Со мной бороться — назло им
Останусь дольше я с больным!
Чуть я немного ослабею —
Больной за прежние затеи
Берется, чтоб меня опять
Вином и яствами поднять.
Тогда я нажимаю снова —
Находят корчи на больного,
Вновь он лежит, не ест, не пьет,
Пока припадок не пройдет!
А я над бедным измываюсь,
Во все суставы забираюсь,
Но день за днем, исподтишка:
Сперва мала я и кротка
И только в пальце помещаюсь
И уж потом переселяюсь
В сустав побольше, подлинней,
И с каждым годом все трудней
Со мною справиться бывает!»
Паук Подагре отвечает:
«Как ты, пробравшись в дом, и мал
И неприметен я бывал.
Зимою я всегда скрываюсь
И по весне лишь появляюсь,
И вью гнездо, и мух тащу,
И малышей своих ращу.
А малыши как расплодятся,
Везде и всюду поселятся!
В чуланах, в комнатах, в ларях,
На окнах, лестницах, дверях
Развесим мы такие сети,
Что лучше нет на белом свете.

Так приходи ж в деревню к нам
И посмотри, как сладко там
У мужичонки мне живется! »
«Уж кто в деревню не вернется,
Так это я: там жизни нет! —
Подагра Пауку в ответ. —
Притом мне в городе чудесно:
Там богатеи живут известный,
Его сегодня ж проберу:
На званом он сидит пиру.
Я так и вижу вина, яства!
Ему и мне одно приятство!
Меня он примет на кровать,
В шелка и пух положит спать!
Идем-ка, Паучок, со мною,
Я как-нибудь тебя пристрою!
Ведь я в чести у горожан! »
Паук в ответ: «Да что я, пьян?
Идти туда неосторожно,
Где головы лишиться можно.
Зато в избе не жизнь, а чудо:
Уж я не выползу оттуда!
А ты уж в городе цветы:
У богатеев ты в чести.
Никто из нас не прогадает! »
Ему Подагра отвечает:
«Ну что ж! Пусть так, пора идти!
Счастливого тебе пути! »
Паук в деревню побежал,
Подагра в город. Я видал,
Как поплелась она, хромая,
И я решил, не ожидая,
Бежать, ее опередить
И горожан предупредить,
Что к вечеру придет к ним в гости
Подагра, поедать их кости.
Мол, кто себя решил сберечь,
Того спешу предостеречь.
Петрарку помните всегда:
Работа, скромная еда
Подагру гонит и гнетет;
У богачей она живет,
Но коль богач не допускает
Излишеств, он ее пугает.

Беги, кто может, этой хвори,
Не то появится и вскоре
Она тебя живьем сожрет! —
Такой совет Ганс Сакс дает!

АББАТИСА, ШТАНЫ
И ЮНАЯ МОНАХИНЯ

Забыл, в году каком,
В монастыре одном
Послушница жила,
Мила и весела.
Девицу Лизой звали
И знатною считали.
Ей нравился один
Красивый дворянин,
Но он не мог с девицей
Любовью насладиться:
Она-то взаперти,
Никак к ней не пройти!
Но способ наконец
Придумал молодец:
Не раз в тиши ночей
Он в келью лазил к ней,
И там они шалили...
Их шапши уследили
Монашенки случайно,
И вот раскрылась тайна.
Злодейки к аббатисе
Сейчас же понеслися,
Кричат: «У Лизы в келье
Дружок лежит в постели!»
Старуха не дремала
(Сама с попом лежала!),
И вот она в сердцах
Оделась впопыхах,
Штаны попа схватила,
На чепчик водрузила
Заместо покрывала
И быстро зашагала

Походкою сердитой
К преступнице со свитой.
Затем рыча, как зверь,
Она толкнула дверь,
И Лизы тайный грех
Открылся взорам всех.
Под возмущенья гул
Собрался капитул.
Ослушнице — беда!
Не деться никуда!
Беснуется старуха:
«Ты тварь и потаскуха!
Ты что ж тут натворила?
Обитель осрамила!»
Но, выслушав укоры,
Подъемлет дева взоры,
И стали ей видны
На чепчике штаны.
«Ах, матушка, взгляните...
Да крепче подвяжите
Свой чепчик поскорей,
Он съехал до ушей!»
Тогда слова такие
Монашки остальные,
Услышав, осмелели,
Взглянули и узрели,
Что грех — соблазн для всех!
Ну и поднялся смех!
Старуха устыдилась,
За голову схватилась
И молвила: «Ну что ж,
Свой клад не сбережешь!
Хоть нам любить мужчину
Не велено по чину,
Пусть каждая девица
Отныне насладится
Любовью с молодцом,
И досыта притом!»
Тут блуд, не утаю я,
Пошел напропалую,
Ему предались с жаром...
Ведь говорят недаром:
Коль поп из игроков,
То и приход таков!

Вот то-то и оно!
Боккаччо уж давно
Писал об этом вам,
Мирянам и попам.
Карать людей жестоко
За мерзости порока
Достоин только тот,
Кто праведно живет.
Не то дождется скоро
Он срама и позора.
Напоминает сам
Ганс Сакс об этом вам!

КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ

Крестьянин бедный полон дум:
Ему понадобился кум.
Он было в путь, но к воротам
Подходит вдруг Всевышний сам
И вопрошает: «Ты куда?»
«Да кум мне нужен, вот беда!»
«Возьми меня», — господь в ответ,
Но мужичонка молвит: «Нет!
Ты делишь блага кое-как:
Один — богач, другой — бедняк!»
Идет навстречу Смерть: «А я
Не подойду ли в кумовья?
Коли меня захочешь взять,
То научу я врачевать,
И вскорости ты — богатея!»
«Коль так, нет кума мне милей!»
Вот и дитя окрещено.
Смерть куманьку твердит одно:
«Придешь к больному — так гляди,
За мною только и следи!
Коль в головах я у больного,
То ждать ему конца худого,
Но коли я в ногах стою,
Поборет он болезнь свою».
Раз заболел мужик богатый.

Пришел наш лекарь, кислогато
Взглянул, ответил на поклон,
А сам на кума — где же он?
Глядит — а он в ногах стоит.
Больному лекарь говорит:
«Дай мне двенадцать золотых,
И ты здоров». — «Не жаль мне их!»
Мужик поправился, и вот
О лекаре молва идет,
А тот знай лечит — всякий раз
Лишь с кума не спуская глаз:
Кум в головах — больной не встанет,
В ногах — опять здоровым станет!
Разбогател наш врач: за ним
Лишь посылают за одним.
Чрез десять лет — увы и ах! —
Смерть уж у кума в головах
Стоит и речь к нему ведет.
«Теперь настал и твой черед!»
Но лекарь просит погодить:
«Дай мне молитву сотворить!»
Вот «Отче наш» прочту, — тогда
Уйду с тобою навсегда!»
Согласна Смерть: «Пусть будет так!»
Молиться принялся бедняк.
Но только первые слова
Он произнес едва-едва...
И этак молится... шесть лет:
Конца молитве нет как нет.
Смерть выбивается из сил:
«Ну, как? Молитву сотворил?..»
Смекнув, что тут обойдена,
Прибегла к хитрости она:
Прикинулась больной тотчас
И у порога улеглась,
Кричит: «Ах, лекарь! Я в огне!
Лишь «Отче наш» поможет мне!»
Прочел тут врач все до конца —
А Смерть скрутила молодца
И молвила: «Попался, брат!..»
Недаром люди говорят:
От смерти не уйти. Придет
И Ганса Сакса заберет.

Не знали двое школяров,
 Как в Эрфурте сыскать им кров.
 Нужда их жала, и нужда же
 Толкнула на ночные кражи.
 Стал их жилищем склеп пустой.
 Один был шваб, пруссак другой.
 Условились они однажды
 О том, что уворует каждый:
 Шваб утащить орехи брался,
 Ну, а приятель вызывался
 Барана жирного добыть
 И в склепе краденое скрыть.
 С мешком орехов шваб явился,
 На чем-то гробе примостился,
 Орехи щелкает да ждет,
 Пока приятель подойдет.
 В одной харчевне, между тем,
 Крестьянин, захмелев совсем,
 Другому с жаром говорил
 О выходящих из могил,
 О том, как ночью на погосте
 Покойников скрежещут кости.
 А тот на это отвечал:
 «Я в жизни духов не встречал.
 Но в склеп сойти не побоюсь,
 Коль на тебе я прокачусь».
 На толстяка залез — и вот
 Пьянчуга пьяницу везет,
 И так они довольно скоро
 Добрались до жилища вора.
 А тот подумал, что дружок
 Живьем барана приволок,
 И молвит: «Эх, баран хорош!
 Вали-ка наземь! Дай-ка нож!»
 Со страху задрожал мужик
 И с плеч на землю в тот же миг
 Свалил дружка и тягу дал
 Дружок же следом побежал,
 За платье стал его хватать
 И лезет на него опять.
 А вор за ними во всю прыть,
 Боясь барана упустить.

«Держи, — кричит, — держи его!
Прирежем, так верней всего!»
И так струхнули мужики,
Что каждый наложил в портки.
Не разбирая уж дороги,
Летят, давай бог только ноги.
А вор решил, что убежал
Баран, и следом побежал
За ним и, злобою объятый,
Кричит: «Остановись, куда ты?»
Но рысью оба мужика
Неслись с кладбища до шинка.
В шинке же, где сидели люди,
Они поведали о чуде,
И, бледные как мертвецы,
Еще дрожали молодцы.
Пусть любопытный знает впредь,
Что угодить он может в сеть.
Порой впросак он попадет.
О чем Ганс Сакс и речь ведет.

ТРИ БАБЫ И ТЕСЬМА

Три бабы вместе как-то шли
И по пути тесьму нашли,
И хочет каждая весьма,
Чтоб ей досталась та тесьма.
«Так пусть же та из нас владеет
Тесьмой, которая сумеет
Обставить мужа всех хитрей», —
Сказала первая, и с ней
Все согласились. Вот бежит
Она домой, а муж лежит
В постели, да и дрыхнет спьяна.
Достала сажу и шафрана
И муженька от лба до губ
Раскрасила под свежий труп.
«Ты помер, бедный! — мужа будит. —
Ох, горе, что со мною будет?»
И тычет зеркало. Лицом
Муж, правда, схож был с мертвецом,
В харчевне прокутив всю ночьку

И вылакавши чуть не бочку.
Женою в саван облачен,
Был утром в храм он отвезен.
Вторая баба прибежала
И спящим муженька застала:
И этот ночь пил напролет.
Супруга ножницы берет,
Ему тонзуру выстригает,
Как у священников бывает.
«Ну, батюшка, пора вставать,
Соседа Кунца отпевать!
И как бы не было обиды
Из-за задержки панихиды».
«Да что я, поп? Пусть поп идет!»
«Вас ждут, собрался весь приход!»
Лишь тут нащупал муж тонзуру
И в ризницу поплелся сдуру.
Неузнанный, надел стихарь
И важно шествует в алтарь.
И третья в дом спешит подруга,
Толкает своего супруга,
Который, хмелем обуян,
Храпит, как те, и тоже пьян.
Супруга, поплевав в ладошки,
Ему отряхивает ножки,
Как будто бы снимает пух...
«Вот пьяница, чтоб ты опух!
Одетый спит, кабан бесстыжий,
Вставай-ка в церковь! Ну иди же
Беднягу Кунца отпевать!»
Но муж в ответ: «Да что ты, мать?
Как нагишом пойду я к храму,
Ведь так не оберешься сраму?»
А та кричит ему в ответ:
«Ты что, ослеп? Ведь ты ж одет!
Вчера штанов не снял, пьянчуга!»
И так опутала супруга,
Что он нагим явился в храм
И подошел к святым дарам.
Тут поп орет: «Ты что ж, балбес,
В храм божий гольшом прилез?»
А тот: «А ты как здесь читаешь?
Да ты ведь грамоте не знаешь!»
Так препирались два глупца

И рассмешили мертвеца.
Тот прыснул, обмерли два друга,
Но после первого испуга,
Увидев, что он жив, втроем
Отправились в питейный дом
Отведать доброго вина.
Кому ж тесьма пойти должна?
Хозяева и подмастерья,
Спрошу об этом вас теперь я.

КУПЕЛЬ ЮНОСТИ

Мне как-то сон мудреный снился:
У кладезя я очутился.
Из мраморных он сложен плит,
Из желобов златых налит
Водой горячей и студеной,
Людьми премного восхваленной.
То чудодейная вода:
У тех, кого томят года,
Кто сорок лет, как поседел,
Коль час в купели он сидел,
Так снова молодели разом
И дух, и телеса, и разум.
У кладезя не счесть толпы:
Монахи, рыцари, попы,
Ремесленники, горожане
И даже челядь и крестьяне,
Протискиваясь еле-еле,
Всем скопом двигались к купели.
А на дорогах от народу
Ну прямо-таки нет проходу!
Из ближних и из дальних стран
Набрался целый караван
Телег, носилок и саней.
Каких тут не было людей!
На костылях иные шли,
Кого и на горбу несли,
Ну, а иные в скорби слезной
На тачке ехали навозной.
Скопилась уйма старцев разных —
Чудных, в морщинах безобразных:
Кто лыс, кто вовсе без волос,

Их одолели тряс и чес,
Подслеповаты, глуховаты,
Беспамятны, придурковаты,
Всяк шамкает, в дугу согнут...
И уж такое было тут
Кряхтенье, харканье, сморканье,
И оханье, и въздыханье,
Что в пору вспомнить скорбный дом
Приставленных при деле том
Двенадцать банных мужиков
В купель сводили стариков.
Омоложились старики
И вскорости, душой легки,
Выскакивали из воды,
Резвы, румяны, молоды.
В них обновлялись ум и сила,
Ну словно им по двадцать было.
И не минет один черед,
Как уж другой к купели прет.
«Ей-ей! — подумал я во сне. —
Ведь шестьдесят два года мне,
Пошли на убыль слух и зренье.
К чему бы, право, промедленье?
Тебе не худо было б тоже
Отпариться от старой кожи».
И мне почудилось тотчас,
Что, догола разоблачась
И париться скорей изладясь,
Я было опустился в кладезь.
Да тут, глядишь, и сон долой.
Захотел я над собой,
Помысля: «Ладно мне и гоже
Весь век таскаться в прежней коже.
Ведь зелья нет такой породы,
Чтоб Гансу Саксу сбавить годы».

ПОНОМАРЬ И ЦАПЛЯ

Про хитрость ведали и встарь:
Убил раз цаплю пономарь,
Снес женушке ее тотчас
И строгий отдает наказ —

Зажарить к ужину тайком:
Придет священник вечерком.
Не долго думала жена:
На вертел дичь водружена,
И вкусный запах, как назло,
Вмиг облетает все село.
Соседке невтерпеж узнать,
Что дух тот может означать.
Вбегает: «Цапля! Вот так раз!
Отведем ее сейчас!»
А пономарша тетке: «Нет!
Как мужу мне держать ответ?»
«А! Что-нибудь ему сбрехни!»
И вот уж за столом они —
Вдвоем на кухне — для порядка
Съедают цаплю без остатка,
С вечерни пономарь домой
Ведет священника с собой
И женушке кричит: «Встречай!
На стол скорее накрывай!»
«А что нести мне, муженек?»
«Да цаплю! Разве невдомек?»
«Какую цаплю? Вот те на!
Тебе привиделась она!»
Муж со стыда сгореть готов —
От злости не хватает слов;
Уводит гостя он в кабак,
Честя супругу так и сяк.
Хозяйка же хитра, ей-ей,
Бежит к соседушке своей
И говорит: «Беда! Ахти!
Теперь мне шкуры не спасти!»
Та утешает: «Я, любя,
Стерпеть готова за тебя:
Уж коли надо отвечать,
Я лягу на твою кровать».
Случилось все по уговору:
Приходит муж в ночную пору
И, проучить желая женку,
Хватает за косы бабенку.
Как та ни билась, ни визжала,
А тумачков снесла немало.
Наутро пономарь встает —
Жена за прялкою поет.

Он ей: «Ну, как? Досталось цапли?»
«Да не попало мне ни капли!»
«Я ж глаз тебе подбил, сдается?»
Жена ни в чем не признается:
Гляди хоть сзади, хоть с боков —
Нигде не видно синяков.
Тут пономарь и впрямь решил,
Что цапли он не приносил,
И говорит: «Прости, жена!
Ты и правдива и скромна».

Поддастся хитрой бабе так
Не раз доверчивый простак.
Глядите в оба наперед! —
Совет мужьям Ганс Сакс дает.

ТРИ СМЕРТИ,
ВЫЗЫВАЮЩИЕ РАДОСТЬ

Я назову три смерти кряду,
Которым все бывают рады;
Но в каждой смерти в свой черед
Бывает скверный оборот,
Когда готов рыдать в печали
Тот, кто был смерти рад вначале.

Весьма отрадна смерть попа.
Лишь умер он, друзей толпа
Спешит прибрать к рукам деньжата.
Вот веселится их душа-то!
И каждый тянет часть свою,
Будь поп в аду или в раю.
Но может ждать их огорченье:
Поп расточил свое именье
На лошадей, вино, борзых
Да на красоток молодых,
Что обобрали все до нитки
И унесли его пожитки;
Одни долги оставил плут,
Куда уж радоваться тут.

Отраднa смeрть жeны ревнивoй,
Старухи злoбнoй и свaрливoй,
Чтo пилит мужa дeнь и нoчь,
Тaк чтo и житъ eму нeвмoчь,
Кaк пeс цeпнoй, рычит и лaeт,
Тo тaк, тo этaк дoнимaeт.
Нo чуть oнa прoтянeт нoги,
Зaбыты бeды и трeвoги;
От вeдьмы тoщeй нaкoнeц
Oсвoбoдившиcя, вдoвeц
Бeрeт ceбe мoлoдкy в тeлe
И вeсeлитcя c нeй в пocтeли.
Нo eсли старaя тaйкoм
Cвoe дoбрo вce цeликoм
Друзьям oткaжeт в зaвeщaньe
И тe c угрoзaми и брaнью
Дoм oчищaют, рoвнo тaти,
Вeсeльe тут coвceм нeкcтaти;
Тoгдa вдoвeц, кляня cудьбу,
Чecтит пoкoйницy в грoбу.

А в-трeтьих, рaдуeт ceмьeю,
Кoгдa рeшaт кoлoть cвинью:
Хoзяин, слуги, дoмoчaдцы
Вoкруг, дoвoльнeыe, тoлпятcя,
Coбaки тoжe тут кaк тут
Cтoят и трeбушинy ждут.
Хoзяин cвoeму coceду
Шлeт cвeжeй кoлбacы к oбeду,
Зoвeт друзeй, и вceм им в миски
Клaдeт кoлбacы и cocиcки,
И рeжeт oт oкoрoкoв
Нeмaлo лaкoмыx кускoв.
Нo тoт хoзяин гoрькo тужит,
Кoгдa глицты oн oбнaружит
В cвиньe. Тeпeрь дoмaшним пocт,
Прoпaли дeньги — пcy пoд хвocт;
Хoзяинy oднa крyчинa:
Зa пoлцeны идeт cвининa,
А вмecтo кoлбacы вecь гoд
Жeнa гoрoх eму дaeт.

СПОР ЭЙЛЕНШПИГЕЛЯ С ЕПИСКОПОМ
ОБ ИЗГОТОВЛЕНИИ ОЧКОВ

В один из дней зимы студеной
Тиль Эйленшпигель, плут прожженный,
Оборванный и без гроша,
Шел через поле не спеша,
Как вдруг заметил в отдаленье
Возков и всадников движенье.
То ехал с челядью своей
Епископ в Вормс на съезд князей.
Они, собрав рейхстаг, хотели
Потолковать об общем деле,
О том, как прекратить раздор,
Империи с недавних пор
Междоусобьем угрожавший.

Тиль встретил поезд подъезжавший,
Епископский возок нагнал
И, кланяясь, шапчонку снял.
Сообразил прелат почтенный,
Что перед ним шутник отменный,
И думает: «Твердили мне,
Что быть правдивыми вполне
Дано лишь дуракам да детям.
Поговорю-ка с парнем этим
И все, что думает мужик
О нас, князьях, узнаю вмиг».
И молвит: «Друг, идешь куда ты?
Ведь на тебе одни заплаты!
В мороз тебе гулять не след».
А Тиль епископу в ответ:
«Я выбрал ремесло такое,
Что с ним не видеть мне покоя
Три года обхожу Рейнланд,
Пфальц, Нидерланды и Брабант,
Края Богемский и Саксонский,
Венгерский, Швабский и Франконский,
Работы не найду нигде
И вечно мыкаюсь в нужде,
Затем что нынче спроса мало
На ремесло такое стало».

На ремесло такое стало». Вопрос епископ задает,
Каким он ремеслом живет
И почему оно в забвенье.
А Тиль ему: «Изготовленье
Очков — вот то, чем я кормлюсь.
Из-за того я и томлюсь
В напрасных поисках работы».
Прелат в ответ с улыбкой: «Что ты!
Не может быть! Казалось мне,
Что спрос на них возрос втрое
И что в ходу среди народа
Изделия такого рода.
Ведь знаем мы, что человек
Стал плотью хил в наш чахлый век
И зреньем ослабел намного.
Ему во всем нужна подмога,
Которою для наших глаз
Очки являются подчас.
К тому же есть в очках нужда нам,
Поскольку суетным мирянам
Теперь взбрело на ум читать
И доктором всяк хочет стать,
И хочет толковать Писанье,
И с духовенством в пререканья
Вступать. А потому оно
Читать поболее должно.
Ведь встарь по диспутам таскаться
И с клириками в спор пускаться
Еще мирянин не привык,
А те не брали в руки книг
И чтение почитали вздором.
Вот две причины, по которым
Твое, приятель, ремесло
Сейчас везде в расцвет пришло.
Но ты ленив, как мне сдается,
И любишь шлаться, где придется,
А значит, сам виной всему».
«Нет! — отвечает Тиль ему. —
И ваша честь увидит вскоре,
Насколько прав я в нашем споре.
Как ремеслу прийти в расцвет,
Когда в живых почти что нет
Тех пастырей благочестивых,

Смиренномудрых, незлобивых,
Которые, презрев себя
И только ближних возлюбя,
Писание читали много
И ересь пресекали строго.
Они теперь на небесах,
Где им уж нет нужды в очах.
А те служители господни,
Кто стар, но жив еще сегодня,
Священствуют столь долгий срок,
Что выучили назубок
Свои обедни и молебны.
Очки им также не потребны.
К тому ж в монастырях святых
Есть тьма монахов молодых,
Бегущих в мир, чтоб вместе с нами
Хлеб зарабатывать руками.
В очках нет надобности им.
Пропал я с ремеслом моим!
К тому ж весь сонм князей немецких,
Духовных, а равно и светских,
Очков не носит в наши дни».
Епископ Тилью: «Объясни,
В чем этому причина, сыне».
А Тиль в ответ: «Угодно ныне
На все сквозь пальцы им взирать».
Ему епископ: «Полно врать!
Ведь у князей толпа придворных,
Слуг и чиновников проворных,
И все на плутни мастаки.
Итак, князьям нужны очки,
Чтоб, обладая острым взглядом,
Давать острастку казнокрадам.
Как видишь, ложен твой ответ!»
Тиль молвит: «Ваша милость, нет!
Сейчас, когда в краях имперских
Не перечесть насилий зверских
И правосудие давно
К молчанию приведено
Своекорыстием бесчестным
И произволом повсеместным,
Чья тяжесть падает всегда
На горожан и города,
Князьям пора бы спохватиться,

На беспорядок ополчиться,
Смутьянов в разум привести
И тем империю спасти.
Так нет! Князьям и горя мало!
Смотря на все сквозь пальцы вяло
И разучась очки носить,
Они не могут сохранить
Те остроту и ясность зренья,
С которыми свои владенья
Князья в былые дни блюли,
Когда с дорог своей земли
Глаз неусыпных не спускали,
Все безобразья замечали
И в корне пресекали зло,
А ремесло мое цело,
Поскольку покупались всеми
Очки усиленно в то время.
Зато теперь я наг и сир:
Ни люди светские, ни клир
Очков не покупают боле,
И стал я нищим поневоле».

Смеясь, ему сказал прелат:
«Поедем в Вормс со мною, брат!
Ты будешь у меня кормиться,
Пока рейхстаг имперский длится.
На нем придут, надеюсь я,
К таким решениям князья,
Что вновь империя воспрянет
И промысел твой всюду станет
Тебе давать доход большой».
Затем, возвеселясь душой,
Епископ снова в путь пустился
И в размышленья погрузился.
Он думал: «Коль узнал народ,
Как много мы пускаем в ход
Уловов тайных и разбойных,
Хоть с виду честных и пристойных,
То быть немедленно должна
Страна князьями спасена
От беззаконий, смут и страха,
Не то не избежать ей краха».
И внять скорей таким словам
Ганс Сакс желает ныне вам.

СЕТОВАНИЯ ТРЕХ ХОЗЯЕК
НА СВОИХ СЛУЖАНОК

В мои мальчишеские лета,
Давным-давно, я слышал это,
Но помнится мне и сегодня,
Как в праздник сретенья господня,
С утра у колокольной стоя,
Хозяек горевало трое,
Что со служанками — беда!
Одна и разошлась тогда:
«Колода у меня, не девка!
Неряха! Суцая издевка!
Дремать над прялкой норовит,
У печки, словно кошка, спит,
Работа ей на ум нейдет,
Да уж зато в три горла жрет!
На днях нагадила в котел.
А посади ее за стол,
Так за обедом ловит блох,
Да по две сразу, видит бог!
Растрепа! Истинный вахлак!
И делает все кое-как.
А поглядеть ей на ручищи —
Заслонка, так и та почище.
Горшков не моет по неделе,
Из них как будто свиньи ели,
Посуду знай мне бьет да бьет.
Браню, да что-то в прок нейдет.
Не будет больше ей потачки:
Сегодня ж дам расчет байбачке!»
Тогда промолвила другая:
«Беда! И у меня такая!
Я про нее порасскажу!
Уж я бужу ее, бужу!
Сама и воду я таскаю
И в рукомойник наливаю.
Начнет мести, так пыли, сору
Наоставляет прямо гору.
С похлебки накипь не снимает,
Горох у ней затвердевает,
Все пережжет и пережарит,
Недосолит и недоварит,

А постирает, так, ей-ей,
Серым-серо белье у ней.
Уж так ленива и лукава!
Осел — и тот проворней, право!
Постель работникам не стелет,
А мне в ответ бог весть что мелет.
Как выйдет по воду во двор,
Так из избы выносит сор.
С три короба притом наврет,
Все новости домой несет.
С соседями — лишь перебранка.
Ох, и хитра ж моя служанка!
Ведь так, злодейка, отопрется,
Что хоть и врет, да не проврется.
Поддам под задницу я ей
Так, чтоб летела до дверей! »
Тогда второй сказала третья:
«Не стану и свою жалеть я.
Она уже не первый год
Кудель дерет, а не прядет,
Смотать не может толком ниток!
Не пряжа, а один убыток!
Навар с похлебки враз слизнет,
А что послаще — тоже в рот.
Найдет вино — пиши пропало!
Все тащит — яйца, масло, сало!
Еще повадка есть у ней
На пляс заманивать парней.
Парнишкам, так и тем дает!
Сегодня ж будет ей расчет! »
Так поносили без утайки
Своих служанок три хозяйки.
Не знаю, правду ль говорили
Хозяйки, но у них служили
Те девки снова целый год.
Так поневоле в ум придет,
Что дело не было так скверно.
Ведь поговорка судит верно:
Хозяйка рада спозаранку
Пенять при людях на служанку,
А та пеняет в свой черед.
Уж издавна такой завод
И по-за речкой и у нас.
На том Ганс Сакс кончает сказ.

КОРОТКАЯ БЕСЕДА О ПЬЯНСТВЕ —
ВРЕДНЕЙШЕМ ПОРОКЕ

Гуляя вечером погожим,
Я встретился с одним прохожим,
Который был весьма хмелен;
Горланил и ругался он
На радость малым ребятишкам:
Сбежалось их десяток с лишком
Глазеть, как он бредет, мыча
И плащ по грязи волоча.
Вдруг вижу я, что этот пьяный —
Мой подмастерье, в деле рьяный,
И скромник, судя по всему.
Хотел я взбучку дать ему
И разбранил бы на все корки,
Да вспомнил тут о поговорке:
«И воз пьянчужку обогнет...»
Решил я: «Пусть себе бредет,
А утром с ним я потолкую».
Назавтра речь повел такую
Я с подмастерьем: «Слушай, друг,
На что ты тратишь свой досуг?
Вчера, вечернею порою,
Ты напился свинья свиньею.
Взглянув на твой ужасный вид,
Я испытал глубокий стыд.
Скажи, — мне, право, непонятно, —
Ужели может быть приятно
Питьем наполнить свой живот
И, словно неразумный скот,
Мычать пред всем честным народом?»
«Не мог же я прослыть уродом, —
Потупясь, он мне возразил. —
Вчера я на пирушке был,
Нас угощал один приятель.
Судите сами, было б кстати ль
Там отказаться от вина?
А коли пить, так пить до дна!»
Сказал я: «Друг ли тот, кто просит
Тебя с ним пить и тем наносит
Рассудку твоему урон
И чести?» — «Разве, — молвил он, —
И честь от выпивки страдает?»

«Да, тот, кто брюхо наполняет
Вином, — сказал я, — без руля
Несется, вроде корабля,
Лишившегося управления,
Теряет вовсе разуменье,
Слепою силою влеком,
Себя пред всеми дураком
Выказывает, и друг другу
Все кажут пальцем на пьянчугу.
Уж тут не честь, а стыд и срам!»
«Теперь я понимаю сам,
Что это так, но бог с ней, с честью!
Раз не успел пропить-проесть я
Свое добро, беды в том нет,
Что пью я», — он сказал в ответ.
«И все-таки недостаток тает:
Его не только тот мотает,
Кто денежки в шинок несет,
Но также тот, кто даром пьет.
В шинке и он сидит до рвоты,
Отлынивает от работы,
Избрав бездельника удел,
И остается не у дел.
Коль в голове твоей затменье,
Тебя не минет разоренье,
И бедность, жизнь твою губя,
Когтями вцепится в тебя.
Кто пьет, разбогатеть не может».
Он молвил: «Был бы день лишь прожит,
И ладно. Я ведь небогат.
По мне, здоровье — лучший клад.
А я здоров и в состоянье
Добыть семейству пропитанье».
«Пусть так, не стану спорить я.
Но от обильного питья
Бывает множество болезней.
Не пить, дружок, куда полезней
Для сердца, легких и кишок;
Вино людей сбивает с ног.
Бывает и похуже случай:
Не долго заболеть падучей
Или чахотку подцепить.
Дружок, который учит пить
Дружка, вредит его здоровью!»

Конец, я думал, прекословью,
Но он ответил: «Нет, нельзя,
Когда тебя поят друзья,
Отказом вызывать укоры».
«С пьянчугами боишься ссоры,
А бога не боишься, нет,
Хотя он наложил запрет
На пьянство, ибо всякий пьющий
Вредит себе, и даже пуще:
Творит недобрые дела!
Вино всегда источник зла:
Ведь пьяница на то решится,
Что трезвому и не приснится.
Побойся бога, милый друг,
Беги от общества пьянчуг!»
«Мне жить тогда в пустыне надо, —
Сказал он. — Ведь вино — отрада
И богачей и бедняков.
Обычай у людей таков,
И выпивка в чести повсюду;
Так что ж, я всем перечить буду?»
«Разумный счастлив не вином:
Он ищет радостей в ином.
Не видит в том себе почета,
Что кружкой чокнется с ним кто-то.
Сдается мне, что сам ты рад,
Когда тебя вином поят».
Он молвил: «Ни при чем тут радость:
Потом во рту такая гадость
И мучат рези в животе...
Да как откажешь? Живо те,
Кто угощал, тебя ославят,
Стыдиться пред людьми заставят...»
«Позор, мой друг, ты видишь в том,
Что не захочешь быть скотом, —
Сказал я. — В этом нет позора,
И не грозит с друзьями ссора,
Когда ты ловко и умно
На приглашенье пить вино
Ответишь вежливым отказом».
Он молвил, не моргнувши глазом:
«А я со всяким пить готов».
«Тогда не стоит тратить слов, —
На это возразил ему я. —

И если ты, беды не чуя,
Намерен пьянствовать и впредь,
Тебя лишь можно пожалеть.
Не впрок тебе увещеванья,
Но неизбежно наказанье:
Узнаешь с некоторых пор
Болезни, бедность и позор!
Тогда, пей воду ли, вино ли,
В желудке вечно будут боли,
А в голове сумбур и шум.
Тогда ты схватишься за ум,
Поймешь, что поведением глупым
Себя ты сделал полутрупом,
Что молодость растратил зря,
Обогащая шинкаря,
Что сам ты бед своих виновник...
Захочешь запереть коровник,
А уж коровы-то в нем нет!
Даю тебе благой совет:
Одумайся, пока есть время!
Трудись и не якшайся с теми,
Кто к пьянству любит подстрекать.
Лишь перестав вино лакать,
Ты избежишь удела злого, —
Запомни Ганса Сакса слово».

БЕДНЫЙ БАШМАЧНИК
И БОГАТЫЙ ЖАДНЫЙ БЮРГЕР

Жил бюргер в Любеке когда-то —
Купец скупой и пребогатый,
С людей кругом три шкуры драл.
Под ним, в подвале, проживал
Башмачник, старый человек,
В нужде проведенный весь свой век.
Но хоть детишек полон дом,
Он, всех кормя своим трудом,
И дни и ночи напролет,
Бывало, весело поет,
Так беззаботно, будто он
Имеет целый миллион.

Дивится богатея — и вот
Он в гости бедняка зовет,
За стол сажает — ешь да пей! —
И просит рассказать скорей,
Как может веселиться тот,
Коль нищета его гнетет,
Когда он, день-деньской в труде,
Поет, не помня о нужде.
Бедняк в ответ: «Почто тужить?
Бог дал работу — можно жить!
Кормлю себя со всей семьей,
Хоть и трудненька жизнь порой.
По вкусу нам похлебка с кашей,
Коль поработаешь ты с наше,
Тут и печаль нейдет к тебе,
И благодарен ты судьбе.
А я всегда бывал доволен
Тем, что господь послать мне волен;
Ему хвалу я воздаю
И песни весело пою!»
Богатого смутил ответ:
Любовью к ближнему согрет,
Велит он от щедрот своих
Дать старцу сотню золотых,
Чтоб жизнь тому была легка —
Вот счастье-то для бедняка!
Благодарит за деньги эти,
Радехоньки жена и дети!
Но тут башмачник стал тужить,
Куда те деньги приложить,
Чтоб мимо рук они не шли
И чтоб доходы принесли.
Всю ночь до восхода солнца
Спать не дают ему червонцы:
Несет богатство старику
Одну заботу и тоску,
И песни не идут на ум.
Прошло дней семь. Устав от дум,
Кладет червонцы он в мешок,
Да и к соседу на порог.
«Возьми их, — говорит, — назад:
Им что-то я не больно рад!
Без них мне было веселей
При горькой бедности моей.

Богатство, видно, тяжело —
Одно мученье принесло.
Работать я еще горазд —
Жив буду тем, что бог подаст,
Зато спокойней будет мне! »
Ганс Сакс согласен с ним вполне.

СВЯТОЙ ПЕТР И КОЗА

Когда Христос меж смертных жил,
Повсюду с ним и Петр ходил.
В село Христос однажды шел,
А Петр такую речь повел:
«Ах, господи, владыко мой,
Дивит меня нрав кроткий твой.
Ты вседержитель, а грехам
Ты попустительствуешь сам,
И злу все не выходит срок,
Как древле Аввакум изрек.
Везде безбожник зло творит,
Везде насилие царит,
Везде гоненье, поношенье
Слуг правой веры и смиренья.
Ты, боже, распустил людей!
Как рыбы хищные морей,
Друг друга все они глотают,
И злые всюду побеждают;
Всем людям тяжко — видишь сам:
И богачам, и беднякам.
А ты молчишь, тебя, наверно,
Не возмущает эта скверна!
Не след тебе спокойным быть.
Ты мог бы зло искоренить,
Когда б мудрее миром правил.
Эх, кабы ты меня поставил
Быть богом хоть один годок
И властью полною облек,
Уж я бы властвовал толково:
Всех рассудил бы я сурово.
Лихву, войну, обман, разбой
Вот этой самою рукой

Я б на земле искоренил! »
«Скажи мне, Петр, — господь спросил, —
Ты, значит, сможешь лучше править,
Сумеешь всех и вся исправить,
Убогих сможешь защитить,
А злых смирить и проучить?»
Ответствовал апостол сразу:
«Да, зла проклятую заразу
И непорядок извести
Давно пора, чтоб мир спасти.
Уж я-то правил бы поостроже! »
Господь сказал ему: «Ну что же!
Аминь! Бери-ка от меня
Власть божию с сего же дня
И правь людьми, как знаешь сам:
Будь добр и кроток, строг и прям;
Благословляя, проклиная,
Грозу и ведро насылая,
Суди, казни и награждай,
Щади, гони и защищай.
Бери же с нынешнего дня
Бразды правленья от меня! »
Так произнес господь благой,
Петру вручая посох свой.
Понятно, Петр доволен был
И мудро властвовать решил.
Тут подошла к нему, хромая,
Крестьянка тощая, больная,
В лохмотьях грязных, босиком;
Она гнала козу прутом.
Сказала женщина, вздыхая:
«Иди, коза моя родная!
Господь храни и защити
Тебя в лесу и на пути
И от волков и от ненастья!
Не отведу сама напасть я:
Мне на поденщину идти,
Чтобы детишкам принести
Поесть сегодня, ну а ты
Иди, пасись до темноты!
Храни тебя творца десница! »
Затем отправилась вдовица
В село, коза — своим путем,
А бог заговорил с Петром:

«Ты внял ли, Петр, словам убогой,
Просившей помощи у бога?
А как ты сам сегодня бог,
Так ты бы сей вдове помог.
Она ведь об одном просила,
Чтоб сберегла господня сила
Ее козу от бед и зла:
Чтоб в лес далеко не ушла,
Чтоб вору в руки не попалась,
Медведю, волку не досталась
И мирно вечером домой
Пришла дорогою прямой.
Внемли молению убогой
И будь сегодня ей подмогой!»
Внял божьей речи Петр, и вот
Козу он бережно пасет.
На луг ее он выгоняет,
Но незадача ожидает
Петра: коза упряма, зла,
Носиться глупая пошла,
То вскочит вдруг на холмик ловко,
То прыгнет с холмика плутовка,
То к лесу ринется густому,
Ну и досталось же святому!
Пришлось и бегать и кричать,
А солнце стало припекать.
Апостол потом обливался,
Едва дышал, а все гонялся
До самой ночи за козой,
Пока привел ее домой.
Святой уж выбился из сил,
А бог, смеясь, его спросил:
«Что, Петр, и доле хочешь ты
Держать правления бразды?»
А Петр ответил: «Боже мой!
Бери обратно посох свой!
В твои дела теперь соваться
Зарекся я; готов сознаться,
Что, проработав день-деньской,
Едва управился с козой.
А как устал! Невзвидел свету!
Прости мне, боже, дурость эту!
Судить дела твои, поверь,
Вовек не стану я теперь!»

Господь ответил: «Ну так вот,
Живи-ка лучше без забот,
Спокойно, мирно, в тишине,
А власть оставь навеки мне!»

САТАНА НЕ ПУСКАЕТ
ЛАНДСКНЕХТОВ В АД

Раз Люцифер — князь адских сил,
Как только вечер наступил,
В преисподней бесов созвал
И так подручным своим сказал:
«На земле — к нам молва проникла —
Племя лютых вояк возникло,
Ландскнехтами их кличет люд.
Пусть нескольких мне приведут,
Чтоб мог на них я поглядеть!
Говорят, им не любо говеть,
Зато пьяны они всегда,
Кутеж им в радость и гульба.
На молитвы не тратя сил,
Они меж игроков и кутил
Божбой и дракой тешат друг друга,
Милостыню подают они туго,
Взять сами вечно норовят,
Жрут часто скверно да жестко спят;
Зато всегда готовы служить
Тому, кто вздумает им платить,
А прав их вождь иль, может, не прав,
Им дела нет, таков их нрав.
Ну, Вельзевул, собирайся в путь,
Проворным и ловким в деле будь;
Лети на землю, прямо в трактир,
В котором ландскнехты справляют пир,
Там неприметно для гостей
За печкой спрятаться сумей,
Будь зорок, не вертись без цели.
Когда ж на каком-нибудь слове иль деле
Ландскнехта изловишь по праву,
В ад тащи его чертям на расправу.
А притащишь их штук пять или шесть,
Окажу я тебе, бесу, большую честь:

Сделаю я тебя князем, окружу почтеньем,
Буду давать лишь благородные порученья».
Тут Вельзевул — косматый пострел —
Плащ-невидимку быстро надел,
Взвился — и прямым путем в трактир,
В котором ландскнехты справляли пир,
Бражничали шумной оравой.
Присел за печку бес лукавый,
И слышит он солдатские речи
Про вражьи станы, стычки, сечи.
Про то, как каждый, сбиваясь с ног,
Без времени грабил, буянил и жег;
И так был страшен каждый рассказ,
Что шерсть на бесе вся поднялась.
Решил он тайком бежать из трактира,
Да, зорче приглядевшись к пиру,
Приметил он, как за столом
Ландскнехты лихо угощались вином;
Всяк за стаканом стакан вздымал
И разом, не мешкая, выпивал.
Тут бес решил в кого-нибудь
Неприметно для всех юркнуть
С вином, что дружно пили солдаты,
Да просчитался бес хвостатый.
Если кто кого начинал угощать,
«С тобой господня благодать!» —
В ответ ему орал пьянчуга;
Благословляя так друг друга,
Все преграждали бесу путь.
Он ни в кого не сумел нырнуть.
Весь вечер даром бес провел,
В углу простоял он, как осел.
Случись, в трактире воин был,
Он где-то петуха добыл,
Зарезал да на печь повесил.
Вот в поздний час и молвит, весел,
Ландскнехт: «Хозяин, друг хороший!
Слазай за печку, там найдешь ты
Бесенка, лишь в углу пошарь;
Его ты оципи, зажарь,
Уж мы сумеем сожрать жаркое!»
При этом указал рукою
На петуха и подмигнул.
Когда же хозяин к печке шагнул,

А там и в угол за петухом полез,
Света невзвидел бедный бес,
Решил, что хотят его поймать,
Ободрать, изжарить и растерзать.
В страхе вышиб он изразец печной,
Метнулся в устье, сам не свой,
И прибыл, спасению рад,
С диким шумом обратно в ад,
И ну стучать что было сил.
Когда ж привратник его впустил,
Люцифер спросил его: «Как! Ты один?»
Вельзевул отвечал: «Да, господин!
Не чаял я, что возвращусь так скоро,
Но это такая лютая свора!
Благочестивыми ландскнехтов зовут,
Напрасно только люди врут!
Готов поклясться, что вояки эти
Всех лютее на белом свете.
Одежда — и та у них выглядит дико,
Вся искромсана, изрезана лихо,
Ляжки у одних совсем не прикрыты
Зато у других штаны так сшиты,
Что мешками до пят свисают,
Уж не знаю, как в них ландскнехты шагают.
На лицах шрамы, борода щетиной,
Взгляд у них самый неукротимый.
Короче, вид у ландскнехтов таков,
Какими нас малюют спокон веков.
В кости играли они меж собой,
Вдруг крик поднялся, гам и вой,
Полезли в драку, топочут, орут,
Друг друга в рыло и брюхо бьют,
При этом так сквернословят поганю,
Словно турки они или басурманы.
И тут уж сразу увидел я,
Что ландскнехты куда лютей меня,
Напасть на злодеев я не решился,
Постоял да вскоре и возвратился».
Сказал Люцифер: «Напрасно, брат,
Хотя бы одного приволок ты в ад,
Мы бы живо молодчика обуздали!»
На это молвил бес: «Едва ли!
И разве не ясно я сказал,
Почему открыто на них не напал?»

Надумал хитрость пустить я в ход, —
Залезть неприметно ландскнехту в рот,
Когда вином он угощался.
Но и этот план мне не удался.
Лишь только соседу ландскнехт подливал,
Тот в ответ ему: «Братец! — кричал, —
С тобой господне благословенье!»
Так целый вечер без промедленья
Ландскнехт ландскнехта благословлял,
А я в углу как болван стоял.
И вдруг эта свора буйных рубак
Обо мне проведала, уж не знаю как;
И молвил хозяину один злодей:
«Хозяин, за печку пройди поскорей,
Схвати там беса, что с адом дружен,
Ощипи его и зажарь нам на ужин».
Хозяин пошел приказ исполнять,
А я из трактира поспешил удрать,
Не то б они меня поймали,
Свернули мне шею, ощипали,
Изжарили и сожрали б без дальних слов;
И вот я присягнуть готов,
Что ждем мы ландскнехтов себе на беду,
Все дыбом поставят они в аду;
Они надменны, своенравны, злы,
Драчливы, горласты, как ослы,
Посему мой совет (прошу взять в толк!) —
В покое оставить ландскнехтов полк:
Не пойдет нам этот товарец впрок,
Согнут они нас в бараний рог,
Ад взбудоражат до самого дна».
И молвил на это Сатана:
«Мой Вельзевул, коль все это так,
То, чтобы нам не попасть впросак,
Навек о ландскнехтах забудем,
Зато хватать, как прежде, будем
Разбойников, пьяниц и блудодеев,
Воров, ростовщиков-злодеев,
Игроков, убийц и юристов;
Чтоб стало по всей земле чисто
От всяческой нечисти: блудниц,
Лживых монахов и черниц,
Вредного люда разных стран —
Презревших веру христиан,

Не чтущих правду божьих слов,
Язычников, еретиков
И тех, кто гневом и злобой палим, —
Всем по грехам их воздадим».
И чтобы беда не постигла нас
От ландскнехтов, желает Ганс Сакс.

ЗАКЛИНАНИЕ ВЕДЬМ

Жил в Лангенау небогато
Крестьянин-шваб Клас От когда-то,
И так он суеверен был,
Что старых ведьм во всем винил,
Когда несчастье с ним случилось —
Ну, скажем, лошадь засекалась
Иль не давала молока
Корова, прихворнув слегка.
Проникся к ведьмам он враждою
И часто думал, как с лихвою
Им отомстить, да вот беда,
Он ведьм не видел никогда.
Однажды вечером в субботу
Зашел школяр бродячий к Оту,
А школяры не прочь тайком
Потешиться над мужиком.
И вот он начал врать без меры,
Как побывал в горе Венеры,
Как чернокнижье изучал,
Клас небылицам веру дал.
И школяру поведал с жаром,
Что мстить желает ведьмам старым
За весь творимый ими вред.
Тогда школяр сказал в ответ:
«Тебе согласен преподать я,
Как другу, тайные заклатья,
Чтоб силой наговорных слов
Всех ведьм к тебе собрал твой зов
И ты их лица заметишь».
Крестьянин школяру ответил:
«Я гульден заплачу тебе,
Лишь обучи меня волшбе».
«Изволь, — сказал школяр лукаво, —
Но чародейство — не забава.

Коль кончится волшба бедой,
Ты будешь сам тому виной:
Водиться с ведьмами опасно!»
Тут молвил Клас: «Не трусь напрасно!
Учи и даром слов не трать».
Школяр в ответ: «Ты должен взять
С собою лишь двоих, не боле.
Пойдешь ты к лесу через поле,
К развилке трех дорог придешь
И старый дуб на ней найдешь.
И там у самых нижних веток,
Достав мечи, вы кругом этак
Саженой в тридцать ширины,
Дуб тотчас обвести должны.
Затем большой костер зажгите,
Его три раза обегите
И сердце телки молодой,
На днях заколотой тобой,
В огонь швырните без заминки,
Сказав три раза без запинки:
«Вените вы, нечистибус,
С дубинами к нам стультибус,
Вы семпер с нами спентибус
Суб капите эт лентибус».
Едва лишь прозвучит волшба,
По кругу с воем ведьм гурьба,
Из леса выскочив, помчится,
А вы запоминайте лица
И, чтоб несчастья избежать,
Творите заговор опять.
Но если вы, — напомним снова, —
В нем переверете хоть полслова,
Нечистый забросает враз
Горячими углями вас,
А стая ведьм, беснуясь рядом,
На вас накличет бурю с градом.
Тогда вас вгонит в пот испуг,
Но вы не покидайте круг:
Кто ступит за черту ногою,
Погибнет тут же смертью злою...
Смотри, мой долг предупредить,
А ты уж сам решай, как быть».
Мужик в ответ: «Когда случалось
С соседями подраться малость,

Троих бивал я без труда,
А ведьмы-то слабей куда.
Скажи-ка лучше, слов не тратя,
Когда же нам свершить заклятье».
«Сегодня в полночь, — рек школяр, —
Наступит час свершенья чар».
Обрадовался Клас немало,
А гость, обдумав для начала,
Как подтрунить над дураком,
Пошел в деревню вечерком,
Стакнулся с девятью парнями,
Таковыми же озорниками,
Им все, что нужно, объяснил,
Старухами их нарядил,
И в платьях ведьм повел повеса
Их за собой к опушке леса,
Где каждый спрятался, срубя
По три дубинки для себя.
Школяр же вышел осторожно
К тройной развилине дорожной,
Вскарабкался на дуб густой,
Жаровню с углем взяв с собой,
И в ожиданье погрузился.
В полночный час Клас От явился,
Двоих соседей прихватив.
Мечи достав и очертив
Дуб кругом тридцатисаженным,
Глушцы с усердием отменным
В середку сучьев нанесли,
Огонь поярче развели,
Его три раза обежали,
Как должно, сердце телки взяли
И бросили его в костер,
Но переврали заговор.
На свет, не медля ни минуты,
Из леса выскочили плуты
И, дуб в кольцо живое взяв,
По кругу понеслись стремглав
С ухватками нечистой силы.
Лопаты, метлы, грабли, вилы,
На дурней нагоняя страх,
Держали шутники в руках.
Их шайка выла и свистала.
Тут месяц засиял, и стало

От их ужимок и прыжков
Темно в глазах у мужиков,
В испуге потерявших разум
И заговор забывших разом.
Язык колѣм в их глотке встал.
Тогда школяр жаровню взял
И опрокинул над глупцами,
А те решили, что углями
Нечистый хочет их прижечь,
Пред тем как в ад навек увлечь.
Как только угли заблистали,
Дубинки ведьмы похватали
И ну швырять их с маху в круг.
Трех дурней в пот вогнал испуг.
Им рая головы и спины,
Так и летели в круг дубины.
Свалились наземь мужики,
Как будто битые горшки,
Не смея выбраться из круга.
Клас От наклал в штаны с испуга.
Когда ж утих дубинный град
И злые ведьмы в лес назад
Удрали тою же дорогой,
Глупцы очухались немного,
Возликовали всей душой
И поплелись к себе домой,
Вздыхая, охая, хромая
И синяки свои считая.

Науку черную кляня,
Молчали мужики три дня.
Они друг другу дали слово,
Что никогда не станут снова
Ни ведѣм, ни бесов заклинать.
Но тут про тайну их узнать
Односельчане ухитрились
И всласть над ними поглумились
По милости девятерых
Плутов, которые о них
Всю правду разболтали вскорѣ,
Трем заклинателям на горе.
Школяр же гульден с мужика
Успел сорвать и дал стречка.

Так ротозеев беспрестанно
И водят за нос шарлатаны,
Которые везде снуют
И чародеями сльвуют,
Хоть их искусство колдовское —
Лишь лицедейство плутовское,
Чинящее немалый вред.
Поэтому дает совет
Гнать колдунов подобных в шею
Ганс Сакс вам повестью своею.

СВЯТОЙ ПЕТР И ЛАНДСКНЕХТЫ

Проя поестъ, из дома в дом
Ландскнехты шли вдвядтером:
То мирные стояли дни...
Итак, к горе пришли они
И добрели до райских врат:
Ландскнехты в рай войти хотят.
Легонько стукнули вначале,
Затем сильнее застучали, —
Апостол Петр на них взглянул
И тотчас к богу повернул:
«Великий боже! У ворот
Собрался оборванцев сброд:
Пускать ли их к нам на порог?»
«Пусть подождут!» — господь изрек...
Меж тем ландскнехты ждаты устали
И недовольно зароптали:
«Эх, гроб господень, божья мать!..»
Стал Петр словам таким внимать,
Решил: их речь благочестива,
Им быть средь праведных — не диво...
Бежит он к богу: «О творец!
Впусти же в рай их наконец,
Ведь набожный народ какой!..»
Но бог в ответ махнул рукой:
«О Петр! Людей не знаешь тех ты,
А мне видать, что то ландскнехты.
Самоуправство их известно,
От них нам в небе станет тесно!»
А Петр опять давай просить:

«Дозволь им райских благ вкусить!..»
«Что ж, — бог сказал, — пускай войдут,
Но если набуянят тут,
Едва ль прогонишь их назад!..»
Святой ключарь ответу рад...
Спешат ландскнехты в рай пробраться:
Вошли — и стали побираться.
А денег понасобирав,
Они и проявили нрав:
Тотчас засели дуться в кости,
А где игра, там шаг до злости,
Прошло всего лишь полчаса —
Раздор меж ними начался:
На драку игроки легки,
Пустили в дело кулаки,
Лупить друг друга стали ловко,
Ох, и пошла тут потасовка!
Спеша покончить с дракой той,
Явился мигом Петр святой:
«Эй! Бросьте драться! Будет худо!
Ах, висельники! Прочь отсюда!»
Ландскнехты в новый бой готовы:
Гурьбой рванулись на святого,
А Петр, ища себе подмогу,
Помчался с жалобами к богу.
Бог утешать его не стал:
«Ведь я тебя предупреждал —
Ландскнехты уж народ такой:
Там, где они, — прощай покой!»
Апостол Петр взмолился: «Боже!
Так дело оставлять негоже:
Прошу тебя скорей помочь
Ландскнехтов дерзких выгнать прочь!
Нельзя пускать — запомню впрок —
Ландскнехтов даже на порог».
Господь сказал: «А ну, тотчас
Ты ангелу отдай приказ:
Пусть за пределами ворот
Их барабаном соберет!»
И Петр пустился на обман.
Ударил ангел в барабан:
Услышав столь знакомый звук,
Ландскнехты всполошились вдруг, —
Их всех привлек призыв на сбор,

А Петр — ворота на запор.
Обратно в райские врата
Теперь дорога заперта,
И, к радости Петра святого,
Ландскнехты не вернутся снова.
Чтоб многим был рассказ сей мил,
Ганс Сакс усердие явил.

ГЛУПЫЙ МЕЛЬНИК
И МОШЕННИКИ

В Саксонии — земле богатой —
Жил как-то мельник простоватый.
В пустынном месте над ручьем
Держал он мельницу. Вдвоем
С женой он тут же в ней ютился,
Усердно день-деньской трудился
И, как соседи говорят,
Скопил порядочно деньжат.
Об этих деньгах разузнала
Орава жуликов — немало
В земле Саксонской их живет,
Все главным образом за счет
Игры нечистой, дутых сделок,
Да тех отчаянных проделок,
Которыми во все века
Мошенник ловит простака.
Они пронюхали в округе,
Что нет у мельника прислуги,
Что батрака не взял он в дом,
А деньги держит под замком.
И вот, чтоб, мельника опутав,
Разбогатеть, тринадцать плутов
Собрались вместе, а из них
Четыре самых продувных
Ночной порой путем знакомым
Пришли на мельницу; за домом
Был погреб — пусть не первый год,
А в нем ни двери, ни ворот.
Они в тот погреб бочку живо
Торгауского вкатили пива.
Затем в полузаглохший пруд

Они на мельницу несут
Десяток карпов здоровенных
И много прочих рыб отменных.
Покончив с этим, в ту же ночь
Мошенники убрались прочь.
А утром вместе в путь пустились.
Двенадцать плутов обрядились
В хитоны длинные до пят
И шли, потупя скромно взгляд,
Босыми шаркая ногами,
И с непокрытыми главами,
Надумавши изображать
Апостолов Христовых рать.
Тринадцатый, в красивом платье,
Руководил всей прочей братьей
И, долговязый, как верста,
Собой изображал Христа.
В таком обличи священном
Они проследовали к стенам
Той мельницы, где жил простак,
И тут главарь их начал так:
«Да будет мир в сем доме вечно!
О мельник! Я, господь предвечный,
В кругу своих учеников,
Под твой явился нынче кров.
Твою хлеб-соль готов отведать;
Неси-ка нам скорей обедать.
И, мной вознагражден стократ,
Ты станешь счастлив и богат».
У мельника мороз по коже,
Едва промямлил он: «О боже,
Где ж взять достойную еду?»
В ответ он слышит: «Вы в пруду
С апостолом Петром могли бы
Вот тем сачком поймать нам рыбы».
Но мельник вскрикнул: «Боже мой,
Ведь пруд-то там совсем пустой,
В нем рыбы нету и в помине,
Да там одни лягушки в тине».
А бог свое: «Иди вперед,
О Петр, и мельник пусть пойдет,
Коль он словам не доверяет».
Вот мельник медленно шагает
К пруду с Петром и видит вдруг:

Сачком апостол карпов двух,
Да и другую рыбу тащит,
Наш мельник лишь глаза таращит.
На рыб, дивясь, он посмотрел,
Жене сготовить их велел,
Накрыл на стол и сам приносит
И хлеб и все, что гости просят.
«А ну-ка, мельник, — бог изрек, —
Сходи за пивом в погребок».
Но мельник усмехнулся криво:
«Я вкус забыл вина и пива,
А погреб — вот уж сорок лет,
Как в нем ни капли пива нет.
Давным-давно там бочки пусты,
Коль не считать моей капусты».
Но бог сказал: «Ты веришь лишь
Тому, что самолично зришь!
Иди же в погреб! Божьей волей
Нацедишь пива нам поболее
И принесешь на стол сюда».
Хозяин выбежал тогда.
Спешит с кувшином к погребочку
И там находит пива бочку.
Лишь тут поверил он всерьез,
Что гость его и впрямь Христос.
Кувшин он быстро наполняет,
По кружкам пиво разливает
И с мельничихою своей
Усердно потчует гостей,
За блюдом подставляя блюдо.
Не всякий день такое чудо!
И рада до смерти чета
Кормить апостолов Христа.
Но вот (чтоб не тянуть нам дале)
Обед закончен, гости встали,
Молитва «Gracias» прошла,
И снята скатерть со стола.
Тут бог сказал: «Теперь ко мне ты
Неси на стол свои монеты!
За то, что ты нас угостил,
Чтоб ты меня и впредь любил,
Сейчас мое благословенье
Утроит их в одно мгновенье».
Тут мельник быстро приволок

Тяжелый кожаный мешок,
Который был червонцев полон,
И перед господом на стол он
Три сотни гульденов кладет
И превращенья денег ждет
С тупою радостью на роже.
Спросил бог мельничиху тоже,
Не хочет ли она свои
Умножить деньги раза в три?
Старушка в радости великой
Сказала богу: «Погоди-ка!»
И, выскочивши из дверей,
Она за мельницу живеи
Торопится, бежит вприпрыжку
И наконец несет кубышку.
Те деньги скоплены с трудом
От мужа старого тайком.
Старушкин клад на стол принес им
Златых монет десятков восемь.
Бог сразу встал из-за стола,
И тут вся братия сочла,
Что время — в путь. Благословенье
Над деньгами одно мгновенье
Господь прочесть было хотел,
Но Петр вдруг нагло подлетел,
Свой плац раскинул воровато,
И бог туда смахнул деньжата.
Затем пустились все бежать —
И бог и вся святая рать.
В светлице, разом опустевшей,
Остался мельник помертвевший,
Как музыкант, что пляски круг
Своей игрой расстроил вдруг.
Тут он с женою закричали:
«Куда ж вы деньги наши взяли?»
Но бог в ответ ему: «Не трись,
Постой, пока я возвращусь!
Я денежки твои устрою!»
И вот стоят в смятенье двое,
Не зная, что им предпринять...
Уж плуты скрылись, не догнать,
А все еще стоят в испуге
Оторопевшие супруги.
Над этою четой потом

Трунили долго всем селом:
Мол, мельник и жена считали,
Что бога в доме принимали,
А это бес их обошел.

Кто эту басенку прочел,
Пушкой тот рот не разевает,
Пусть незнакомца проверяет
И верит лишь своим глазам,
Иначе нищим станет сам.
Давненько в мире так ведется:
Кто прост, тот к гибели несется!
А кто не прост — пушкой скорей
Прогонит от своих дверей
Тех, чья душа черна, как вакса,
Учтя советы Ганса Сакса.

СВЯТОЙ ПЕТР, ГОСПОДЬ
И ЛЕНИВЫЙ БАТРАК

Чудесный слушайте рассказ:
Господь тогда еще среди нас
Ходил с апостолом Петром...
Вот как-то раз брели вдвоем
И вдруг увидели они:
Под грушею лежит в тени
Лентяй-батрак, разинув рот,
Зевает да баклуши бьет!
Дороги далее не зная,
Господь тогда спросил лентяя:
«Как нам пройти в Иерихон?»
Не встал батрак, лишь поднял он
Одну из ног, и то с трудом,
И ею указал на дом,
Едва видневшийся вдали...
И путники туда пошли.
Лентяй же снова развалился,
Зеленой веткою прикрылся
И захрапел, как мерин сивый...
Батрак был страсть какой ленивый!
Они же вскоре убедились,
Что дальше снова заблудились.
Вдруг на лугу перед селом,

Глядят, крестьяночка серпом
Так жала резво и умело,
Что все в руках у ней горело,
Пот в три ручья с лица стекал...
Господь приветливо сказал:
«Дитя, по этому пути
К Иерихону как пройти?»
А девушка в ответ тогда:
«Да вы попали не туда!»
Свой серп на землю положила,
Их за собою поманила,
Пошла вперед, да понемногу
И вывела их на дорогу.
Затем вернулась — и за дело!
И вновь работа закипела.
А Петр сказал: «Владыко мой!
Молю о милости такой:
Девицу ревностную ту
Вознагради за доброту
Супругом дельным, работающим,
Ну, словом, мужем настоящим!»
Господь Петру и говорит:
«Тот олух, что под грушей спит
И с места сдвинуться ленится,
Мной предназначен той девице.
Пусть коротают век, любя!»
«Да боже упаси тебя! —
Воскликнул Петр. — Не поспедай!
Ей за добро добром воздай,
Хорошего ей мужа надо!»
А господа взяла досада:
«Молчи-ка лучше, куманек!
Тебе все это невдомек!
Она должна кормить лентяя,
Его ко благу приобщая,
Иначе быть ему в петле
За прегрешенья на земле.
А мужем праведным девица,
Пожалуй, может возгордиться.
Вот ей лентяй и дан в мужья:
Творю обоим благо я!»

Из этой басни вывод главный:
Бог часто брак творит неравный.

Пусть облегчают крест нести
Друг другу муж с женой в пути.
Вдвоем свершая жизни труд,
Пусть оба счастливо живут.
Ведь старики-то говорят:
Бывает брак на разный лад,
Но, будь хорош он или плох,
Все к лучшему свершает бог.
Пусть воля божья зиждет брак!
Ганс Сакс об этом мыслит так.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ПРЕЛЕСТЕЙ
ДЕВУШКИ

Вчера я под вечер гулял
По площади и размышлял,
Стихи слагал я в эту пору.
Вдруг девушка предстала взору,
Какой, наверно, и во сне
Не доводилось видеть мне.
Была та девушка красива
Лицом и сложена на диво,
Как римская Лукреция.
Желая насмотреться, я,
Как вкопанный, остановился,
И, глядя на нее, дивился,
И молча думал: кто она?
Но тут, спокойна и нежна,
Она пошла ко мне навстречу
И, обратясь с учливой речью,
Спросила, что я здесь стою.
Я отвечал: «За жизнь свою
Не видывал я женщин краше.
Взирая на красоты ваши,
Я сам не в силах глаз отвести.
Семь прелестей, какие есть,
Все в вас природа совместила».
«Кто вам сказал, — она спросила, —
Что прелестей у женщин семь,
А больше нет у нас совсем?»
Я отвечал ей: «Повсеместно
Семь женских прелестей известны».

Она ж мне: «Ведомо давно
Ученым людям, что должно
Число всех прелестей равняться
Шесть на три, то есть восемнадцать.
Три маленьких, во-первых, есть,
Три длинных надо к ним причесть,
И, в-третьих, мягких три и нежных,
И три, в-четвертых, белоснежных,
И, в-пятых, алых три нужны,
И три, в-шестых, как смоль черны».
Я ей сказал: «Просить я смею,
Чтоб рассказали вы яснее,
А то не понял я, увы!»
Она мне: «Коль хотите вы,
Все прелести могу назвать я,
Лишь сделаю одно изъятие;
Увидите, что я права.
Три маленьких идут сперва:
Две ножки малые — красоти
И подбородочек короткий.
Затем в трех длинных скрыты чары:
Два — это бедер длинных пара
И третья — длинная коса.
В трех мягких тоже есть краса:
Тут, кроме ручек нежных двух,
Животик мягкий, точно пух.
Три белых отгадать — не шутки;
Так знайте: то две белых грудки
И шейка белая одна.
Три алых я назвать должна:
То алых щечки две сначала,
А третьим будет ротик алый.
Три черных кончат мой рассказ:
Два — это пара черных глаз,
Но вам сказать о черной третьей
Я не могу; в моем ответе
Семнадцать прелестей даны,
Одну вы отгадать должны,
И я венком вас увенчаю».
Спросил я: «Как же я узнаю,
Что там за прелесть есть одна?»
Она сказала: «Ночь длинна;
Подумайте, и завтра вместе
Мы встретимся на этом месте».

И тут же удалилась прочь.
Хоть глаз я не смыкал всю ночь,
Не смог задачи одолеть я:
Какая ж это прелесть третья
Черна как смоль! И вот сейчас
Прошу, чтобы хоть кто из вас
Мне оказал благодеянье,
Открыв той прелести названье.
Он Гансу Саксу бы помог
Желанный получить веноч.

О ТОМ, КАК ЧЕРТ ЖЕНИЛСЯ
НА СТАРУХЕ

На землю вздумал черт явиться,
Жить по-людски и ожениться.
Богачку старую взял замуж,
Ну а с лица не взыщешь там уж!
И лишь они вступили в брак,
В дому поднялся кавардак.
Жена сварливой оказалась
И с мужем день-деньской ругалась,
А ночью — прямо хоть пляши —
Терзали их клопы да вши.
И черт решил: ну нет, отныне
Уж лучше буду жить в пустыне,
Сбегу-ка я куда-нибудь
От свар семейных отдохнуть.
И вот пошел он в темный лес
И там на дерево залез.
Сидел, смотрел, забыв тревоги.
Вдруг видит — едет по дороге
Бродячий лекарь. Черт к нему,
Как будто к другу своему:
«Нас двое мудрых лекарей!
Давай лечить людей скорей.
Доход немалый будет нам,
А деньги чтобы пополам!»
«Да кто ты?» — лекарь возразил,
А черт ему и объяснил,
Что он-де черт, что он женился
И за женитьбу поплатился,

Мол, злая старая жена
И черту самому страшна,
Мол, видеть он не мог старуху,
И убежал он что есть духу.
«Меня в помощники возьми,
Себя покажем пред людьми.
Нам это дело принесет
И состоянье и почет!»
Врачу стал дьявол толковать,
Как им работу начинать:
«Пойду я в город, где живет
Богатый бюргер-живоглот,
Его я болями замаю,
Ты ж, как бы мимо проезжая,
К нему случайно заверни
И заклинать меня начни.
Я притворюсь, что удираю;
Тебе заплатит он, я знаю,
Червонцев двадцать, только нам
Делить те деньги пополам!»
Так и решили. Черт собрался,
Он в тело к бюргеру прокрался
И всю-то ночь его томил.
А утром лекарь прикатил
И сразу принялся за дело,
И видно было, что умело, —
Он заклинанье прочитал,
И черт от бюргера отстал.
За это лекаря хвалили
И в благодарность отвалили
Все тридцать талеров ему.
Пришел он к другу своему,
Ему дал десять, для себя же
Оставил двадцать, впрочем, даже
Соврал, что двадцать получил.
Но черт мгновенно раскусил.
Что на пятерку был обсчитан,
А все-таки пока молчит он,
И, притворившись простачком,
Он молвит: «Мне еще знаком
Один каноник толстобрюхий,
Живущий со своей стряпухой.
К нему я в пузо заберусь
И там усердно поверчусь,

А ты к нему с утра являйся
И заклинаньем занимайся.
Тут дело верное, гляди!
Большие деньги впереди».
Так и решили. Черт собрался,
В живот каноника прокрался,
Попа изрядно истомил,
А утром лекарь прикатил.
К нему стряпуха выбегает,
Его поклонами встречает
И двадцать гульденов сулит,
Коль он больного исцелит.
С охотой лекарь согласился
И беса заклинать пустился.
Как накануне, он старался,
Но черт никак не поддавался,
Да и канонику шепнул:
«Вас этот лекарь обманул!
Он и меня-то обокрал
И сам себя же покарал:
Не помогают заговоры,
Когда их произносят воры!»
Перепугался лекарь тут:
Так, чего доброго, побьют!
Из дому выбежал он было,
Но вдруг его как осенило:
Он снова в комнату вбежал
И крикнул: «Черт! Что я видал!
Тебя старуха разыскала,
Бумагу из суда достала
И ожидает где-то тут,
Чтоб увести тебя на суд.
Еще наплачешься ты всласть!»
Тут черт воскликнул: «Вот напасть!
Так эта ведьма здесь опять!
У ней бумаги и печать!
Ну нет! У этакой яги
Моей не будет и ноги!
Тогда уж лучше снова в ад!
Прощай навеки, мой собрат!»
И черт исчез — лишь вонь осталась.

Что в этом шванке заключалось,
Любой постигнет без труда.

Бывает в жизни иногда,
Что муж с женой живут неладно
И даже ссорятся изрядно;
Никто не хочет уступить,
Им что ни день труднее жить.
Один другого укоряет,
Клянет, ругает, презирает,
А то и драку заведут,
Все поломают, перебьют,
Все изорвут от злости в клочья,
Покоя нет ни днем, ни ночью.
Храни господь нас всеблагой
От жизни дьявольской такой!
Когда в семействе мир и лад,
Ганс Сакс тому бывает рад.

УПРЯМЫЙ МОНАХ И КУВШИН

Есть подле Регенсбурга братство —
Картезианское аббатство.
Монах там престарелый жил,
И он весьма заносчив был,
Высокомерен и спесив,
Упрям, надменен и сварлив.
Ничто не мило потому
В монастыре было ему.
Ему мешали стар и млад
Тем, что молитвы говорят,
Ему заутрени мешали,
Ему все службы докучали,
И в капитуле и в застольной
Всегда сидел он недовольный.
В монастыре старинном том
Все было вечно не по нем.
Считал он, что любое дело
Он сам бы выполнил умело
И лучше, чем велит устав.
Был у него строптивый нрав.
Он за деяния свои
Дня не жил без епитимьи.
Что день, когда ночной порой
Не мог он обрести покой:

То замурлычет где-то кот,
А то петух вдруг запоет,
То воет волк, то заскребут
В подполье мыши, то доймут
Его клопы, то птичий гам,
То квакают лягушки там,
То спать мешает лай собак, —
Покоя не найти никак.
Он в келье жил две-три недели,
Потом в другой селился келье,
Но он и там недолго жил,
Покоя все не находил.
Так он терзался целый год.
И вот к игумену идет
Сказать о том, что в этом месте
К нему не сходит благочестье
И божьей благодати в нем
Нет ночью, ни тем паче днем.
Тем о своем он состоянье
И завершил повествованье,
Что попросил о разрешенье
Хоть месяц жить в уединенье,
В лесу, где скит укромный был,
Где некогда отшельник жил.
Там он покой найти мечтал.
Игумен спорить с ним не стал,
И он, лишь разрешенье дали,
В тот лес, что Прюльским называли,
Пошел, чтоб святость обрести.
С собой решил он унести
Из монастырских стен один
Лишь только глиняный кувшин.
В кувшин он воду набирал
В ручье, бежавшем между скал.
Однажды богу он молился
В своем скиту и восхитился
Вокруг стоявшей тишиной.
А сам подумал — здесь покой
Я обрету, и, видит бог,
Здесь буду жить я без тревог,
Тут скоротаю без помех
Я свой отшельнический век.
Торчал огромный гвоздь в дверях,
И на него всегда монах

Кувшин свой вешал, и его
В часы моления своего
Всегда он задевал. Вот раз,
Наткнувшись на кувшин, тотчас
Его со злобой выставляет
За дверь. А солнце припекает.
Был жаркий день, вода согрелась,
И пить ее уж не хотелось,
И хлеб сухой пришлось жевать.
Он в келью внес кувшин опять.
Пускай кувшин теперь в углу
Стоит на земляном полу,
Чтоб холодна была водица.
И надо же опять случиться,
Чтобы он темной ночью встал
И вновь читать молитву стал,
И вновь, колени преклоняя,
Кувшин, наполненный до края,
Толкнул, и келью затопил,
И, рассерчавши, завопил:
«В кувшин не иначе, как бес,
Чтобы подгадить мне, залез».
И снова утренней порой
Кувшин, наполненный водой,
Чтоб сохранить прохладу в нем,
Монах повесил над столом.
Когда же он обедать сел
И хлеб свой монастырский ел,
Пить захотелось вдруг ему.
А он ко времени тому
Забыл, куда кувшин девал.
И, чтоб найти его, он встал,
И свой кувшин задел плечом,
И воду вылил ту, что в нем,
Всю на себя, и весь промок.
Уж тут сдержаться он не мог!
Пошел ругаться, что есть сил,
И оземь свой кувшин разбил,
И, гнев не в силах удержать,
Осколки принялся топтать...
Крушил их вдребезги старик
И вдруг задумался на миг:
«Да ведь всему виной я сам!
Нетерпелив я и упрям!

При нетерпении моем
С кувшином глиняным вдвоем
Я не ужился. Невдомек,
Как жить в монастыре я мог
С монахами. Моя вина
Теперь мне самому видна.
Ведь мне вредит не кто иной,
Как только нрав упрямый мой.
А если мне и впрямь нужна
Для размышлений тишина,
Я буду более терпим.
Отныне странностям своим
Не буду следовать ни в чем.
Свой день заполню я трудом,
И тем я людям долг отдам.
Я в монастырь вернусь, и там
Теперь я буду терпелив.
Свой вздорный норов укротив,
Жить с братьями я буду рад».
На третий день оставил брат
Лесную келью. Возвратился
В свой монастырь, там поселился,
И в нем монашеское пенье
Не вызывало раздраженье,
Теперь он был доволен всем,
Так что исправился совсем.
Вот так-то и пришел покой
К нему и к братии другой.

И шванку тут конец. Итак,
Теперь увидеть может всяк,
Мужчины, женщины и дети,
Что недовольный всем на свете,
Все в этом мире обругав,
Коль у него строптивый нрав
И злой язык, имеет свойство
Себе доставить беспокойство,
И, хоть весь мир им обличен,
Но видят все, что́ стоит он.
Коль хочет он найти покой.
Стыдился б вздорности такой,
Умел бы укрощать строптивость
И даже соблюдать учтивость.
С собой не сможешь совладать,

Так будешь мучиться опять.
Не будем о делах другого
Мы говорить худого слова,
И, коль не будет суд поспешен,
Скорей он скажет: «Сам я грешен!
Теперь я понял, что напрасно
Себя терзаю ежечасно,
И сам же десять раз на дню
Напрасно вред себе чиню.
А люди в этом невиновны».
В том, что, когда дела греховны,
Рассудок лишь один спасет
И от греха, и от невзгод,
И от напрасного волненья,
У Ганса Сакса нет сомненья.

СОБАЧИЙ ХВОСТ

С друзьями как-то поздним часом
Я сел за ужин. Рыбой, мясом
И дичью стол уставлен был,
И каждый вдоволь ел и пил.
Закончивши обильный ужин,
Решили все, что отдых нужен,
И разошлись из-за стола.
Беседа прервана была.
Пока гуляли гости, в зале
Столы еще раз накрывали.
Хозяин вновь позвал гостей
Вина отведать и сластей.
Сперва текла беседа чинно,
Но вскоре сладости и вина,
Развеселив мужчин и дам,
Придали смелость языкам;
Заговорили все свободней...
Поднялся спор: кто благородней,
Пол женский или пол мужской?
Тут с речью выступил такой
Один мужчина: «Всякий знает —
Жена хозяйством заправляет;
Но я напомним господам,
Что первым создан был Адам,

И сделал бог его единым
Над женщиною господином.
Все подтвердят мои слова:
Мужчина в доме — голова! »
Тут одна женщина сказала:
«Мы знаем все, что бог сначала
Адама создал. Но рассказ
О том лишь выгоден для нас:
Ведь создал бог его из глины!
Недаром так грубы мужчины,
Нет спору, то не их вина;
Их голос груб, рука грузна,
Они громоздки, неуклюжи
И непонятливы к тому же.
Для Евы же всевышний бог
Ребро Адама приберег;
Мы род ведем от кости белой,
И белоснежно наше тело,
Наш голос нежен, мы стройны,
Красивы, ладно сложены,
Быстры в труде, легки в походке,
Со всеми ласковы и кротки
И, хоть мужчина — господин,
Мы превосходим вас, мужчин!
Недаром нам хвалы за это
Поют известные поэты;
Их песни испокон веков
Возносят нас до облаков! »
Другой ответил ей лукаво:
«Да, в этом вы, пожалуй, правы.
И в самом деле женский пол
Начало от ребра повел;
Вот потому-то, нам на диво,
Вы так шумливы и болтливы,
И хоть язык ваш без костей,
А словно кость стучит, ей-ей,
Не отдыхая ни минутки! »
Все гости рассмеялись шутке.
Тут молвил третий: «Ну, а я
Хочу вам возразить, друзья.
О том, как Ева появилась,
Совсем иное говорилось.
Вот что мне рассказал один
В Талмуде сведущий раввин:

Когда господь, взяв в руки глину,
Впервые вылепил мужчину,
Сказал он: «А теперь начну
Я делать для него жену».
В Адама нож вонзив глубоко
И выгацив ребро из бока,
Заделал он дыру землей.
Ребро же положил с собой
Пока что рядом, наготове.
Но вдруг случайно брызги крови
Увидев на руках своих,
Господь задумал вымыть их.
Чтоб не запаковать кровью Еву...
И тут случись, к господню гневу,
Так, что бежавший мимо пес
Ребро Адамово унес!
Бог, о творении радея,
Пустился догонять злодея,
И, только он его настиг, —
Был хвост отрублен в тот же миг!
Так повелись, коль то не враки,
Короткохвостые собаки,
А из хвоста сотворена
Была Адамова жена.
Теперь, пожалуй, станет ясно
Для всех, откуда пол прекрасный,
Имея ум и красоту,
Черты, собачьему хвосту
Присущие, имеет тоже.
Все жены на собак похожи:
Когда от мужа ждет жена
Подарка ценного, она
Его умасливает всяко.
Так пред хозяином собака,
Чуть он ей мясо посулит,
Хвостом виляет и юлит.
Коль встретит вас жена умильно,
Накормит вкусно и обильно
И ласково поговорит,
То знайте: женин добрый вид
Вам дорогонько обойдется
И ваш карман порастрясется.
А нет — такой поднимет лай,
Что хоть из дому убегай;

Начнет на вас рычать, бросаться,
Ну только-только не кусаться...
И наконец скажу я так:
Роднит и женщин и собак
То, чем одни они страдают:
Их вечно блохи заедают.
Всегда у женщин из-за блох
Шумиха и переполох;
Собаки давят их зубами,
А жены — острыми ногтями.
Причина, господа, проста:
Все от собачьего хвоста!
Добавить будет здесь уместно,
Что нам, мужчинам, только лестно
То, что мы все произошли
От нашей матери земли.
Земля щедра: она от века
Поит и кормит человека;
Вот так и мы, своим трудом
Кормя семью, содержим дом.
Мы нашу землю защищаем
И государством управляем!»
Другая дама подала
Тут голос: «Знаем их дела!
Одно бахвальство да зазнайство.
А женщина — веди хозяйство!
Ведь поглядеть, так без жены
На что вы были бы годны?
Мы создаем во всем порядок,
Заботимся, чтоб стол был сладок,
Дом чист, одежда хороша,
Мы зря не выбросим гроша,
Мы вам наследников рожаем,
Вас вкусной пищей ублажаем,
Вам помогаем в трудный час!
Ну, что б вы делали без нас?!
Хоть нам и докучают блохи,
А все же мы не так уж плохи!
И если создана жена
Так, чтоб она была верна
Ей богом данному супругу,
То и супруг свою подругу
Любить обязан и беречь!
На этом я закончу речь».

Тут все воскликнули: «Вы правы!
Вы рассудили очень здраво!»
И тут же каждая жена
Была вином угощена.
А чтоб покончить с этим спором,
Все гости объявили хором,
Что он был шуткой, что обид
Никто в душе не затаит
И что с женою каждый дружен.
На этом был закончен ужин,
И все веселою толпой,
Довольные, пошли домой.

Хороший шванк не докучает:
Он, забавляя, поучает
И часто бьет не в бровь, а в глаз.
Ганс Сакс в том заверяет вас.

СВЯЩЕННИК В РИЗЕ

Один священник жил в деревне
Поблизости от Праги древней.
Сносив немало риз и ряс,
За новой ризой как-то раз
Поехал в город сей священник.
С собою взял толику денег.
Двенадцать гульденов народ
Насыпал от своих щедрот
В мощну попа на этот случай.
Желая выбрать самый лучший
Товар, направил поп стопы
К купцу, у коего попы
Обычно ризы покупали:
Священники в округе знали,
Что наилучший бархат мог
Им предложить купец Ганс Бок.
Пощупав много разных тканей,
Поп выбрал ризу побагряней.
«Она, — сказал он, — в пору мне
По ширине и по длине,
Но все же, чтоб покрой проверить,
Ее мне надобно примерить».

Ему Ганс Бок ответил: «Что ж!
На глаз и впрямь не разберешь.
Но платье вы снимите прежде».
Поп снял и в сброшенной одежде
Оставил сдуру кошелек.
Близ мест, где торговал Ганс Бок,
Бродил отъявленный мошенник;
Как только в ризу влез священник
И стал тянуть ее с боков,
Он хватать мошну и был таков.
Хоть вор обстрипал дело споро,
Однако поп заметил вора
И громко крикнул: «Негодяй!
Кошелек немедленно отдай!»
Карманник выскочил из лавки
И мог бы затеряться в давке, —
Но тут священник завопил
И прямо в ризе, как и был,
За вором припустился следом.
То было лишь начало бедам:
Когда пробрался в лавку вор,
Купец как раз отвел свой взор
Куда-то в сторону и даже
Не заподозрил наглой кражи.
Он свой товар считал, а тать
Успел тем временем удрать.
Однако показался вором
Купцу священник, на котором
Надет был лучший образец
Его товара. Наш купец
Решил, что хочет, вероятно,
Поп ризу получить бесплатно,
И бросился за ним, крича:
«Держите вора-ловкача!»
Но поп, исполненный задора,
И сам кричал: «Держите вора!»
И вор — отчаянный нахал —
«Держите вора!» заорал.
Толпа, прислушавшись к их крику,
И вовсе сбилась с панталыку,
Не поняла, кто вор из них,
И пропустила всех троих.
Отчасти также из почтения
К попу в церковном облаченье, —

Хоть и неслись во весь опор
Хозяин лавки, поп и вор, —
Бежать им разрешили с миром.
Однако поп, заплывший жиром,
От бега выбился из сил,
И за полу его схватил
Ганс Бок, а вор, смекнув умишком,
Что ждать расчета нет воришкам,
Пока поймают их, тотчас
Нырнул в толпу и скрылся с глаз,
Довольный тем, что увернулся.
Священник от купца рванулся
И, весь в поту, давай опять
Вслед за карманником бежать.
Такая прыть купца взбесила:
Он бросил камень что есть силы.
И поп убит был наповал.
Купец товар с него сорвал
И людям рассказал, как ловко
Была священником обновка
Без денег приобретена.
Итак, покража вменена
Была попу, а он, убитый,
Не мог потребовать защиты,
Хотя и не был виноват.
Но вскоре, жадностью объят,
Попался вор на новом деле:
Уж тут его не проглядели.
Когда под пыткой он признал,
Что у попа мощну украл,
Его повесили, а Бока,
Который поступил жестоко,
Жизнь у невинного отняв,
Подвергли штрафу. Этот штраф
Был на него за то наложен,
Что, будучи неосторожен,
Он мстил, размыслить не успев.
Он должен был сдержать свой гнев,
Не затевать возни опасной
Из-за какой-то ризы красной.

Нас учит этот шванк тому,
Что в лавке, в мастерской, в дому
Нам должно с толком делать дело,

Беречь добро свое умело.
А если кто ущерб понес,
Тот пусть задаст себе вопрос —
Что было этому причиной? —
Дабы не пострадал невинный.
Нельзя бросаться сгоряча
И, осердясь, рубить сплеча,
Мстя за ущерб кому попало.
С умом нам действовать пристало,
Вредом не умножая вред.
Ганс Сакс дает такой совет.

КУЗНЕЦ, БОЛЕВШИЙ ЗУБАМИ

Кузнец когда-то в Ульме жил,
Он нравом всех кругом дивил.
Сидит, бывало, за столом,
Будь то под вечер или днем,
С ним — подмастерья, домочадцы,
А он вдруг как пойдет метаться!
Чуть только пить и есть начнут,
Уж боль зубная тут как тут.
Кузнец рукой глаза прикроет,
То громко охнет, то завоет,
То за голову рукой возьметсЯ,
То головой об стенку бьется,
Бывало — трапеза пройдет, —
А он и крошки не взял в рот.
Работники покряхтят, пожмутся,
Не евши в кузницу вернутся,
Частенько голодом сидят,
Иной раз вовсе не едят.
Им ни еды нет, ни питья,
Им мастер не дает житья.
И так как лютая беда
Случалась с мастером всегда,
Они взроптали наконец.
Был среди них один юнец,
Он прежде на войну ходил,
И с ними так заговорил:
«Братцы, да что ж это такое?
Нам мастер не дает покоя.

Нельзя ни утром нам, ни днем
Сидеть без крика за столом.
Ну, право, не успеешь есть
И хоть маленечко поесть,
Уж он — с зубами воевать, —
И вот мы в дураках опять.
Нам и кусок не лезет в рот,
Пускай сам черт его возьмет,
Вся дурость эта от зубов!
В другое время он здоров,
Небось смеется, напевает,
Знай подмастерьев задевает.
И потому-то мне сдается —
Над нами просто он смеется.
Обман раскрыть — не жаль трудов,
Добраться б до его зубов!
Завтра чуть он опять застонет
И всех нас в кузницу загонит,
Я просто-напросто возьму
Да проберусь потом к нему.
За дверь на четверть часа — шмыг,
И все-то разузнаю вмиг,
Как быть с хозяином, как сладить,
Как от вытья его отвадить
И как от криков отучить».
Тут стали все его просить
И подстрекать на это дело:
«Послушай, мальй, действуй смело,
Да ты не трусь, он не проглотит
И зря тебя не поколотит.
Всю правду знать охота нам!»
Тот отвечает: «По рукам».
С утра, как сели все за стол,
Хозяин снова песнь завел,
Что боль терпеть ему невмочь.
Все встали, и уходят прочь,
И сели в кузнице рядком.
Кузнец остался за столом.
И вот уж время начинать
Железо в кузнице ковать,
Как подмастерье им мигнул,
Наверх к хозяину шмыгнул.
А тот расселся... Что такое —
И ест куриное жаркое.

У самого — веселый вид.
Тут подмастерье говорит:
«Ну, мастер, как же это вдруг
Вы излечили ваш недуг?
Неужто вы уже забыли,
Как над куренком этим выли,
Когда мы за столом сидели
И ровно ничего не ели?»
Тот отвечает: «Милый мой,
Как быть с оказией такой?
Зубами-то не я болею,
На вас, голубчик, зуб имею,
Мне *ваши* зубы не унять!»
А тот ему: «Как вас понять?»
«Да вот как, — отвечал старик, —
Я поднимаю вой и крик,
Когда вы мясо, хлеб, капусту
Жуете... чтоб вам было пусто!
Кусище мяса оторвут
Да репы полон рот набьют, —
Так, чавкая, чужую снедь
Глощают... Лучше не глядеть!
И слушать даже не хочу,
Глаза прикрою и кричу.
Вот оттого-то я болею,
Что больно вам еды жалею».
Послушав, мальчуган побежал,
Друзьям всю правду рассказал.
Те к старику. Нам, мол, пора,
Прощай, уходим со двора!
И за ворота все гуртом.
Хозяин остался ни при чем.
С тех пор и младший подмастерье
Уж не имел к нему доверья, —
И разорился наш кузнец.

Тут шванку нашему конец.
Тому, кто больно скуп на снедь,
Нельзя работников иметь.
Хозяином кто хочет стать,
Тот должен слугам есть давать,
Не то они хиреть начнут
И от хозяина сбегут,
Да славу разнесут худую, —

Одна напасть родит другую.
Уж раз ты подмастерьев взял,
Себе служанок приняял, —
Давай им вдоволь пить и есть,
Тогда спасешь и дом и честь,
Спасешься и от худших бед, —
Ганс Сакс такой вам дал совет.

СКУПОЙ КРЕСТЬЯНИН
И ЕГО ЛЕНИВЫЙ
ПРОЖОРЛИВЫЙ БАТРАК ГЕЙНЦ

Жил-был когда-то, ходят слухи,
Крестьянин-скряга в Гроссенбухе,
Так он от батрака хотел,
Чтоб тот работал, но не ел,
И кто ему трудился честно,
Тех награждал он лишь словесно.
Вот раз попал батрак к нему.
На вид он, судя по всему, —
Лентяй, тихоня и простец,
А в самом деле-то — хитрец,
И старику тот плут отпетый
Подчас платил его ж монетой.
Собрались как-то спозаранку
Они огородить полянку.
Батрак неспешно ел и пил;
Хозяин тут заторопил,
Чтоб шел скорей работать тот,
А Гейнц и ухом не ведет.
Сказал мужик: «Гейнц, поспеши!
Повеселимся от души.
Надумал я игру такую:
Вперед, как заяц, побегу я,
И ты беги за мной стремглав
И по-собачьи лай: «Гав, гав!»
Что батраку тут возражать.
Мужик ударился бежать,
Но с лаем Гейнц его настиг
И наземь бросил в тот же миг.
Тот крикнул: «Что же ты, однако?»
А Гейнц в ответ: «Ведь я собака

И зайца серого поймал».
Старик на это промолчал,
Хоть рассердился в эту пору.
Вот подошли они к забору,
Кряхтя, вздыхая, и в сторонку
Свою сложили одежонку.
За дело принялся мужик,
А Гейнц назад к одежке шмыг,
Зевнул, поскребся, повернулся,
Уткнувшись в землю, растянулся
И по-собачьи заворчал.
Хозяин сильно осерчал:
«Ты что там делаешь, лентяй?»
Но Гейнц отвечивал сквозь лай:
«Весь день мне должно не иначе
Служить тебе, как по-собачьи».
Однако встал он, и потом
Они работали вдвоем.

Пред молотьбою как-то раз
Снедали оба в ранний час
Из молока снятого тюрю.
Крестьянин молвил, глаз сощуря,
Что лучшая еда для кошки
Снятого молока полплошки:
Кто ест его — не зажиреет,
А зренье острое имеет.
Когда Гейнц выскреб в плошке дно
Да и полпелся на гумно,
Смекнул хозяин, что не лишне
Ему вдобавок съест яишню.
А Гейнц так думал: «Старый жмот!
Ну, он меня не проведет
Своей стряпней». Он влез повыше,
Чтоб подобраться к самой крыше,
И там притих, на балке лежа.
Мужик яишню съел и тоже
Хлеб молотить к гумну пришел,
Да Гейнца вдруг и не нашел,
Хоть оглядел кругом везде.
Тогда он крикнул: «Гейнц, ты где?»
Какая, думал, здесь оплошка.
А Гейнц кричит: «Мяу, мяу!», как кошка.
Мужик вверх глянул и озлился:

«Ты что ж, лентяй, ума решился,
Слезай и молоти, дурак!»
Но отвечал ему батрак:
«Тот, кто кошачью пищу жрет,
Кошачью службу и несет.
Я с молока не зажирею».
Крестьянин крикнул: «Слазь скорее!
Покончить дело хорошо бы!»
И вновь они трудились оба.

Вдругорядь, рассвело едва,
Старик шлет Гейнца по дрова.
Тот говорит ему: «Дедуся,
Ведь я к обеду не вернуся.
Так хлеба я возьму поболее».
Мужик ему: «Не дам я, что ли?»
Гейнец захотел тут на свой вкус
Отрезать преогромный кус.
А это скряге невтерпеж:
«Полегче! — крикнул он. — Ты нож
Сломаешь так, не будь же глуп!»
Гейнец видит, что хозяин скуп,
И ставит нож совсем у края
Неначатого каравая.
Крестьянин молвит: «Здесь вот режь!»
А Гейнец: «Такой кусочек съешь,
Так не насытишься в обед!»
Тогда сказал крестьянин: «Нет!
Видать, дурак ты, братец, сроду!
Ты, знаешь, сунь кусочек в воду,
Да он в ручье разбухнет так,
Что и не съешь его никак».
Гейнец видит, проку нет от спора,
И в лес отправился обжора.
Пришел туда и там сосну
Едва-едва срубил одну.
Вот солнце поднялось высоко,
Раскис от пота лежебока,
Пошел к ручью, поел там хлеба
И лег, уставившись на небо,
Да лежа и заснул балбес.
Мужик пришел под вечер в лес,
И как на спящего воззрился,
Тотчас бранить его пустился:

«Что, лодырь, одолела лень?
Да ты, гляжу, за целый день
Срубил хоть десять штук аль нет?»
«Полегче!» — Гейнц ему в ответ.
Мужик сказал: «Ну хоть четыре?»
«Полегче!» — Гейнц зевнул пошире.
«Так что ж, одну? — промолвил дед. —
Ах ты, лентяй и дармоед!»
«Видать, что глуп ты, братец, сроду, —
Гейнц молвил. — Сунь лесину в воду,
И там она разбухнет так,
Что не сvezешь ее никак».
Крестьянин сам себе признался,
Что Гейнц с ним только поквитался,
И больше не раскрыл он рта.

Но вот пришел канун поста,
И, оба от вина красны,
За стол уселись есть блины.
Гейнц блин побольше хватъ сперва,
Такой, что проглотил едва,
И дальше ел без остановки.
Мужик пустился на уловки,
И хитрую повел он речь,
Надеясь этим зло пресечь:
«Ты пей побольше за едой,
Чтоб пищу разбавлять водой,
Иначе заболит живот».
Он так подумал: «Гейнц попьет,
Блины разбухнут в нем, и скоро
От боли скорчится обжора».
Батрак не думал возражать;
Он встал, попил, и сел опять,
И стал блины глотать исправно,
Сказав: «Теперь наемся славно».
Блин за блином пихает в рот.
Хозяину такой расход
Невозмогу; он ищет средство,
Чтоб разом это дармоедство
Унять. Он вилку отложил,
На руки голову склонил.
Гейнц, так он думал, зная меру,
Последует его примеру
И вилку бросит в свой черед.

А Гейнц решил, наоборот,
Что тот оставил для него,
И жрал, не видя ничего.
Крестьянин скорчил злую рожу,
Да не было в том проку тоже:
Батрак, не обратив вниманья,
Приумножал свои старанья.
Уж он успел сожрать на ужин
Блинов не менее трех дюжин.
Хозяин видит, что батрак
Не понимает никак,
И, от досады чуть не плача,
Решает действовать иначе,
Чтоб самому наесться всласть.
Он думал: «Чем добру пропасть,
Пусть пропадет моя утроба!»
Взял вилку вновь, и стали оба
Они, давясь, вперегонки
Глотать огромные куски,
Так что кишки все затрещали.
Когда ж еду они скончали,
Решил крестьянин, что пора
Гнать дармоеда со двора.

В рассказе этом два урока,
Он обличает два порока.
Когда скупому тяжкий крест
Глядеть, как много челядь ест,
Его батрак или служанка
Вставать не будут спозаранку,
Они работать станут скверно
И вскоре убегут наверно.
Другой урок: когда батрак
Ленив и плох, а жрать мастак,
И жрет притом в два горла сразу,
А на уме — одни проказы,
Такого батрака уважат
Тем, что на дверь ему укажут.
Итак, кто лодырь иль скупец,
Презренный, значит, он глупец,
Который зло себе творит,
О чем Ганс Сакс и говорит.

В Ландау, деревне небольшой,
 Жил раз купец, старик седой,
 И хоть весьма он был богат,
 Но жизни был порой не рад.
 Была у старика жена,
 Красива, ладно сложена,
 Но в ней одно ехидство было:
 Шалить с мужчинами любила.
 Купец заметил это скоро...
 Не навлекать на них позора
 И честь блюсти ее просил,
 И ей при этом пригрозил,
 Что, если дальше быть худому,
 Он выгонит ее из дому.
 Супруга резвая сначала
 Быть верной мужу обещала,
 Дня три она держала слово,
 Крепилась, ну, а дальше снова
 Точь-в-точь, как раньше, все пошло,
 Как будто старику назло.
 Возревновал он и, приметя,
 Что тщетны увещанья эти,
 Жену, семейной чести ради,
 Стерег и спереди и сзади,
 И день и ночь за ней смотря...
 Но все труды пропали зря!
 Она пустилась на уловки,
 На них все потаскушки ловки.
 Совсем от рук она отбилась
 И хахалей водить ловчилась,
 Изобретая всякий раз
 Немало плутней и проказ.
 А он на жизнь с женой такой
 В отчаянье махнул рукой.
 В те дни был кем-то приглашен
 На ярмарку во Франкфурт он,
 И вот, уж сидя на коне,
 Прощаясь, он сказал жене:
 «Держи в порядке дом, мой свет!»
 А женка фыркнула в ответ:
 «Что ж, дом не трудно уберечь!
 А вот меня кому стеречь?»

Ей поддразнить и тут нейдет...
«Пусть черт стеречь тебя найдется, —
Сказал старик, — он будет тут
Глядеть, чтоб ты не впала в блуд!
А то ведь сладу нет с тобой!»
Затем простился он с женой.
Как только старец удалился,
К ним сразу дьявол в дом явился,
Невидимый глазам людским...
Пришлось пробыть ей месяц с ним:
Он опекал жену, пока
Она жила без старика.
Черт от нее не отлучался,
На цыпочках за нею крался,
А чуть садилась у окна
Взглянуть на хахалей она,
За косу черт ее хватал
И в глубь светелки увлекал.
Когда подкраситься, бывало,
Частенько ей на ум взбрело,
То черт в помады ей и в мази
Наваливал дерьма и грязи.
Письмо писать она начнет —
Черт ей чернила разольет.
С письмом служанку посылает —
Черт девку за косы хватает
И не пускает за порог...
Так дьявол пресекал порок!
Когда прокрался наконец
К жене, как вор, один юнец,
Черт с лестницы его спустил,
В лохмотья платье превратил,
И тот, отведав тумаков,
Взревел, вскочил — и был таков!
И так нечистый бабе гадил,
Что хахалей почти отвадил.
Они ходить не стали в дом,
А все слонялись под окном
У соблазнительной молодки...
А черт горшки и сковородки
Швырял в них метко из окна...
Вконец измаялась жена
И дальше шашни прекратила,
О них и думать позабыла.

Когда же с ярмарки купец
Домой вернулся наконец,
То не успел войти он в дом,
Как с лестницы жена бегом,
Крича ему: «Голубчик мой!
Ну, дождалась. Пускай за мной
Отныне будет мужнин глаз!
Довольно дьявольских проказ!
Терпеть мне более невмочь,
Что черт творил тут день и ночь,
И снедь была мне не в охотку,
Чуть не вогнал, подлец, в чухотку!
Всегда со мной отныне будь,
А черта день куда-нибудь!»
Услышав это заявленье,
Муж обомлел от изумленья
И молвил черту: «Слышь, ты! Прочь!
Сумею сам себе помочь
В семействе избежать вреда!»
А дьявол рявкнул: «Эх, балда!
Ты малый славный и простой,
Но слаб, как видно, головой,
Куда тебе там уследить,
Пошла иль нет она блудить,
Я грозной властью обладаю,
Я много разных козней знаю,
Усердно за твоей женой
Глядел я днем и в тьме ночной —
И... прозевал! А сколько есть
У ней дружков — и мне не счесть...
Покуда одного шугаю,
Глядишь — трех сразу проморгаю.
Вот, милый, дело-то какое!
И ночью не было покоя:
Ведь по ночам они гуртом
Всегда торчали под окном,
А я, едва жена к окну,
Ее насилу утяну.
Без отдыха я день и ночь
Твой дом хранил, хотел помочь...
Да сам я жизни стал не рад.
Сказать тебе по правде, брат,
Пожалуй, я домой пойду:
Куда привольнее в аду!

Ты все забыть спокойно можешь,
Ничем ты делу не поможешь,
Не спи хоть сутки целиком...
Она поставит на своем! »
Так молвил бес и скрылся с глаз.

Вот в этом и урок для нас:
Не муж, не сторож, а жена
Сама себя блюсти должна,
И та, что помнит стыд и честь,
Надежный самый страж и есть.
Ты за такую не следи,
Но вора в грех ты не вводи.
Когда полно гостей бывает,
Когда жена всю гуляет,
Когда уж с первых дней она
Почует, что узда длинна,
Тогда в супружестве мужчинам
По этим и другим причинам
Бывает много бед и зол:
О чем Ганс Сакс здесь речь и вел!

ФЮНЗИНГЕНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

В Баварии деревня есть,
В которой дураков не счесть.
Живет там испокон веков
Немало разных дураков.
Ох, и балбесы фюнзингенцы —
Старухи, старики, младенцы,
Девицы, бабы, мужики, —
Все от рожденья дураки.
Один мужик из Фюнзингена,
Сгребая на поляне сено,
Нашел однажды самострел.
Он долго на него смотрел,
И все не смел его поднять,
И все никак не мог понять,
Кому такая вещь нужна,
Зачем и для чего она,
И в ней — святая простота! —
Узрел распятие Христа.

Тогда его он в руки взял
И набожно облобызал,
Прижал к груди, — но тут, увы,
Стрела слетела с тетивы
И отстрелила нос болвану.
«Нет, этот крест я брать не стану.
Вовек не подниму его я», —
Сказал мужик, от боли воя.
Однажды в рощу у реки
Пошли гурьбою мужики
За желудями для свиней.
Они бродили долго в ней,
И с трехсаженными жердями
Охотились за желудями,
Ауканьем пугая лес.
Один из них на дуб залез,
И надо же случиться вдруг,
Что треснул, обломился сук...
Бедняга не свалился вниз,
Но на другом суку повис,
Невидим за густой листвой,
Он зацепился головой.
Потом башка оторвалась,
И он упал в болото, в грязь.
Осталась голова в листве,
А туловище — на траве.
К полудню, с полною сумой,
Крестьяне собрались домой,
И видят, посреди травы
Лежит мужик без головы.
К нему подходят всей гурьбой
И говорят наперебой:
«Да это Линдель! Вот так так!
Куда же дел он свой чердак?
А кто заметил, мужики,
С башкою или без башки
Отправился он с нами в лес?»
Гейнц Тупп сказал: «Пожалуй, без!
Я шел с ним рядом всю дорогу,
Но толком не видал, ей-богу,
Не посмотрел я на дружка,
С собой ли у него башка.
Не сомневаюсь, что должна
Про это знать его жена,

С башкой пошел он или нет».
Жена сказала им в ответ:
«Его я мыла в понедельник,
Был с кумполом тогда бездельник.
Но, видит бог, не помню — в среду
С башкой ли он пришел к обеду».
И бабы дуры в той округе!
А что за платья из дерюги
Носили глупые крестьяне!
Четыре локтя грубой ткани
Купив на городском базаре,
Они в ней дырку прорезали
И, в дырку голову продев,
Ходили в поле, в лес и хлев.
Да, вид их был изрядно странен!
В один прекрасный день крестьянин
Повез в баварскую столицу
На ярмарку свою пшеницу,
И там увидел он портного.
Все снова он смотрел и снова,
Как тот кроит и шьет штаны
Необычайной ширины.
А возвращаясь, наш дурак
Глядит с моста и видит — рак
Ползет по дну, его клешни —
Совсем как ножницы они,
И как иголка — каждый ус.
Мужик был груп, но не был трус:
Сопrotивлялся рак, однако
Со дна реки достал он рака.
Добычу залучив такую,
Домой вернулся и, ликуя,
Твердил соседям: «Право слово,
В деревню я привез портного.
Он будет нам кроить штаны
Необычайной ширины».
Поверила его жена
И раку принесла сукна.
Со всех сторон бегут крестьяне,
Они несут портному ткани,
Кричат, хохочут дураки:
«Крой, портной, для нас портки!
Да как же без портков мы жили?»
На сукна рака положили,

Рак пьтится, как всякий рак,
И падает под стол во мрак.
Дивится на него народ.
А пожилой Гейнц Обормотт
Сказал: «Вот видите, ей-ей,
Портной смущается людей.
Смотрите, ножницы он точит,
А шить при нас портной не хочет.
Я б на ночь свечку дал портному, —
Тогда зашьет он по-иному».
Его совету вняли люди,
Они оставили на груди
Материй рака, и ушли,
И свечку на столе зажгли.
Но рак в портновстве не мастак,
И опрокинул свечку рак.
В каморке стало вдруг темно,
И вскоре вспыхнуло сукно,
Оно сгорело, а потом
Сгорел и стол, и даже дом.
А рак уполз к мышам в нору,
Его нашли там поутру,
Затем судили, как ведется,
И бросили на дно колодца.
Да чтоб не вылезал уродец,
Землей засыпали колодец.
Так напугал деревню рак,
Что с этих пор, вступая в брак,
Должны и парень и невеста
Землей засыпать это место.
Таков у них обычай древний,
И он блюдетсЯ всей деревней.
А если крикнешь: «Раки, раки!» —
Не миновать жестокой драки,
Торговца раками побьют
И раков в порошок сотрут.
А Фюнзинген во всех столицах —
Доселе притча во языцех.
И ежели крестьянин глуп,
Невежествен, неловок, туп,
Во всех делах мирских — младенец,
То говорят: он фюнзингенец.
Таких людей видал не раз
Ганс Сакс, сложивший этот сказ.

ПОЧЕМУ СОБАКИ ТАК НЕНАВИДЯТ КОШЕК,
А КОШКИ МЫШЕЙ?

Однажды я завел беседу
Со стариком, сказав: «Поведай,
Откуда взялся сей раздор,
Не ослабевший до сих пор, —
Раздор меж кошками и псами;
И почему войну с мышами
Кошачий род ведет нещадно?»
Старик сказал: «Вопрос нескладный.
Любой мужик уж, верно, знает,
Отколь она проистекает —
Та распря кошек и собак,
Что не уладится никак.
Пустой вопрос ты задаешь».
А я в ответ: «Поведай все ж!»
Тут молвил он: «В былые годы
Псы всевозможнейшего рода,
Те, что принадлежат дворянам,
Попам, крестьянам, горожанам,
Сошлись совет держать — и так
Решило сборище собак:
«Пошлем двух старых, знатных псов
Послами в Рим без лишних слов,
Чтоб к папе в Риме обратиться
И льготы от него добиться
Скромную вкушать еду
И в пост и каждый день в году —
На это мы имеем право,
Ведь служим мы попам на славу,
Таскает дичь им, а потом
Им стережем и двор и дом».
Услышал папа просьбу псов,
Он выполнить ее готов.
Печать на грамоту кладет
И привилегию дает.
Послы в Германии опять
И всех собак спешат созвать
Из ближних мест и издалече.
В Штосфюрте было место встречи.
Вот грамоту читают им,
И их восторг неудержим.

Тут псы из тех, что постарее,
Пустились обсуждать скорее,
Как лучше грамоту укрыть,
Чтобы навеки сохранить.
Ведь люди рады псам нагадить
И их от вольности отвадить.
Но сундуками и ларями
Собаки не владеют сами.
Тут некий престарелый пес
Так, поразмыслив, произнес:
«Давайте грамоту доверим
Котам. Друзья нам эти звери,
И помогают нам в беде
Уж много лет они везде.
Да, им удастся, несомненно,
Наш клад припрятать драгоценный —
По чердакам они шныряют
И понапрасну не болтают».
Вот грамоту на сохраненье
Котам, не медля ни мгновенья,
Вручают псы. И на чердак,
Чтоб людям не найти никак,
Ее унес усатый кот.
Когда же минул первый год,
Собакам снова отчего-то
На грамоту взглянуть охота.
Коты давай искать под крышей, —
А грамоту изгрызли мыши.
И в страхе шлют коты ответ,
Что грамоты у них уж нет.
И с этих пор всегда клянет
Собака весь кошачий род,
Отсюда и берет начало
Вражда, которая настала
Меж ними, в этом корень драк,
Которых не унять никак.
Коты же с этих самых дней
Возненавидели мышей:
Зачем-де грамоту сожрали!
Коты преследовать их стали,
А также крыс, всегда, везде,
Им спуска не дают нигде,
И в гневе бешеном своим
Их душат ночью, душат днем.

Меж тем на сборище собак
Участники решили так:
Двух псов отправить в Рим опять,
Чтоб снова грамоту достать,
Раз мыши прежнюю сожрали.
Послы немедля побежали,
С собой взяв денег на еду.
А было жарко, как в аду.
Когда в Италию пришли,
Послы в харчевню забрели
И так винцом наугощались,
Что как собаки наакались
И стали лапами скрести
И мордой яростно трясти, —
Гав, гав, — и уши наострили,
И зубы яростно вонзили
Друг в друга пьяные собаки,
И кувырком в ужасной драке
Они летят с горы крутой,
Шагов с полсотни высотой,
Так что почтенным псам в овраге,
При всей их доблестной отваге,
Пришлось, увы, лишиться жизни.
Меж тем, собаки в их отчизне
Послов и ныне поджидают.
Все на дорогу выбегают.
С тех пор, лишь пес сойдется с псом,
Нюхнуть собрата под хвостом
Он норовит: быть может, тот
Домой ту грамоту несет —
И затевает с ним вражду,
Бумаги не сыскав в заду;
И вот про этот стыд и срам
Ганс Сакс поведал в шутку вам.

МОНАХ И УКРАДЕННЫЙ ПЕТУХ

Во Франкфурте не позабыты
Еще монахи-кармелиты,
Чья братья святостью кичилась.
С одним из них беда случилась.
Когда в великую субботу
Святили куличи, заботу

Паписты эту очень чтут,
Монашек юный тоже тут
Искал с мальчишкою вдвоем,
Где позажиточнее дом,
Чтоб куличи святить мирянам
И яйца. Он, не будь болваном,
К богатым бюргерам зашел,
А в доме том обильный стол
Был, соответственно приличью,
Уставлен курами и дичью,
Еще дымящейся, и дух
Весь воздух насыщал вокруг.
Монашек, проглотив слюну,
Подумал только: «Ну и ну,
Вот если мне бы стол такой!»
И когда мальчик вдруг спиной
К нему случайно повернулся,
Монах с опаской оглянулся
И тут же, не боясь греха,
Зажаренного петуха
Рукой проворною схватил
И между ног под рясой скрыл.
Затем занялся куличами:
Сперва благословил речами,
Затем кропил святой водой.
Когда ж он уходил домой,
Мальчишке дали два яйца
И проводили до крыльца.
Монашек, очутившись дома,
Два хлебца взял у эконома,
Сумел еще винца достать
И все припрятал под кровать.
Он, видно, чаял объеденья
После полунощного бденья,
Но, как читатель здесь прочтет,
Случилось все наоборот.
Во время службы в нетерпенье
Считал он каждое мгновенье.
Ну вот и ей пришел конец,
Домой торопится хитрец.
Но не успел он под кровать
Залезть и петуха достать,
Как постучали в дверь у кельи.
И тут, забывши о веселье

И о приверженности к мясу,
Он сунул петуха под рясу.
Вошел монах, его приятель,
И сообщил, что настоятель
Зовет монашка тут же в храм.
«Ты будешь нынче в ночь к мощам
Приставлен, охранять святыни,
Носительницы благостыни,
Да отпущенья продавать,
И до заутрени давать
Для поцелуя «агнец божий»
Тому, кто платит подороже».
Беднягу пот прошиб от страха —
Не выдал бы петух монаха!
Но все-таки поплелся в храм
И сел, как велено, к мощам.
Но дверь открыта у собора,
И вот бежит собачья свора,
Почуявшая запах мяса,
Что издает монашья ряса.
Монаха довели до дрожи,
У бедного мороз по коже.
Он проклиняет песью свору
И мыслит в страхе: «Быть позору!»
Он их попробовал прогнать,
Те скалить зубы да рычать!
Еще тесней сомкнулась стая.
Монашек, голову теряя,
Испытывал мученья ада...
А тут вдруг всенощную надо
Ему служить, его ждут там.
Другой монах присел к мощам,
А наш прошел в алтарь... тогда
И разразилась беда —
За ним немедля по пятам
Псы ринулись чрез божий храм,
И когда он напялил ризу,
Его обнюхивало снизу,
Расположась в священном месте,
Кольцо из ненасытных бестий;
Когда он надевал стихарь,
То, как обычно это встарь
Водилось, послушник ему
Помог завязывать тесьму.

Когда ж монах был облачен,
Заметил послушник, что он
Неровно узел завязал,
И поправлять тесемку стал,
Что, видимо, была плоха...
Да вдруг нащупал петуха.
Монашек же решил со зла,
Что то собака подошла
И зубы в петуха вонзила.
Дрожа от гнева, с дикой силой
Он как брыкнет назад ногой!
И тут помощник молодой,
Рукой схватившись за живот,
Бряк на пол, да и не встает.
Толпа от смеха надрывалась.
Ей вся история казалась
Шутливой праздничной игрой,
Но настоятель шуткой той
Рассержен был, когда узнал.
Он вора строго наказал,
Отнявши у него свободу
И посадив на хлеб и воду.

Из этого могли бы вы вот
Такой, послушав, сделать вывод,
Что и в стенах монастыря,
По совести-то говоря,
Заводятся грехи подчас.
Монахи ведь не лучше нас,
Такая ж плоть и кровь у них,
И те же страсти бродят в них.
Вот если б, вместе с волосами,
Они простились со страстями,
Не зарились на петухов,
Тогда была бы для грехов
В монастырях иная такса.
Вот наблюденье Ганса Сакса.

ДВОРЯНКА И УТОРЬ

Жил как-то в Мейсене один
Гостеприимный дворянин.
Он был отменный хлебосол —
Весь день держал накрытый стол.

Бывало, зазовет домой
Гостей и все из кладовой
Достанет: мясо, рыбу, птицу,
И просит всех за стол садиться, —
Ни в чем отказа никому.
И вот случилось, что ему
Рыбак угря принес с улова —
Большого, жирного такого.
Гостям наш рыцарь рыбу прочит,
Ее сбережь получше хочет,
И запустил угря в садок,
Чтоб тот гостей дожидаться мог.
А сам берет двух верных слуг
И с князем на охоту вдруг
Поехал, распростясь с женой.
Что в замке делать ей одной?
И вспомнила угря в садке.
Об этом лакомом куске
Ей мысль не в первый раз пришла,
Но все ж она не столь смела,
Чтобы угря освежевать,
Велит за фогтшею послать.
А та у замка проживала.
Хозяйка фогтше рассказала,
Что ей охота съесть угря.
Та, льстиво ей в глаза смотря,
Ответила: «Покушай смело,
А спросит муж, куда ты дела
Угря, ты сразу отопрись,
На выдру, на бобра сошлись».
Хозяйка приняла совет
И фогтшу просит на обед.
Они себе полрыбы жарят,
Другую половину варят,
И отобедали вдвоем.
Тут муж приехал вечером.
И вот уж без сапог, без шпор
Он из окна глядит на двор.
А в клетке у окна — сорока.
Она все видит издалека,
А что увидит — говорит.
Он ей про новости велит
Сказать. И вот ее слова:
«Хозяин, уж тому дня два,

Жена и фогтша тут болтали
И толстого угря сожрали».
Поверить птице он не мог
И вышел осмотреть садок.
А там давно уж нет угря, —
Сорока не болтала зря.
Тогда хозяйку он спросил,
Куда же угорь их уплыл?
Хозяйке будто невдомек:
«Не знаю, право, муженек!
Уж не достался ли бобру
Иль к выдре угодил в нору?»
Ей муж в ответ: «Не ври так лихо,
Ведь это ты и есть бобриха,
А фогтша — выдра, вот в чем дело,
Угря, как видно, ты и съела,
Вы вместе слопали его».
Жена озлилась на него,
Но тем, что дерзко так врала,
В огонь лишь масла подлила.
Уж очень он рассержен был
И ей пощечину вlepил.
Но тут хозяйка взбеленилась
И мужу в бороду вцепилась,
А он ее — за волоса, —
Чуть что не в клочья вся коса, —
И так ее исколотил,
Что стал ей белый свет не мил.
Сбежались слуги тут на крик
И розняли обоих вмиг.
Наш рыцарь снова выезжает
И слуг обоих забирает.
Жена ж велела фогтшу звать
И говорит: «Хочу я знать,
Кто мужу рассказал о том,
Что натворили мы с угрем,
И кто бы это мог заметить?»
Тут фогтша ей спешит ответить:
«Сорока обо всем доносит,
Когда ее хозяин спросит».
Хозяйка ей: «Твои слова
Мне говорят, что ты права.
Ей надо крепко отплатить,
Притом и жизнь ей сохранить».

Из клетки птицу вынимают,
И перышки ей выдирают,
И приговаривают враз:
«А ну, сболтни еще про нас!»
Ей перья выдрали так ловко,
Что оплешивела плутовка,
И в клетку сунули опять.
Отныне, стоит увидеть
Сороке лысого монаха,
Она уж верещит от страха:
«Ты, верно, облысел не зря,
Сболтнул, как видно, про угря,
И вот, лишив тебя доверья,
Тебе повыдергали перья,
Чтоб легче было распознать,
Что первый твой порок — болтать».

А в шванке этом есть наука,
Что болтовня — плохая штука.
Коли сберечь ты хочешь перья,
Так не подслушивай под дверью
И дальше слух не распускай,
Не то сам на себя пеняй.
Не зря говаривали деды:
Не суй свой нос в дела соседа!
Что пользы любопытным быть?
Так нос недолго прищемить.
Ведь муж с женою вновь поладят
И тут же сплетника отвадят.
Он сплетней враз всех разобидит,
И всяк его возненавидит.
Коль ты болтлив, умерь свой пыл. —
Ганс Сакс тебя предупредил.

МОНАХ И КАПЛУН

Случилось как-то, что один
Баварский знатный дворянин
В свят день к себе на разговенье
Монаха пригласил в именье.
Монах пришел, и за столом
Они сидели всемером;

Хозяин во главе стола,
Супруга рядом с ним была,
И были два сынка при ней
И две — одна другой милей —
Красивых дочки. А седьмым
Подсел духовный пастырь к ним.
Молитву быстро он прочел,
И тотчас подали на стол
Кулич и яйца. Так давно
В Баварии заведено.
Поели кулича, и тут
Телячью голову несут,
А с нею и телячьи ножки,
Дабы подзакусить немножко.
Когда ж всяк этого поел,
Котел с похлебкою приспел,
А вслед за ним несут большую
На блюде рыбу отварную.
Монах на рыбу так нажал,
Что пот с него ручьем бежал.
И наконец жирен на диво
Был подан им каплун с подливой.
К монаху дворянин потом
Котел подвинул с каплуном,
Чтоб этим к сану изъявить
Почтенье, и просил делить
На всех жаркое чин по чину.
Монах ответил дворянину:
«Я, сударь, право, не барон
И к вежеству не приучен.
Но коль уж мне делить случилось,
Так поделю я, как водилось
Когда-то в старину у нас».
Хозяйка молвила тотчас:
«Отец, прошу, чтоб вы делили,
Как деды вас тому учили».
Отсек, нож взявши, как тесак,
Каплунию голову простак
И дворянину протянул.
Потом опять ножом взмахнул,
Каплунию шейку отрубил
И ей хозяйку оделил.
Отрезав лапки, частью сей
Почтил хозяйских сыновей.

Потом и дочек он почтил:
По крылышку им положил
Каждой на блюдо расписное.
Себе ж оставил остальное.
Кусок глотая за куском,
Он тушку слопал целиком,
До косточки все изглодав,
Другим и хрящика не дав.
Всех удивил святой отец.
Спросил хозяин наконец:
«Вас мудрецы учили, что ли,
Иль вы учились в некой школе
Делить еду столь мастерски?»
Монах ответил: «Все куски
(Уж вы поверьте, сударь, мне)
Делю по совести вполне.
Вы здесь являетесь главою —
Я наделил вас головою,
Чтоб ваше мудрое правленье
Держало чернь в повиновенье;
Вы храбры в спорах и боях,
Да будет чужд и впредь вам страх!
Главней всех после вас в дому
Супруга ваша, посему
Я отдал шейку ей: жена
Уметь хозяйствовать должна,
Заботой о припасах жить,
Без коих вживе нам не быть.
А лапки сыновьям затем
Я дал, что щит, и герб, и шлем,
И весь ваш род высокочтимый
На них стоит неколебимо.
Потом по одному из крыл
Я дочкам вашим подарил,
Чем дал понять, что в самом деле
Девицы для любви созрели,
Когда, наряжены на диво,
Умеют ловко и учтиво
В придворном плясе изогнуться
И с юношей перемигнуться.
Остались мне от каплуна
Всего лишь брюхо да спина.
К несчастным состраданье — благо,
Я съел из жалости беднягу.

Без крова он, подобно мне,
Как он, мечусь я по стране.
Как птица я, но не летаю,
Я клюв свой на спине таскаю,
Острижен вроде пустопляса,
Под цвет осла на мне и ряса,
И подпоясан, будто вор,
И бос, как гусь, хожу с тех пор,
Как был я принят в орден свой —
Все это — правда, сыне мой! »
Хозяин от души хохочет
Над тем, как их монах морочит,
Над тем, как духовник сполна
Себе оставил каплуна,
Однако дворянин потом
Не приглашал монаха в дом.

Урок таков из притчи сей:
Коль встретится среди гостей
Такой, которому неведом
Порядок, должный за обедом,
Который что послаще жрет,
А сам при этом чушь несет, —
Ему с улыбкой все внимают,
В уме, однако, рассуждают:
«Что за бесстыдная свинья!»
Так с ними думаю и я.
В какой грязи он может жить,
Коль знает только жрать да пить,
Как будто он не ел дотолле!
Не будут звать такого боле.
Таких гостей полно у нас.
На сем Ганс Сакс кончает сказ.

МОНАХ ЦВЕЙФЕЛЬ
И ЕГО СВАТЫНЯ

Стоит уже немалый срок
Корталь — заморский городок.
На взгорье расположен он
И пастбищами окружен.

Где сытно всяческой скотине,
Где жир нагуливают свиньи.
Не зря туда из года в год
Толпа несметная бредет
Монахов ордена святого
Антония: что год, то снова
Кладут в бездонный свой карман
Они даянья прихожан.
Туда от общины святой
Брат Цвейфель хаживал за мздой.
Он был таким говоруном,
Что слушали с открытым ртом,
Когда он, мастер на притворство,
Плел небыли про чудотворство,
Совсем под стать стационанеру.
И все ему давали веру:
Ведь прямодушен люд простой.
Вот с Гецем, олухом слугой,
Брат Цвейфель прибыл на побор
В Корталь, на постоялый двор.
А утром пастве возвестил
Монах, чтоб каждый поспешил
Нести Антонию святому
Колбас, вина, муки из дому,
И охранит стада свиней
Заступник в доброты своей.
И возвестил духовный муж,
Что есть для утешенья душ
Одна целительная сила —
Перо святого Гавриила.
Пусть на вечерню все придут,
Святыню вправду узрят тут.
Про смысл монашеских затей
Смекнуло двое из парней.
Пока у прихожан в гостях
Засел за сытный стол монах
На постоялый парни шась,
Решив реликвию украсть.
Хоть был и дома Гец-балда,
Но увивался, как всегда,
За девкой в кухне у горшков.
А двое ловких хитрецов
В каморку к Цвейфелю прошли,
В его суме ларец нашли,

А в нем, зеленым отливая,
Перо лежало попугая.
Углями подменив перо,
Плуты ушли, смеясь хитро:
Ну, что теперь об этой скверне
Расскажет брат, придя к вечерне,
Когда пред паствой, изумлен,
Лишь черный уголь вынет он?!
Вот и к вечерне уж звонят,
На проповедь собрался брат,
Не осмотрев, схватил ларец
И с ним вошел в собор, хитрец.
Во храме же людей — без счета!
Всем на перо взглянуть охота.
И о реликвии нетленной
Брат начал проповедь степенно,
И вил, как вервие, рассказ,
А речь его о том велась,
Как сам архангел Гавриил
Перо однажды обронил,
Когда явился в Назарет,
Неся божественный привет.
«Зажгите свечи! Ниц падите!
О прегрешеньях говорите!»
Тут ларчик женам и мужам
(Не зная, что обманут сам)
Открыл он и за угли хватъ,
Когда хотел перо достать.
Брат Цвейфель так перепугался,
Что у него язык отнялся,
Но вскорости пришел в себя,
Горе вздел руки, возопя:
«О, зрите, чудо свершено!
Я мнил, что здесь храню одно
Перо святое, но, ей-ей,
Недоглядев, я взял углей
Из тех, на коих, право слово,
Сожгли блаженного святого
Лаврентия во граде Риме.
Молитесь пред углями сими.
Один святой в святой стране —
В Иерусалиме — дал их мне,
И принял дар я, раб покорный.
Угль полон силы чудотворной:

Кого помажу углем сим —
Год будет от огня храним.
Придите ж, им коснусь я чел,
Дабы пожар вас обошел! »
И со свечами весь народ
К монаху ринулся вперед.
Свой грошик всяк отдать был рад.
И метил мздолубивый брат
Благоговейно угольком
Платки и лбы большим крестом.
За угли брал да клал в карман
Гроши усердных прихожан.
И все-то, что он ни соврет,
Им — правда, а ему — доход.

Вот так же, как стационаеры,
Над нашею немецкой верой
Глумилась ересей орда,
Лжесловьем жившая всегда,
Которая враньем не раз
Легко водила за нос нас,
Коль верили мы басням их.
До наших ли им душ простых!
Карманы б наши им служили.
Даянья ж нас не тяготили.
Нередко легковерье губит:
Обманываться люди любят.
Но вот мы вняли слову божью
Не проведешь нас больше ложью,
Всяк дорожи своей мошной,
Спасемся так от своры злой.
Бегите ж ихнего кривлянья —
Вот Ганса Сакса пожеланье.

ПЕРЕПОЛОХ В ГИРЗАУ

Послушайте, что я узнал
В те дни, когда я кочевал
Еще довольно молодым,
Ведомый ремеслом своим.
Забрел я в городишко раз —

Гирзау — помню как сейчас;
Стоял февраль, двадцать второе
Число — запомнится ж такое!
Как видите, был пост. Не строго
Я блюл его, работал много.
В харчевне как-то я сидел,
Капусту и селедку ел,
Притом потягивал и пиво
Блаженно и неторопливо,
Но вот что приключилось тут:
Два горожанина бегут,
Не разбираючи дороги,
И машут и кричат в тревоге
О том, что — только присмотритесь! —
Им видно в лесосеке, близ
Их города — вперед, назад
Премного всадников летят,
Что шапки белые на них,
Что даже конных пятерых
На страже видно под стеной.
На крик старейшины, толпой
Сойдясь, согласно порешили
Сопrotивляться вражьей силе
И в городе закрыть ворота
В предупреждение налета.
«К оружию!» — клич гремел, и в спехе,
Надевши ржавые доспехи,
Орава горожан бежала,
Перепугавшихся немало
Дрожа от страха, извещенья
Послали в ближние селенья,
Чтоб знали о беде и там
И встали на отпор врагам,
А сами впрямь — не шутки ради —
Все вышли, не остались в граде,
Ведя в походе этом речи,
Как одолеть врага им в сече,
Чтоб насмерть был он поражен,
Иль — если чересчур силен —
Смекали, как им вспять пуститься
И вновь в Гирзау воротиться.
Когда ж, подьема бранный стяг,
Пришли туда, где мнилсЯ враг,
Чтобы его расколотить, —

Не ведали, как им и быть:
Ведь всадников не оказалось,
Лазутчикам все примечталось.
Там с дюжину крестьян на плахах
Сидело — все в одних рубахах,
Пришли добыть на уголь дров,
А приняли их за врагов.
Суть дела в том, что по ветвям
Две белочки скакали там,
И деревенский стал народ
Гонять за ними взад-вперед.
Одну они убили вскоре,
Другая ж скрылась, им на горе.
И тут заметили крестьяне,
Что прут валом к ним горожане —
Кто пешим ходом, кто верхом,
Кто с грозным кликом, кто с мечом,
И дали стрекача тогда
Крестьяне в чащу — кто куда;
Толпа ж вопит, победе рада:
«Так вот где, враг, твоя засада!»
А бургомистр все ж одного
Зацапал мужика — того,
Кем белочка была убита,
И закричал ему сердито:
«Сдавайся, негодяй!» И тот,
Решив, что пегля его ждет,
Молил: «Мою семью большую
Попомнить, бургомистр, прошу я.
Я вам и белочку отдам.
Она, поди, сгодится вам,
Когда бы вы и ваша рать
Ее изволили принять!
В чем грех наш, что войной идете
На нас, когда мы на работе?
Из Эзенфельда мы, и там
Мы слуги верные властям».
Рать приняла такой оброк,
И ну трубить в коровий рог,
Что было знаком мира всем.
Погоню кончили меж тем,
И появились на поляне
В кусты сбежавшие крестьяне.
«Не видели ль, — спросили их, —

Военных — конных иль иных?»
«Нет, нет, — ответил дружный хор, —
Одни пришли мы в этот бор
Дровец на уголь нарубить,
Да белок вздумали ловить».
Люд городской в обратный след
Пустился, коль войны уж нет,
Но часть все ж не пошла домой,
Боясь насмешек над собой,
И дула пиво в погребках
До света в ближних деревнях.
А жены их тогда в печали
Промеж собою толковали —
Не сгинули ль мужья навек,
Не ждать ли им в дому калек...
Едва туман на землю пал,
Старейшин бургомистр созвал,
Чтобы на белку поглядеть.

Глядь, им и не о чем скорбеть!
И вскоре, веселы, они
Болтали, как и в оны дни,
А страха как и не бывало...
Когда ж немного рассветало,
И остальные все тайком
Пришли, ступив под кров молчком,
Да и не часто поминали
Про свой переполох и дале,
Что вызван белочкой лишь был.
Я стих тотчас о нем сложил,
Но не для чьей-нибудь обиды,
Повеселить имел я виды, —
Кто ж впрямь доказывать возьмется,
Что с ним такое ж не стрясется.
Тому примеры ведь бывали,
Что нечто, важное вначале,
К концу — всего пустяк смешной;
Гора рождает мышь порой,
Как это описал Эзоп.
На этом кончить должно, чтоб
Я недругов не наживал.
Вот что Ганс Сакс вам рассказал.

На Красной мельнице когда-то,
Не ведая нужды, богато
Достойный мельник жил один.
Был у него толковый сын.
Отец послал его учиться,
И сын, привыкший не лениться,
Постиг премудрость раньше срока.
Священник жил неподалеку,
Он был им родич и сосед.
И подал мельнику совет,
Чтоб мальчик продолжал ученье.
Ведь надо взять в соображенье,
Как ум его заблещет, коли
Поучится он в высшей школе.
Совету добрый мельник внял
И сына в Ингольштадт послал.
Приехал сын туда учиться —
К отцу спешит он обратиться
И денег выслать просит всё —
Нужны, мол, книги, то да се.
Юристом-де желает стать,
И начал право изучать,
И скоро доктор прав он будет,
Коль денег вдоволь раздобудет.
Три года — то немалый срок.
Отцу повиытряс кошелек.
Тот просит, чтобы сын явился,
Чтоб рассказал, чему учился,
Что выучил, и кем он стал,
И денежки куда девал.
Когда приехал сын домой,
Отец сказал ему: «Сын мой,
Ты покупал немало книг,
А ну-ка покажи мне их!»
И толстый том студент несет,
То codex, то законов свод.
Печать крупней в середине там,
Печать помельче по краям.
Вот мельник начал том листать
И видит разную печать.
Дивится этому отец
И сыну говорит: «Малец,

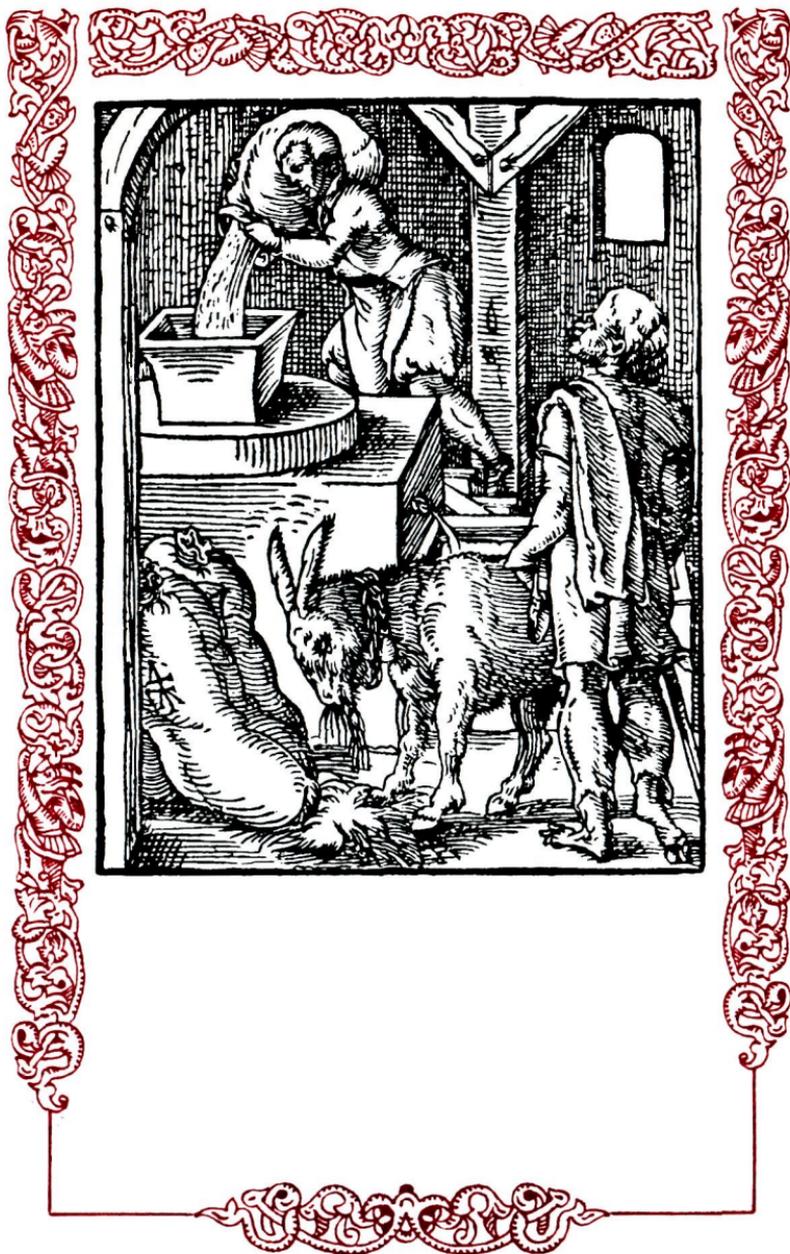
Так напечатано зачем?»
«Да ты пойми, отец, затем,
Что покрупней печать — закон,
Помельче — глоссы», — молвит он.
А мельник говорит: «Сынок,
Ведь я в латыни не знаток,
Про глоссы, для чего они,
Мне по-немецки объясни».
И сын сказал: «Сам текст — закон,
Что принят нами испокон,
Идет от древних он царей,
Судебник справедливый сей.
На каждый casus здесь статья,
И должен был по ней судья
Свой неподкупный править суд.
Но годы-то, отец, идут, —
И толкования ученых
Об этих набрались законах:
Как нужно право понимать,
Как ложь от правды отличать,
И, вечно споря меж собой,
Все объясняли вразнобой
Ученые. Их спор разросся.
Вот так, отец, сложилась глосса».
Доволен мельник не остался,
Но и перечить не пытался,
А только вымолвил: «Послушай,
Сынок, сегодня ты откушай
У дяди своего, ты ныне
С ним побеседуй по-латыни
О том, чему ты научился,
Что ты узнал, чего добился
И для чего, сыночек мой,
Мы деньги тратили с тобой».
Сынок ушел. Законов свод
Старик отец тотчас берет.
Ad marginem он по шнурку
Рубить стал мелкую строку,
Да и оттяпал топором
Все примечания кругом.
Он это дело ладно справил
И в целости закон оставил,
Как был он, точно по шнуру.
Домой вернувшись ввечеру,

Сын видит, что по всем углам
Теперь порхают глоссы там,
И, тем напуганный немало,
Взглянул он — что же с книгой стало?
И в страхе говорит: «Отец,
Что это значит наконец?
Затем меня услал ты в гости,
Чтоб портить книги мне со злости?»
Сказал отец: «Да глянь сначала!
Куда получше книга стала!
Отсек я — как ты не поймешь —
Одни лишь глоссы, только ложь,
Но правда, что в ней содержалась,
Смотри — нетронутой осталась!»
Студент ответил: «Но доход
Мне правда небольшой дает.
Без этих глосс я бы не смог
Сплести противнику силок,
Беру из этих сочинений
Я аргументы для прошений,
Мне эти маленькие строчки
Нужны как повод для отсрочки,
Чтоб и несправедное дело
В моих руках не прогорело.
Вот в чем, отец, мое искусство,
И в доме с ним не будет пусто.
Что правды добиваться зря?»
Вздыхнул тут мельник, говоря:
«Хоть прост наш деревенский люд,
Но прост зато у нас и суд.
Мы под открытым небом судим,
Чтобы все видно было людям.
Наш суд и справедлив и скор,
А крючкотворы приговор
Свой длинный сочиняют долго,
И мало правды в нем и толка.
Вы, стряпчие, нехороши,
В вас христианской нет души.
Я даже пфеннига, поверь,
Тебе, сынок, не дам теперь.
Как я, трудом теперь кормись.
С юриспруденцией простись,
Пока души не погубил».
К тому Ганс Сакс и шванк сложил.

ПОЧЕМУ КРЕСТЬЯНЕ
МЕЛЬНИКАМ НЕ ВЕРЯТ

Недавно мельник в разговоре
Спросил: «Откуда это горе,
Что мужики по деревням
На медный грош не верят нам,
За честных нас людей не чтут,
Хотя и в пользу всем наш труд?»
Ему сказал я: «Правда это.
Но вот послушайте: жил где-то
В Баварии однажды мельник,
Большой пройдоха и бездельник.
Себе две мерки из мешка
Он отсыпал исподтишка.
Мужик придет ли, хлебопек,
Он каждого обмерить мог.
Пошла налево и направо
Про мельника худая слава.
Был там в деревне мужичок.
Повез молоть он ржи мешок
И дал себе зарок такой:
Что с мельницы он ни ногой,
Пока зерно мукой не станет.
Его-то мельник не обманет!
Сел и с мешка не сводит глаз.
А мельник и смекнул как раз:
Он к мельничихе побежал,
Недолгий с ней совет держал.
Пришло на ум жене и мужу,
Как гостя выманить наружу.
Жена пусть дома посидит,
Когда же мельник закричит
С ручья, что протекал там близко:
«А ну, хватай скорее, киска!» —
Тогда совок возьмет жена,
Отсыплет из мешка зерна.
И не поможет мужику,
Что был, бедняга, начеку.
Вернулся муж, а тут с окошка
Спрыгнула мельникова кошка.
Мужик и хвалит: «Верно, ей
Хватает досыта мышей!»

Хозяин же ему в ответ:
«То не простая кошка, нет!
Она в ручье мне ловит рыб!»
«А показать вы мне могли б?»
Ответил мельник: «Что же, можно!»
Поймал он кошку осторожно,
Крестьянина к ручью повел,
Где место мелкое нашел,
Там, кошку ухватив рукой,
Ее он держит над водой
И ей кричит: «А ну, хватай-ка!»
Не стала мешкать тут хозяйка.
Бегом на мельницу и вот
Осьмину целую крадет.
«Хватай!» — вновь крикнул муженек.
Жена взяла еще совок.
А мельник в воду бросил кошку:
«Ленива нынче ты немножко,
Нам этак рыбки не поймать!»
Он с гостем воротился вспять,
У постава забегал снова,
И вскоре было все готово.
А стали наполнять мукой,
Мешок-то поверху пустой!
Сказал мужик: «Вот удивленье!
Коль не торчал бы здесь, как пень, я.
Поклялся бы, что тут покража,
А так и непонятно даже:
Должно быть, виноват умол».
«Вот-вот, разгадку ты нашел! —
Поддакнул мельник: — Так-то, брат,
Сам видишь, я не виноват,
Когда муки выходит мало.
Меня винить в том не пристало».
Так был обманут дуралей.
Слыхал не раз я от людей,
Как плутовал тот мельник гадкий.
Подъехал как-то на лошадке
Крестьянин. Спешась у ворот,
Мешок на землю он кладет.
Конягу привязав у тына,
Шагает к мельнице детина.
Войдя, кричит: «Эй, кто там есть?
Мне подсоби зерно донести!»

Его, конечно, мельник слышал.
Но промолчал, тихонько вышел,
Прокрался тихо к воротам,
Схватил мешок тяжелый там
И, пронеся его задами,
С другими положил мешками.
Потом его со всех сторон
Припорошил мукою он,
Сам в темноте улегся рядом,
Окинул гостя сонным взглядом
И, во весь рот зевнув, сказал:
«Да, нынче сладко я поспал!
А ты чего стоишь? В чем дело?»
«Жена зерно смолоть велела.
Будь другом, помоги с мешком!»
«Чего ж, пожалуй! Ну, пойдём!»
Идут, и видит мужичонка:
Ждет терпеливо лошаденка,
А вот мешка и след простыл.
Тут страх крестьянина хватил.
Бедняга ищет здесь и там,
А мельник ходит по пятам
И вместе с ним ругает вора.
Взмолился тут крестьянин скоро —
Ведь жен боятся мужики:
«Будь добр, ссуди мешок муки!
Должок на днях тебе отдам».
«Бери! Я рад помочь друзьям!»
Отправился простак в дорогу.
Но мельник все ж успел немного
Отсыпать из мешка зерна,
А долг потребовал сполна.
О плутнях мельника известно
В округе стало повсеместно,
И широко разнесся слух
Особенно об этих двух.
С тех пор крестьяне и боятся.
Они на мельников косятся
И говорят о них со злобой,
Что все больны одной хворобой.
Пускай их кто другой рассудит!
Обиды на меня не будет
Тогда за этот шванк от вас.
Таков вам Ганса Сакса сказ.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ
ЛЫСЫЕ МУЖЧИНЫ

Один вдовец меня просил,
Чтоб я подробно разъяснил,
Откуда лысые мужчины
Взялись и где тому причины.
Я много рассказней слышал,
Я и Римичия читал.
Мужчинам старым в назиданье
Оставил он повествованье:
Жил давней в Лейпциге порой
Один мужчина пожилой,
Вдовец пятидесяти лет;
Он был наполовину сед.
Но, несмотря на годы, он
Взял на беду зараз двух жен.
Одна была уже седа,
Другая — очень молода,
Но, к сожаленью, бедновата,
А старая была богата.
Вдвоем им тесно было жить,
Ведь каждая хотела быть
Всему хозяйкою, и в злобе
За это право грызлись обе,
А если в ссору муж вступал,
Одну из них он защищал.
А то порою дни бывали,
Что обе вместе нападали
На муженька; тогда уж он
Совсем терял покой и сон.
Старуха уши прожужжала,
Что он ее-де ценит мало,
Что он от бедности спасен,
Ее богатством вознесен.
Зато красотка молодая
К нему подлащивалась, зная,
Что старый муж в нее влюблен,
И что до ласки падок он,
И что за ласку будет рад
Ей новый подарить наряд.
Старуха мужу докучала
И вечно на него серчала,

Но все ж за ум взялась потом
И стала нежной с муженьком:
Его ласкала, ублажала,
Ему всечасно угождала
И подавала башмаки
Уж вовсе нраву вопреки!
Она теперь его ласкала
И кудри бережно чесала,
Но норовила так чесать,
Чтоб черный волос выдирать:
Дурить, мол, старый перестанет,
Коль седина заметней станет.
Тогда он будет мужем славным —
Ведь весел только равный с равным.
И вот старуха целый год
Знай черный волос рвет да рвет.
И так таскала их умело,
Что голова пооблысела
У мужа и он стал нежней
К старухе, сверстнице своей.
Тут молодая увидала,
Что муж ее ласкает мало,
Она смекнула без труда,
Что слишком с ним была горда,
И вот взялась она за дело
Разумно, ловко и умело.
Хоть кудри черные давно
Он потерял — не мудрено,
Что молодая угадала,
Зачем старуха их таскала:
Чтоб муженек был ей под стать
И с молодой не мог гулять.
Теперь красotka тоже стала
За ним ухаживать. Чесала
Прилежно волосы ему,
Меж тем один по одному
Все волоски седые ловко
Старалась выдергать плутовка,
Оставив черные, чтоб он
Был рядом с нею не смешон.
Так обе каждый божий день
Старались — не было им лень:
Таскала черные — седая,
Рвала седые — молодая,

И от любви обеих жен
Совсем волос лишился он.
И стал плешивым совершенно.
Все это он терпел смиренно,
Поскольку были с ним нежны,
Две очень добрые жены,
Любовно, нежно и душевно
Его лаская ежедневно.
Но, облысевши вовсе, он
Стал всем и каждому смешон,
И тут он только устыдился,
Что всех волос своих лишился,
И заказал себе чепец,
Чтоб смеху положить конец.
Меж тем молодка понесла
И мужу сына родила,
Но — вот так чудо-удивленье:
Сынок был лысым от рожденья!
Как это вышло, я не знаю,
Но в этом вас я заверяю,
И этот самый лысый сын
Стал предком лысых всех мужчин.

Мораль сей басни в двух словах:
Когда вдовец уже в годах,
Ему, конечно, не годится
Так опрометчиво жениться.
Жена богатая стара,
И от нее не жди добра,
Она всем домом управляет,
Всечасно мужем помыкает,
Все не по ней, она чудит
И день и ночь пилит-зудит.
Связавшись с бабою такой,
Забудешь счастье и покой.
А коль с молоденькой сойдешься,
Тогда и телом изведешься:
Ее балуй, ее одень,
Ходи с ней в гости всякий день
И ей в угоду беспрестанно
Знай выворачивай карманы.
Молодку иль старуху брать —
Волосья обе будут драть.
Вдовцу под старость не годится

Ни волочиться, ни жениться:
Вот и Петрарка славит тоже
Вдовцов спокойнейшее ложе.
Жениться пожилым не след —
Вот Ганса Сакса вам совет!

КУХАРКА-ЛАКОМКА

Давно когда-то, слышал я,
В Йоахимстале жил судья.
Он был радушный хлебосол,
И ждал гостей обильный стол.
Когда же не было друзей,
Он тучи делался мрачней.
Кухарка у него жила,
Прожорлива, хитра и зла.
Что ей по вкусу, то всегда
Она тащила без стыда,
Но прятала концы так ловко,
Что честно слыла воровка.
Хозяин доверял всему,
Что лгунья ни плела ему.
Случилось раз воскресным днем,
Судья наш встретился с послом
Из Лейпцига; он был с ним дружен
И пригласил его на ужин.
Потом служанке дал приказ
Двух петушков подать зараз.
И делом занялась кухарка.
Огонь в печи пылает жарко
На вертеле два петушка.
Они румянятся слегка.
Она ж то соком их польет,
То передвинет, повернет.
На диво удалась подлива.
Кухарка лижет торопливо.
«Отведать бы мясца немножко! —
Стряпуха открутила ножку,
Пихнула в глотку. — Благодать!
Ну, прямо пальцы облизать!»
Она, не убоясь греха,
И уписала петуха

Да за второго принялась,
Хозяйской кары не страшась.
Но съела лишь большой кусок,
А часть решила спрятать впрок:
Она взвалить все это дело
На серого кота хотела.
Тут вздумала хлебнуть она
И накалаась допьяна.
Звонок у входа слышен вдруг:
К судье явился в гости друг.
Багрова от вина лицом,
Она его впустила в дом
И гостю на вопрос учтивый
Сказала: «Вовремя пришли вы.
Хозяин выйдет к вам сейчас:
Он дома, поджидает вас!
Вы слышите, как нож он точит?
Он уши вам отрезать хочет,
За ужин посадив с собой:
Обычай у него такой!
Да вот, всего на той неделе
С послем из Ульма посидели
Они за ужином вдвоем.
Гость был доволен, а потом —
Раз-два! — остался без ушей,
Как ни молил судью. Скорей
Он убежал, от боли воя.
Вот дело, видите, какое!»
В смятенье говорит посол:
«У вас не сяду я за стол.
Я вам по совести скажу,
Что я ушами дорожу.
Я не привык к подобным штукам!»
И с лестницы сбежал со стуком.
Судья и вправду нож точил.
Тут он на кухню поспешил
И говорит, взглянув кругом:
«Что тут за грохот на весь дом?»
Ловка обжора на обман,
Не лезет за словом в карман
И молвит: «Гость ваш приходил,
Птиц мигом с вертела схватил
И тут же с лестницы бегом,
Забыв закрыть и двери в дом.

Уж я ему вослед кричала,
Да только проку было мало».
Уверила судью обжора,
И он посла почел за вора.
Но гостю вслед кричит: «Постой!
Давай поделимся с тобой!»
Хотел тем самым он сказать,
Что петуха любого взять
Он предлагает, но посол
Напуган был и очень зол.
А тут, увидев нож к тому же,
Пустился скоком через лужи.
Не мог он знать про петухов
И думал, что судья готов
Из двух ушей отсечь одно,
Другое ж будет спасено.
Однако кончить дело так
Мог согласиться лишь дурак.
Он крикнул: «Вы понять должны,
Что оба очень мне нужны!»
Тогда судья побрел обратно,
Дивясь, зачем так непонятно
Его приятель надурил:
Для шутки петухов стащил.
Хотя был к ужину и зван,
Он, верно, в дом явился пьян.
Гость тоже удивлен весьма.
Никак судья сошел с ума?
Гостей калечить — вот разбой!
Нет, в этот дом он ни ногой!
Так эта тварь себя спасла,
С судьей рассоривши посла.
Не получая разъясненья,
Остались оба в заблужденье.
Доверчивых легко надуть!

Понять не трудно шванка суть.
Коль в дом служанка к вам пришла,
Как та, что у судьи жила,
И воровата и хитра,
Не ждите от нее добра.
Она обед вам подает,
А за спиной у вас крадет.
Кругом обман, куда ни глянь.

Гоните же такую дрянь,
А чтобы не пришла назад,
Поддайте дверью ей под зад.
Коль мех не стоит и гроша,
Не будет шуба хороша!
Так пресекайте в корне вред! —
Вот Ганса Сакса вам совет.

ЧЕРТ С ИНДУЛЬГЕНЦИЕЙ

Про «смех и грех» написан том.
Нам Паули поведал в нем:
На праздник в Рим спешил народ
Из разных стран. То было в год,
Когда, свершив свой славный бег,
Пятнадцатый кончался век.
Средь путников других — в пыли —
Из Аугсбурга два шваба шли.
Их из дому пустилось двое,
Не находя душе покоя.
Один — богатый человек,
Другой же бедствовал весь век.
Ростовщиком был тот богач,
Лихву взимал, да так, что плачь.
Двенадцать со ста дай ему,
Не уплатил — садись в тюрьму!
Вино, овес и рожь скупал,
К себе в амбары запирал
И, придержав товар, глядишь,
Двойной выгадывал барыш.
Монеты, опилив кругом,
Расплющивал их молотком.
Он брался за любое дело,
Коль от него мощна толстела.
Вот почему хотел он в Рим
Пойти, чтоб там грехам своим
Найти навеки отпущенье.
А бедняка он в услуженье
С собою взял. Тот рядом жил
И тоже много нагрешил.
К труду питал он сроду страх,
Сидел до ночи в кабаках

С приятелями за вином
Да в кости резался притсм.
Проигрывал почти всегда
И черта поминал тогда.
А дома бил жену, детей,
В долгах завяз он до ушей.
Заимодавцы каждый день
За ним ходили, словно тень.
Тащил, во рвении неистов,
Всю утварь из жилища пристав.
Пьянчуге это нипочем —
Он в Рим собрался с богачом.
Тот важно восседал в седле,
А бедный плелся по земле.
По окончании пути
Им нужно было кров найти.
Богач в гостиницу вселился,
Бедняк в лачуге приютился.
Назавтра аугсбургцы с утра
Отправились в собор Петра.
Там индульгенций прямо кучи:
Сам выбирай, какая лучше.
У бедняка карман пустой,
И не купил он никакой,
Но исповедался монаху.
Тот, не раздумывая, с маху
Его очистил от грехов.
«Эх, если б так и от долгов!
Понятней было бы тогда,
Что я не зря пришел сюда».
Наш греховодник был из тех,
Кому и в церкви только смех.
Иначе поступил богатый:
Он выложил на стол дукаты
И грамоту унес с собой,
Где возвещал отец святой
На все земное бытие
Ему прощение свое.
Когда ж начнется жизнь иная,
Ему врата отверзнут рая.
Теперь, святой покинув град,
Они отправились назад:
Богатый на коне верхом,
Бедняк — у стремени — пешком.

Бесстыдно хвастал богатей
При бедном грамотой своей.
Грехи — пустяк, он с нею, мол,
Бессмертье в небесах обрел.
Известно всем вам изречение:
«Кто ищет в Риме отпущенья,
Приходит без гроша домой
С такой же черною душой».
Еще жадней богатый стал.
Где мог, он бедных притеснял.
Но и бедняк спешил свернуть
На прежний свой порочный путь.
Завел друзей таких, как сам,
Шатался с ними по ночам
И долгий коротал досуг
Средь богохульников, пьянчуг.
Он сквернословил, пил и жрал,
Буянил и в канавах спал.
И вот случилось вскоре так,
Что занедужил наш бедняк.
Лежал он, совестью томим,
Когда явилась смерть за ним.
Душа несчастная из тела
В ад без задержки полетела.
Настал и богатею срок.
Он тоже тяжело занемог.
Скончался вскорости и он,
С творцом своим не примирен.
И так как он грешил без меры,
Был ввергнут в адские пещеры.
И там бедняк его узнал.
«Да как же в пекло ты попал?
Я помню грамоту твою.
Так отчего ж ты не в раю?
Открыт был доступ папской властью
Тебе к бессмертию и счастью,
И Петр был должен, рад не рад,
Тебя впустить в небесный град».
Богач сказал: «В час смертный мой
Лежала грамота со мной.
Но лишь мои затихли стоны,
Явился черт, но неученный.
Он грамоту прочесть не мог
И в ад меня с ней поволок.

Печать от жара потекла,
Сгорела грамота дотла.
И вот я волею господней
Остаться должен в преисподней.
Зачем я бога не молил,
Чтоб он грехи мои простил?
Ведь кровь за нас отдав, Христос
Нам искупление принес.
Кто скверные дела бросает,
На грамоты не уповает.
Исправься я, удел иной
Господь послал бы мне. Покой
Вкушал бы мирно я в земле,
А не варился здесь в котле!
Над нами смилуйся, о боже! »
Желает вам Ганс Сакс того же.

ОТШЕЛЬНИК
И КУВШИН С МЕДОМ

Прочел я в древней книге ныне:
Один отшельник не в пустыне
Жил, как обычно, а в лесах,
Всегда в молитвах и постах.
Повадился он с давних пор
Ходить на королевский двор
Как раз к обеденным часам...
Его кормили сытно там:
То калача с собой давали,
То мед в стаканчик наливали.
Вот этак с полной сумой
Отшельник шествовал домой.
И в благодарность он премного
Хвалил и короля и бога,
Но мед свой очень скупно ел
Среди благочестивых дел.
Сей мед в кувшин он выливал,
Над ложем тот кувшин стоял
И полон меду был всегда.
Вот так спокойно шли года...
Вдруг выдался тяжелый год:
То дождь с грозой, то град сечет,

Неурожай для многих сел,
Погибло в ульях много пчел,
Глядишь, и меду нет в стране
И сразу вырос он в цене.
Отшельник как-то раз лежал,
Кувшин над ложем созерцал
Довольно тупо и уныло,
Но вдруг его как осенило,
И сразу в нем вся кровь разыграла
И сердце так возликовало:
«В кувшине-то до края мед,
Продам его в голодный год,
И мне дадут червонцев пять.
Овечек стану покупать,
А наберу до десяти,
Так стану их в лесу пасти,
А год пройдет — я вновь богат:
Ведь овцы принесут ягнят.
Уже их будет не десяток,
А двадцать ярок и ягняток.
Еще годок — их станет сорок,
А жир бараний очень дорог...
Лет через десять, наконец,
Здесь будет тысяча овец.
Потом овечек я налажу
Из той отары на продажу,
Куплю коровушек, коней,
Найду и девок и парней,
Потом куплю себе землю
Под рожь, гречиху и пшеницу,
А овцы мне дадут легко
И шерсть, и сыр, и молоко.
И птицею обзаведусь я:
Индюшки, куры, утки, гуси...
Да, стоит только захотеть,
Труд не велик — разбогатеть!
Пройдет еще семь-восемь лет,
И вот — меня богаче нет!
Отменный дом себе построю
И в платье модного покрою
Защеголяю, и жена
Для грешной плоти мне нужна,
Да чтоб была красивой, славной
И знатною, и благонравной.

С ней буду жить я мирно, дружно,
А дальше и сынка бы нужно...
Ах, боже, радость-то какая!
Его я строго воспитаю:
Еще в младенческих летах
Внушу мораль и к богу страх,
Искусства преподам, науки,
Чтоб вырос мастер на все руки
И настоящий человек!
И этот сын на целый век
Продлит в потомстве весь мой род,
И наше имя процветет!
Он будет на меня похож,
Весьма приятен и пригож,
И будет за его дела
И после смерти мне хвала!
Все это так, а если он
Не будет слушаться с пелен,
В мои уроки не вникая
И назиданьям не внимая,
А дальше в юности шальной
Впадет в разврат и блуд сплошной,
От добродетели далек...
Ну что ж, тогда я буду строг
И заведу с ним разговор,
Как стыд, бесчестье и позор
Доводят грешного юнца
Порой до страшного конца.
Примеры на глазах у нас:
Как божий гнев в зловецкий час
Разит распутников, как гром...
А ежели с таким сынком
По-прежнему не будет сладу
И он, минуя все преграды,
Презрит мои нравоученья,
Окажет неповиновенье
И будет жить в разврате скверном,
В бесстыдстве и грехе безмерном,
Тогда расправы он дождется:
Мой посох по нему пройдет! »
Тут посох свой схватил он в руку,
Чтоб сыну преподать науку,
Решив примериться слегка,
Как станет он лупить сынка...

И ярость затаив и злобу,
Хотел на ложе сделать пробу,
Как сыну он прочешет спину...
Да двинул с маху по кувшину!
И вот кувшин разбит в куски,
Летят на землю черепки,
Струя янтарная бежит,
И липким медом он облит.
С трудом соскреб он мед с постели
И сам отмылся еле-еле...
Так потерпел он полный крах
В своих надеждах и мечтах!

Мудрец оставил в назиданье
Нам это древнее сказанье,
Чтоб были трезвы наши мненья,
Чтоб разум, чувство, настроенье
Мы от земли не отвлекали
И в горных высях не витали.
Все вещи суетные эти
Мы часто видим в ложном свете...
Надежды наши и стремленья —
Порою только ослепленье!
И нас ведет мечты полет
Не к цели, а наоборот.
И вместо денег — нищета,
А вместо чести — клевета,
И вместо радости — печаль...
Вот тут себя и станет жаль.
Все человеческие планы
Без бога — зыбкие туманы,
Когда помочь не хочет бог,
Любой наш план, бесспорно, плох.
Нас учит мудрый Соломон:
Слаб человек, и верит он
В надежную опору — бога,
И благо — мало или много —
Из божьих рук он получает,
Сам блага он не созидает.
Мы будем на земле кружиться,
Покуда жизнь земная длится,
Дух ввысь влечет нас от земли,
А плоть томит в земной пыли,
Пока в могиле не истлела...

Сначала умирает тело,
Затем от смерти вновь очнется
И вместе с духом вознесется,
Чтоб в жизни вечной воссиять...
Вот что Ганс Сакс хотел сказать!

ПОМЕЩИК И МОНАХ

В горах один помещик жил;
Свое добро он просадил
На кости, пьянство и разврат
И к старости стал небогат.
Надумал ехать, ан и нет
Ни лошаденки, ни монет.
Он в город по делам спешил,
Так поневоле затрусил
И на своих двоих. Туда
Поспел он к ночи без труда.
Трактирщик сразу же заметил
Его убожество и встретил
Не шибко вежливо — ну что ж?
С почтенья шубу не сошьешь!
Но вслед за ним приехал тоже
Монах дородный, краснорожий.
И на ночлег в трактире том.
Остановился он с конем.
Конь у монаха вороной,
С полсотни талеров ценой,
И зарился не без причин
На эту лошадь дворянин.
Мол, кабы мне скакун достался,
Уж я бы славно покатался,
Как подобает! Горько мне,
Что вот на эдаком коне
Монах гарцует шелудивый!
А конь-то, конь какой красивый!
Помещик размышлял всю ночь,
Как делу этому помочь.
Он встал, когда чуть-чуть светало,
И завернулся в одеяло,
И подпоясался потом,
Как нищий странничек, лычком.
Он бороденку растрепал,

В нее соломы напихал,
А ноги обмотал тряпицей,
Как будто гной из них сочится,
И, взяв с собой два костыля,
Заковылял через поля
В лесок: монах ведь, вероятно,
Поедет через лес обратно
К себе на родину один.
И вот лукавый дворянин
На ель закинул костыли
И у дороги лег в пыли.
Когда ж монаха увидал —
И закричал, и застонал,
И, к милосердию взывая,
Рыдая, руки воздевая,
Монаха начал умолять
Те костыли ему достать:
Ландскнехт его-де наземь кинул
И костыли на ель закинул.
«Что делать мне без костылей!
О добрый странник! Пожалей!»
Монах, растроганный пройдохой,
Сказал: «Ну погоди, не охай!»
Коня он к дереву ведет,
Поводья старцу подает.
Монах на дерево взобрался,
А дворянин к коню подкрался,
Вскочил и прочь, что было сил,
И костыли свои забыл!
Монах кричит ему: «Куда ты!
Коня украл ты, плут проклятый!»
А тот в ответ: «Конечно, так!
А костыли возьми, дурак,
И ковыляй во славу божью!»
Монах, взбешенный этой ложью,
Метался, злился, завывал
И даже черта призывал.
Зарекся нищим доверять,
Они-де всем плутам под стать!
И, проклиная козни их,
Поехал на своих двоих.

Из шванка явствует одно:
Хоть это было и давно,

Однако же и в наше время
Случиться может так со всеми,
А в Бамберге и не один
Такой найдется дворянин,
Который горд происхождением,
Но шибко не богат именем,
И богачи такие есть,
Которым неизвестна честь.
Но благородных все же много,
Блюдущих честь и веру строго,
Они насилий не чинят
И чванства в сердце не таят,
Они-то пусть и процветают —
Ганс Сакс им этого желает!

КОРОЛЕВИЧ И НЕЧИСТАЯ СИЛА

Астипул говорит, что встарь
Жил в Свейских землях государь,
Король Халдан, суровых правил,
И государством мудро правил.
Он воевал всегда счастливо,
Супругой обладал красивой,
Но, хоть весьма того хотел,
Он долго сына не имел.
Все ж королева понесла
И мужу сына родила,
Чему король был очень рад, —
Тут веселился стар и млад.
Король велел костры палить,
Чтобы наследника почтить.

Однако эту новость вскоре
Внезапно омрачило горе:
Придворный звездочет узнал
Из вычислений и зеркал
И предсказал отцу, что сразу
Ослепнет сын на оба глаза,
Коль до двенадцати лет
Увидит солнца полный свет.
Король был очень удручен,
Но по совету мудрых он

Решился горю пособить:
В пещеру сына поместить
И воспитать во тьме ночей
При свете восковых свечей.

Под наблюдением мудрецов,
Двух седовласых стариков,
В пещере рос да рос ребенок.
Когда ж он вышел из пеленок,
С ним те же двое старцев были,
И королевича учили
Они и чтенью и письму
В тиши, и незнаком ему
Был целый мир до этих пор
И королевский пышный двор.
Он ездить не умел верхом,
Он острым не владел мечом,
Он не охотился в лесах,
Не пировал он на пирах,
На звонкой лютне не играл
И отродясь не танцевал.

Вдали от света отрок рос,
Но все же задавал вопрос
Своим учителям не раз:
«Да есть ли люди, кроме нас?
Еще-то где-нибудь живут?
Да как мы появились тут?
Ужель гора нас родила!»
А старцев оторопь брала,
И мудрецы давались диву
Какой у мальчика ум пытливый,
Но взаперти его томили
И долго от него таили
Всю истину про белый свет.

Но вот прошло двенадцать лет.
Король велел без долгих слов
За сыном отрядить послов
И привезти его с музыкой,
С весельем, с почестью великой
Из тьмы пещеры в край привольный
В свой Копенгаген, город стольный.
Повел он сына в тронный зал

И горделиво показал
Ему бессчетное добро —
Казну, и злато, и серебро.
Дивился отрок потому,
Что внове было все ему, —
Он странным многое почел.
Затем король его повел
Поллюбоваться скакунами,
Своими добрыми конями,
А там и в замок за собою,
Чтобы увидеть все покои,
Все королевские палаты,
Что разукрашены богато,
Резьбу по стенам, и на них
Вещей немало дорогих, —
Щиты, рога, гербы, картины.

Дошли до женской половины.
Там было много дев прекрасных
В нарядах шелковых, атласных,
И, показав на них перстом,
Внезапно сын спросил потом
Родителя: «А что такое
Теперь мы видим пред собою?»
Король ответил: «Сын мой, это
То, что глаза лишает света,
Что все мужчины проклинают,
Нечистой силой называют».

Повел он сына в арсенал,
Там ружья, пушки показал,
Все погреба пороховые
И все запасы боевые,
Потребные, чтоб воевать,
Страну и крепость защищать.
Все показав ему, отец
Спросил у сына наконец:
«Мой сын, из всех богатств державы
Что более тебе по нраву?»
И сын проворно отвечал:
«Ах, батюшка, я все узнал,
Но мне всего милее было
Нечистую увидеть силу!»
Смех обуял придворных тут.

Из этой басни все поймут:
Гони природу, — все равно
Войдет не в двери, так в окно!
Сию природу в нашу плоть
С рожденья вкоренил господь:
До гроба к женам оттого
Влечет мужское естество.
Не стало бы без вождельенья
Земному животу продленья!
Так пусть же род людской живет,
О чем Ганс Сакс и речь ведет.

СЕРДОВОЛЬНЫЕ ДВОРЯНЕ

Во Франкфурте сей случай был:
Злодея суд приговорил
К позорной казни, ибо он
Был в преступленьях уличен.
Преступник этот молодой
Был строен и хорош собой,
По-благородному держался,
В парчу да бархат наряжался,
Но был он вором из воров,
Да и разбойничать здоров,
И город, денег не жалея,
Поимку оплатил злодея.
Теперь на казнь его вели,
За ним толпою люди шли
И сожалели все согласно,
Что судьи чересчур пристрастны.
Когда на суд его вели,
На постоялый двор зашли,
Где самых разных княжеств знать
В тот день собралась обсуждать
С франконской знатью соглашенья.
Во всех дворянах сожаленье
Злодей-красавчик возбудил,
Когда он мимо проходил.
«Как молод! Бог ему прости!
Ему ведь нет и двадцати!
А что за взгляд! Осанка! Статья!»
Вконец разжалобилась знать.

И в ратушу они прошение
Составили о снисхожденье
К сему преступнику: ведь он
И молод и не умудрен!
Пусть бургомистр окажет милость,
Чтоб злая казнь не совершилась,
Чтоб меч красавца не сразил...
Их бургомистр в ответ спросил:
«Да знаете ль вы, господа,
Что привело его сюда?
За что сей юноша караем?
Дворяне молвили: «Не знаем.
Но молод он, красив лицом
И сострадание в любом
Из нас невольно вызывает».
Тут бургомистр им отвечает:
«Так знайте: мы не так уж строги:
Разбойник он с большой дороги.
Он с шайкой дерзких молодцов
Проезжих обирал купцов,
Он бед немало натворил
И этой казни заслужил;
Но просьбу вашу мы уважим
И вам, конечно, не откажем;
Вас чтим мы купно, посему
В сей раз даруем жизнь ему
И шайке всей, но, господа,
Пусть он покинет навсегда
Наш край и никогда не тцится
В наш мирный город возвратиться!»
Дворяне это услышали,
Смутились и внезапно стали
Вести иную речь: «Позор!
Так этот парень просто вор!
Купцов он грабил, и притом
Дворянской крови нету в нем!
Мы раньше этого не знали!
Мы зря ходатайство писали!
Пускай ведут его казнить:
Ведь мыслимо ли допустить,
Чтобы батрак разбоем жил
И перед господом грешил!
Купцов ведь тоже грабить грех:
Одним дворянам без помех

В карман купеческий под стать
Глаза и руки запускать!
На то дворяне — власть имущие
И это дело — им присущее! »
Засим дворяне сердобольные
В конце концов ушли довольные.

А в заключение скажем так:
Баварец, шваб — пусть знает всяк,
Пускай ликует все купечество:
Дороги нашего отечества
Очищены от шаек злых,
Злодеев нет в лесах густых!
Дворянам вовсе не под стать
Делам разбойным потакать;
Будь вор и рыцарского роду,
Нельзя давать ему свободу!
Зато купцам теперь легко:
Товары возят далеко —
И по горам и по долам, —
А прежде грабили их там!
Когда по улице идешь
И в шапке золото несешь,
Коль золота никто не видит —
Никто напрасно не обидит.
Но осторожней будь, простак, —
Ганс Сакс подсказывает так!

ТРИ ВОРА НА КРЫШЕ

Есть много старых, мудрых книг.
Написано в одной из них
О том, как ночью за добычей
Три вора, — их таков обычай, —
Отправившись в богатый дом,
На крышу забрались тайком,
Чтоб сквозь окошко слуховое
Попасть к хозяину в покои.
Но богачу — и сон не в сон!
Проснувшись, потихоньку он
Шепнул жене: «Шаги я слышу!»

То воры влезли к нам на крышу!
Но я не дам нас обокрасть.
Вдвоем мы отведем напасть.
Но только приложи старанье
Мое исполнить приказанье:
Ты говорить должна со мной
Погромче, будто я глухой;
Упрашивай волшбу открыть,
Которой смог я раздобыть
Все, чем сегодня я владею.
Увидишь, удерут злодеи.
Я им такой задам урок,
Что кража будет им не впрок».
Тут, замирая от испуга,
Спросила богача супруга:
«Ты мне поведай, муженек,
Какой колдун тебе помог
Такое изготовить средство,
Чтобы, не получив наследства
И не томя себя трудом,
Приобрести богатый дом?»
Богач жене ответил строго:
«Не нужно знать тебе так много!
Ты, как примерная жена,
И тем довольна быть должна,
Что я, имея денег вволю,
В чести держу тебя и холю.
Вдруг нас подслушают? Беда!
Что будем делать мы тогда?»
Жена, послушная приказу,
Твердит: «Ведь я тебя и разу,
Голубчик мой, не подвела!
Доверь же мне свои дела!
Не из болтливых я, ты знаешь,
Все спят кругом. Ты обижаешь
Меня, и я лишаюсь сна,
А я во всем тебе верна».
«Хотя с супругою на ложе
Делиться тайнами негоже,
Но, коль клянешься ты молчать,
Тебе решусь я рассказать,
Чтоб не лишать тебя покоя,
Про это средство колдовское.
Знай: все свое добро и дом

Добыл я ловким воровством! »
Жена тогда и восклицает:
«Меня изрядно удивляет
Одно — никто до этих пор
Не догадался, что ты вор!
Для всех ты человек почтенный,
Ты славен честностью отменной,
И как сумел ты столько лет
Обманывать весь белый свет?»
«Ну что ж, для опытного вора, —
Ответил муж, — в том нет укора!
Я так всегда старался красть,
Чтобы в ловушку не попасть».
«Но все же, как ты умудрялся?»
«На промысел я отправлялся
Тогда, когда в тиши ночной
Весь город освещен луной;
Тихонько, как крадутся мыши,
Взбирался на чужие крыши
И мог в окошко разглядеть
То, чем хотел я завладеть.
Затем, — во всем нужна сноровка,
Я на чердак спускался ловко,
Сказав: Зюлём, зюлём, зюлём,
Луна поможет мне во всём!»
Так мог, произнеся заклятье,
Свой замысел осуществлять я
И в дом — хвалиться не хочу —
Съезжал по лунном лучу!
Послушны заклинанья силе,
Лучи луны меня вводили
Туда, где в сундуках лежит
То, чем хозяин дорожит.
Затем умелыми руками
Легко справлялся я с замками
И, вдоволь нахватав добра,
Решал, что уходить пора.
Тогда на небо глядя снова
Заветное шептал я слово
И, ясным месяцем ведом,
Спокойно покидал тот дом.
Вот так, жена, все эти годы
Я умножал свои доходы.
Спи! Способ мой тебе открыт!» —

И захрапел, как будто спит.
К супружескому разговору
Прислушивались жадно воры...
Теперь — прощай навеки страх:
Залог богатства в их руках!
Скорей бы только им дождаться,
Когда в доме угомонятся.
За дело взяться каждый рад.
Теперь-то им сам черт не брат!
Решили воры, как умели,
Проверить сразу же на деле
Искусство управлять лучом.
Не размышляя ни о чем,
Тут первый вор, твердя заклатья,
Хватает лунный луч в объятья,
И только хочет сесть верхом,
Летит в окошко кувырком.
Расшибся он, кряхтит, вздыхает...
На шум хозяин прибегает
С колом увесистым в руке.
Крича: «Кто здесь, на чердаке?»
Он палкой потчует ворюгу.
А тот бормочет с перепугу:
«Здесь тот, кто, слаб умом своим,
Поверил рассказням чужим,
Поживой легкой соблазнился
И вот как тяжело поплатился».

Я думаю, что всякий смог
Из этого извлечь урок:
Не надо верить без разбору
Услышанному разговору.
В иных речах и смысла нет;
Их слушать никому не след.
А есть такие суеверы,
Что верят безо всякой меры
Любой брехне, была б она
Для них занята да складна.
Того ж, кто слушать вздор не станет,
И плут не так легко обманет.
Итак, словам не всяким верь.
Ганс Сакс же помолчит теперь.

Жил в Страсбурге один портной,
 И был он мастер недурной.
 Заказчиков имел он тьму,
 Валила валом знать к нему,
 Чтобы придворный сшить наряд,
 И стал портной весьма богат.
 Вот как-то выпил он разок,
 Да так, что заболел и слег
 И уж призвал к себе врачей,
 О смерти думая своей.
 Но раз в четверг, во тьме ночной,
 Явился черт к нему домой,
 Как уголь черен и лохмат,
 И как огонь глаза горят.
 Не в шутку оробел портной.
 Нечистый флаг принес с собой —
 Четыре локтя в ширину,
 Локтей до тридцати в длину.
 Портного этот флаг страшит,
 Из лоскутов он состоит,
 И в нем портного видит глаз
 Шелк, бархат, кисею, атлас,
 Камлот, и саржу, и сатин,
 Плис, чесучу и кармазин,
 Там есть сукно, там есть тафта,
 Там всевозможные цвета —
 Зеленый, желтый и лиловый,
 Лазурный, черный и багровый,
 Все, что портной когда-нибудь
 Смог у заказчиков стянуть.
 Увидев этот флаг цветной,
 Со страху завопил портной,
 Себе он в волосы вцепился,
 А сам к стене оборотился,
 И все же дьявольская сила
 В него безумие вселила.
 Тут настежь распахнулись двери,
 И прибежали подмастерья
 Его кропить святой водой,
 Да все вопил он, как шальной.
 Но сгинул тут лукавый бес,
 А вместе с ним и флаг исчез.

Тогда портному полегчало,
И стал он с самого начала
Рассказывать, как черт предстал
Ему, как черт его терзал
И в адское тащил уж пламя,
Про флаг, пестревший лоскутами,
Которые, приняв заказ,
Себе он прятал про запас,
«И так тогда мне жутко стало,
Что вся душа затрепетала,
А потому прошу, друзья,
Когда кроить вновь буду я,
Вы, о моем заботясь благе,
Напоминайте мне о флаге.
Пусть мне напоминает он,
Какой был грех мной совершен,
Дабы я в новых не погряз!»
С тех пор портному всякий раз,
Когда кроить он брался платье,
О флаге кстати и некстати
Напомнить силился любой,
За что благодарил портной.
Так больше месяца продлилось.
И как-то раз ему случилось
Кроить парчу одной дворянке.
Вновь подмастерья и служанки
Ему напомнили про флаг,
Но им портной ответил так:
«Я не забыл про это знамя
С его различными цветами,
Но нет в нем ткани золотой,
Хочу я флаг украсить мой!
Туда прибавить я хочу
И эту яркую парчу».
Парчу он режет пополам
И шепчет: «Вот на счастье нам!»
И стибрил полкуска портной.
И с той поры — и страх долой.
Стал жить, как прежде он живал:
Охулки на руки не клал,
Но был болезнью поражен,
От коей и скончался он.
Предстал он пред вратами рая
И постучался, замерзая,

Петр спрашивает: «Кто такой?»
Он отвечает: «Я портной!»
А Петр сказал ему сурово:
«Здесь нет ни одного портного,
Им уготован только ад,
Где и сапожники горят».
«Ах, сжался над судьбой моею,
Иначе я обледенею,
Меня мороз одолевает,
И на зуб зуб не попадает,
Впусти меня! Куда мне деться!
Дай мне в раю хоть отогреться!
За печкой посижу у бога
И пропотею хоть немного,
Не помешаю никому».
И Петр врата открыл ему.
Святой его стенаньям внял,
Портному он согреться дал.
Тот поспешил на печку влезть.
Меж тем дошла до неба весть,
Что некий дряхлый патер вдруг
Всевышнему свой предал дух.
И с неба за его душой,
Безгрешной, чистой и святой,
К себе призвавшей божество,
Господь и ангелы его
Сошли в Фильсхоффен. Между тем
Портной почти уже совсем
Слез с печки, разглядеть желая,
На небе жизнь идет какая.
Пробравшись на господен трон,
На землю взгляд бросает он
И видит через облака,
Где жизнь трудна и где легка.
Все то, что на земле творилось,
Мгновенно перед ним открылось.
Тотчас же разглядел портной
И бедность женщины одной,
Она детишек и свое
В заплатках вешала белье.
Портному с неба видно стало,
Как тряпку у нее украли
Богатая и скрылась было.
Портного это рассердило.

Он взял скамеечку ножную
И в эту женщину дурную
Ее швырнул что было сил,
И прямо в цель он угодил.
Воровка так была помята,
Что стала навсегда горбата.
Когда всевышний воротился,
Портной за печкою укрылся,
Но, сев на трон, заметил бог,
Что нет скамеечки для ног.
Спросил он ключаря святого,
И тот поведал про портного,
Который был виной всему,
И прочь велел идти ему.
Портной пред господом предстал
И вновь трястись от страха стал.
Он рассказал, как было дело:
«Богачка у вдовы хотела
Украсть тряпицу из белья.
Тогда и рассердился я,
В нее скамеечкой пустил
И тем за кражу отомстил.
Не мог сдержать я возмущенья,
За что теперь прошу прощенья».
Бог молвил: «Эх, портной, портной!
Скажи, а если бы с тобой,
Когда тащил ты у людей,
Я обходился б, как ты с ней?
В твоём бы доме сохраниться
Не довелось и черепице,
Не уцелело б кирпича,
Когда бы мстил я сгоряча.
Горбатым был бы ты, убогим,
Калекой был бы кривоногим,
На костылях бы ковылял, —
Немало ты наворовал.
Она же менее повинна,
За что ж ты так ее, дубина?»

Итак, здесь шванку окончанье.
Мы видим в нем иносказанье,
И черт, портной и страшный флаг
Должны быть поняты здесь так:
Рад каждый, коль пришла беда,

Стать праведником навсегда.
Но чуть беду стяхнет он с плеч,
Как вновь соблазны будут влечь.
А если бы порок такой
Вдруг обнаружил кто другой,
Уж он, пожалуй, раньше всех
Кричать бы стал, что это грех,
Хотя, коль в душу бы он сам
Взглянул себе, то, верно, там
Нашел немало бы такого,
Что осуждает у другого.
Ведь сам же втайне то творит,
О чем на людях говорит
Он осуждения слова.
Не лучше ль было бы сперва
Бревно из глаза самому
Извлечь, тогда бы и ему
Судить других. Тогда б он мог
В глазу у ближнего сучок
Заметить и, чтоб зло пресечь,
Помог бы и сучок извлечь.
Не столь уж хороши мы сами,
Чтоб укорять других грехами.
Без низкой злобы, право слово,
Нам надобно учить другого,
И лучше тот сумеет стать,
Что и хотел Ганс Сакс сказать.

МАТВЕЙ ОСТАТОК
И ГОРОХОВОЕ ПОЛЕ

Жил во Франкони священник,
Служил в одной из деревенок.
Хитрец, пройдоха, плут, смутьян,
Морочить он умел крестьян.
Водилась вот за ним какая
Привычка: проповедь кончая,
Он заключал ее словами:
«Ну, чада! Мир господень с вами!
Внемлите, и пойдете все гладко —
В рай все войдете без остатка».

Так проповедь он завершал
И прихожан благословлял,
А после с кафедры спускался
И за обедню принимался.
В деревне той, в одной из хаток
Жил мужичок Матвей Остаток.
Он пентюх был и дурачина.
Всегда его брала кручина,
Что поп селянам рай сулит,
А он, Остаток, позабыт.
К попу направился чужак
И с перепугу начал так:
«Вы мне уж растолкуйте, отче,
Чем грешен я. Нет, право, мочи,
Что я, да еще в воскресенье,
Лишаюсь райского спасенья».
Поп молвил: «Что это за бредни?»
Остаток молвил: «До обедни
Как проповедь вы говорите,
Так всем мирянам рай сулите,
Всему приходу — только мне,
Остатку, и гореть в огне.
Уж очень это мне обидно,
Да и перед народом стыдно».
Приметил поп, что глуп мужик,
И отвечает в тот же миг:
«Матвей! Смекни-ка! Дело плохо!
Осьмину целую гороха
Из прихожан мне каждый дал,
Чтоб всем им рай я обещал,
Но без тебя. Вот в чем причина».
Матвей, домой отправясь чинно,
С осьминою к попу вернулся.
Тот втихомолку усмехнулся,
Сказав: «Теперь и ты, Матвей,
Не хуже остальных людей».
Остаток слушал в воскресенье
Всю проповедь без огорченья,
Раз поп сказал: «Внемлите, чада,
И будет вам в раю награда,
Там и Остатку с вами быть!»
Но разве плутню утаить?
В харчевне поп проговорился,
Как он, дурачась, поживился

Горохом, что Матвей принес,
И хохотали все до слез.
Остатка за живое взяло,
И передумал он немало,
Какую б месть попу наметить,
На плутню плутней же ответить.
Он целый пост провел говея.
Каким грехам быть у Матвея!
На исповеди же признался,
Что он постом яиц нажрался.
Для виду осердился поп,
Помысля: «Экий остолоп!
Задам-ка жару я ему
И куш за исповедь возьму».
И рек: «Вероотступник ты!
Наглец! Ты яйца жрешь в посты!
Так и гореть тебе в огне,
Зане ты служишь Сатане!
Ведь в яйцах плоть и кровь, проклятый!
Из них выводятся цыплята».
Матвей в ответ: «Я их сварил.
Мне невдомек, какой же был
В том грех, коль не видать, ей-ей,
В яйце ни мяса, ни костей».
Промолвил поп: «Ступай-ка в Рим
За милостью грехам твоим!»
Остаток молвил: «Отче, каюсь!
От мзды за грех не отрекаюсь,
Чтоб в Рим не ездить, видит бог!»
Смекнул он сразу про подвох.
А поп и молвит: «Несть прощенья
Сему греху, но отпущенье
Я дал бы, коль по доброй воле
Засеешь мне горохом поле».
Матвей сказал: «Ну, что ж такого!
Все будет к завтраму готово».
Поп отпустил Матвею грех,
Насилу сдерживая смех.
Чуть свет Матвей Остаток встал,
В котел гороху накидал
И на огонь котел поставил,
Решив, что ладно дело справил.
Сварил. Потом в телегу сев,
К попу уехал на посев.

Засеял поле. Поп глядел,
Как тот работал и пыхтел
Без передышки. Поп смеялся.
Матвей же втайне ухмылялся:
«Смех у тебя, поди, пройдет,
Когда два месяца пройдет».
Вернулись под вечер домой,
А после пасхи, той порой,
Как светлый месяц май пришел,
Горох на поле не взошел.
Поля у прочих зеленели.
«Да что ж такое, в самом деле?» —
Подумал поп да и решил,
Что он, конечно, согрешил
Тем, что Матвея обманул
И здорово его надул,
Уговорив засеять поле
Задаром и по доброй воле.
Коль вовсе не взошел горох,
Так, стало быть, разгневан бог.
И мужичонке поп сказал:
«А сколько бы с меня ты взял
За то, что мне засеял поле?»
Матвей отвечивал: «Не боле,
Чем все берут — ну, сотен пять».
Чтобы Матвею долг отдать,
По сумам и пошарил поп
Пока те сотен пять наскреб!
«Бери! Прогневался господь,
И в поле нечего полоть
Из-за того, что мне без платы
Работал с самого утра ты.
Бери же деньги без зазренья,
Чтоб мне простилось прегрешенье
И чтобы с моего угодыя
Снялось проклятие бесплодыя».
В мощну те деньги поскорей
Пихнув, захохотал Матвей:
«Поймите, отче, дела суть:
И хитрость можно обмануть.
Про вашу я смекнул мороку
И думал: «Дай мне только сроку
Попомнишь! Вышел случай мне!
Горох сварил я на огне,

Как было надо, но не боле,
И разбросал на вашем поле.
Ну, думаю, раз кровь и плоть
В яйце вареном, то господь
Их дал, поди, гороху тоже:
Ведь яйца на горох похожи!
И чем бы в поле было плохо
Расти вареному гороху?
Вот так вам мужичонка серый
Воздал за меру той же мерой».
«И вправду, — поп ему в ответ, —
Плутов на свете честных нет.
Что ж! Ты воздал мне поделом».
И с тем Матвей вернулся в дом.
За труд и за осьмину он
Вот так и был вознагражден.

Кто по лукавости своей
Горазд надуть простых людей,
Над ними и глумясь притом,
Ему ж и будет поделом,
Ему же в дурнях и остаться.
Раз любишь, говорят, кататься,
Люби и саночки возить!
Так повелось, и, стало быть,
Не запретил бы и сам бог
Платить подвохом за подвох.
А коль по дружбе подкузьмят
И только пошутить хотят,
Серчать не надобно и злиться.
На шутки в баснях не годится.
Пусть басня позабавит вас!
Таков вам Ганса Сакса сказ.

ВРАГ ДОЧКАМ

Жил в Шваце много лет назад
Старик, который был богат.
Ему на копиях повезло.
Другим они разор и зло
У богача наследник был,

Которого он оженил
На девице на городской,
Что отличалась красотой,
Была богатой, нравом кроткой
Да круглою к тому ж сироткой.
Сыграли свадьбу шибко пышно,
А там, глядишь, и стало слышно,
Что молодая понесла.
Вот радость-то родне была!
Когда ж у молодушки в срок
Дочь родилась, а не сынок,
Муж разворчался так, что страсть!
И ну жену хулить и клясть.
Ему милей бы, дескать, сын,
Чтоб имя знатное и чин
Отцов в удел ему достался
И чтобы род их продолжался.
Вот отчего был рассержен
На дочь и мать молодожен.
Ведь был богаче он именем,
Чем нравом или разуменьем.
И четверть года не прошла,
Как снова женка понесла.
А как и муж о том дознался,
Так страшной клятвой ей поклялся:
Коль дочь она родит опять,
Так и в живых ей не бывать.
Жена не в шутку затужила,
Уж больно боязно ей было!
Она и мужнин норов знала
И как бесился он, бывало.
Пошла ко свекру за советом,
На мужа сетуя при этом.
Умом же свекор знатен был,
Да и невестку-то любил:
Она послушливой была
И с честью женский долг блюла.
Ей молвил: «Сношенька! Не сетуй!
Управимся с бедою этой
И будет все ему едино,
Дочурку ли родишь иль сына.
В тревоге прок-от невелик!»
Затем ушел к себе старик
И в ларчик малый наложил

Песку да гальки и закрыл
Его на крепкий на замок,
Позвав: «Поди сюда, сынок!
Тебе во всем я доверяю,
А посему и поручаю
Со златом ларчик сохранять,
Но чтоб его не открывать!
Чтоб в целости был этот клад,
Когда потребую назад!»
Сын ларчик принял и ушел.
Когда же срок жене пришел,
Понатерпелась роженица,
Как прежде; все же разрешиться
С господней помощью смогла
И снова дочку родила.
Перепугалась, затужила...
Уж так тошнехонько ей было
От страшных мужниных угроз!
А мужу кто-то весть принес,
Что снова дочка родилась.
Балбес рассвирепел тотчас,
И поднял он такой содом,
Что в доме все пошло вверх дном.
Дверьми он хлопал и ругался,
Без передышки чертыхался.
Отец к нему стопы направил,
С наследником его поздравил.
Сын молвил: «Нет, жена грешна!
Дочь принесла опять она,
А ведь наказывал я ей,
Чтоб не рожала дочерей!
Теперь, как и грозился я,
Вовек не будет ей житья,
Коли рожает не по чину».
Отец тогда и молвил сыну:
«Отдай-ка мне казну, сынок!
Мне надо уплатить должок».
И сын тотчас принес ларец.
Когда ж открыл его отец,
То денег там и не бывало,
А вдоволь камушков лежало.
Отец сказал: «Как это случилось?
Куда же золото девалось,
Что приберечь тебе я дал?»

«Ах, батюшка! — сын отвечал. —
Чисты и совесть и душа:
Я не истратил ни гроша.
Что дал, то получи назад!
Коль был в ларец положен клад,
Так он бы и на месте был.
А раз ты гальки наложил,
Ну, и бери обратно то же».
А старец молвил: «Это гоже.
Вот так-то и с твоей женой,
Сыночек, согласишься со мной!
Ты нечто ей давал, понятно,
Ну и бери свое обратно!
Коль дал бы ты жене мальчишку,
И принесла б она сынишку.
А раз ты сам же дал ей дочь,
Свое и получи точь-в-точь.
А посему тебе вины
Не след и взыскивать с жены.
Она скромна, честна, приятна.
Что дал ей, то бери обратно!
Уж, видно, тут твоя вина!
Хоть дочек и родит жена,
Люби их, словно сыновей,
Да обходись по чести с ней,
Тебе и верной и покорной,
Не досаждай ей речью вздорной!»

Муж! Басни смысл уразумей!
Пусть бог пошлет тебе детей,
А дочка будет или сын,
То ведает господь один.
Ведь дар господень — наши чада.
Благодарить тут бога надо,
Да и растить в долготерпенье,
Во страхе божьем и смиренье,
Во добронравье чад своих,
Под старость радуясь на них,
Коль добродетельны вельми,
Они пред богом и людьми
Чисты пребудут всякий час.
Таков вам Ганса Сакса сказ.

ЛЕНИВЫЙ КРЕСТЬЯНИН
И ЕГО СОБАКИ

Рассказывал Себастьян Брант
(На это у него талант),
Как был ленив один мужик —
Он только есть и пить привык.
Когда отец его скончался,
Отцовский дом ему достался.
Весь хлеб, что батюшка запас,
Он свез на рынок в тот же час
Да тут же продал без хлопот,
И в кабаке знай пьет да пьет,
И не печалится о том,
Что предстоит ему потом.
Слыхали часто от него:
«Добра мне хватит моего.
А если б даже оказалось,
Что целый век мне жить осталось,
И на сто лет, — твердил он, — мне
Добра хватило бы вполне».
Лентяй отстал от всяких дел,
Ходить за плугом не хотел
И, хлеба сеять не желая,
Не собирал он урожая.
Соседям не страшна зима —
Зерном полны их закрома,
Они работали все лето,
И добрый хлеб дало им это.
Лентяй же думал — ни к чему
Работать на поле ему,
Наследством будет он кормиться,
И не нужна ему пшеница.
Пришли холодные деньки,
А у лентяя нет муки,
Пора голодная настала,
Она ему и подсказала:
«Еще ты можешь скот забить,
И будет он тебя кормить!»
Своих коров, свиней, овец
Забил и слопал молодец.
А напоследок он забил
Своих волов, их засолил,

И начал, сколь душе угодно,
Их поедать поочередно.
Однажды у его собак
Шел разговор об этом так:
«Смотрите, как ленив он стал,
И как наследство размотал,
И как богатство разбазарил,
Коптил, солил, варил и жарил
То, что теперь ему б давало
Сметану, масло, сыр и сало.
Скот, что ему полезен был,
Ленивец по ветру пустил.
Забил он — и сказать-то страшно! —
Волов, трудившихся на пашне.
Ни рожь отныне, ни пшеница
Не будут у него родиться.
Но скоро и последний скот
Он без остатка весь сожрет,
И опустеет дом. Но жрать
Захочет увалень опять.
А если жрать он будет так,
Сожрет и нас он, двух собак.
Уж лучше от него уйти,
Хозяина себе найти
Другого. Как сожрал он скот,
Лентяй, и нас двоих сожрет».
И чтоб их съели не желая,
Ушли собаки от лентяя.
Но обратимся же к морали:
Есть ныне, как всегда бывали,
Юнцы, живущие наследством.
Оно для них могло быть средством
Жить честной жизнью с юных лет.
При этом вовсе им не след
И ремеслом пренебрегать.
Ведь надо жизнь соразмерять
С своим сословьем и достатком.
Когда ж они в безделье сладком
Бесстыдно лени отдаются,
Когда распутству предаются,
Виницу да игре, причем
Знать меру не хотят ни в чем,
Им не видать успеха в деле.
Дома таких всегда пустели,

И все, что в доме было, им,
Одно спуская за другим,
За полцены и как попало
Случалось продавать, бывало,
То, что всегда бы их кормило,
Когда б в них лени меньше было.
Лентяй займы берет у всей
Родни, знакомых и друзей,
Вводя в убыток их тем паче,
Что в долг берет он без отдачи,
И так он причиняет зло
Тем, кто радел ему зело.
Ему никто не доверяет,
Он имя доброе теряет.
Торговля не идет на лад,
И в мастерской дела стоят.
Старуха нищета потом
Распахивает двери в дом.
На полку зубы там кладут,
Оттуда слуги прочь бегут, —
Житье теперь для них плохое,
Коль нет ни хлеба, ни покоя.
Такой уготовал конец
Себе ленивый молодец.
Вся жизнь его полна невзгод,
О чем Ганс Сакс и речь ведет.

САПОЖНИК
РАСТЯГИВАЕТ КОЖУ ЗУБАМИ

Жил в Любеке давно когда-то
Сапожный мастер небогатый.
Он с подмастерьями порой
Сидел до ночи в мастерской.
От горожан, их дочек, жен
Заказы шли со всех сторон,
И он работами своими
Себе в округе создал имя.
Так ловко сшить никто не мог
Высоких рыцарских сапог.
Он делал их по мерке точно,

Красиво и отменно прочно,
А потому нередко зван
Был обувь шить и на дворян.
Так он без усталы трудился
И в молодых годах женился.
Считала верная жена,
Что помогать ему должна:
Дубила и чернила кожи,
По дому хлопотала тоже,
И муж ее за то любил.
Их труд достаток приносил,
И в доме сытный был обед.
Когда ж минуло тридцать лет,
Хозяйка заболела вдруг,
И жизнь ее скошил недуг.
Но всякое проходит горе.
Посватался сапожник вскоре,
И новая была жена
Красива, молода, статна,
Любила мужа своего
И слушалась во всем его.
В согласие и труде они
Не знали, как бежали дни,
И за едой супруг счастливый
Лил в кружки гамбургское пиво.
А людям в мастерской своей
Давал он пиво поскромней.
Под утро как-то раз жена
В постели мучилась без сна.
То ляжет вдоль, то поперек,
На левый и на правый бок,
И, так ворочаясь, бедняжка
Вздыхала глубоко и тяжко.
Проснулся муж, услыша стон.
«Что с нею?» — всполошился он
И молвит ей еще со сна:
«О чем вздыхаешь ты, жена?
Скажи мне, что тебя томит?
Какое горе грудь теснит?
Обидел я тебя невольно?
Поведай, чем ты недовольна!»
Она вздохнула раз-другой
И начала: «Муж милый мой!
Знай, вот что тошно всякий раз

Мне видеть в мастерской у нас:
Коль надо кожу перегнуть,
Расправить или растянуть,
Ты мигом в ход пускаешь зубы.
А кожи-то вонючи, грубы.
Шлют много с живодерни их,
Воловьих, конских и свиных.
И от поганых этих кож
Твой рот на нужник стал похож.
Они чернят язык и губы
И, может, выломают зубы.
Не делай так, прошу тебя.
Я говорю с тобой любя.
Сама я буду делать, верь,
Все, как захочешь ты теперь.
Клянусь в том верностью своей! »
Сапожник так ответил ей:
«Ну что же, милая моя,
Хочу тебя уважить я.
Раз ты того не захотела
Зубов пускать не стану в дело».
Кусать он кожу перестал
И слово данное держал.
Но в кружках гамбургское пиво
Уже не пенилось игриво.
Его сменила вдруг тогда
У них какая-то бурда.
От ней жена воротит нос
И мужу задает вопрос:
«Скажи, супруг мой, что за диво:
Ты вместо гамбургского пива
Таким прокисшим стал поить,
Что и еду им не запить.
Оно души не убажает,
С него и кровь-то не взиграет!»
Сапожник так ей отвечал:
«Когда я зубы в ход пускал,
Чтоб кожу растянуть в длину,
Потом еще и в ширину,
Мы жили как в раю у бога,
И обуви я делал много.
Теперь же кожу не тяну
Я ни в длину, ни в ширину.
И, хоть я опытен и ловок,

Выходит меньше заготовок.
Убавился доход, мой свет,
И гамбургского пива нет! »
При мужниных таких речах
Объял жену великий страх.
«Понятно, муженек, ей-ей!
Зубов ты лучше не жалея,
Растягивай, как раньше, кожи,
Воловьи и свиные тоже.
Тебя не стану я корить
И постараюсь подсобить,
Да не одними лишь руками:
Вцеплюсь и я теперь зубами
Там, где иначе не идет,
Хотя бы стал беззубым рот!
И буду снова я счастлива
От кружек гамбургского пива».
И после этого они
Трудились, как в былые дни,
В согласье нерушимом жили
И гамбургское пиво пили.

Окончен шванк. Вот заключенье.
Найдет в нем каждый поученье,
Чтоб, занимаясь ремеслом,
Мог содержать семью и дом.
Необходим в делах порядок,
Чтоб не пришли они в упадок.
Прикинуть надо вам расход
И сколько заработка в год.
Когда ж случится, что доходы
Вдруг станут меньше, чем расходы,
Скромнее надо жить тогда,
Скромнее стать должна еда.
Растягивайте кожу смело,
С ней вырастет и ваше дело,
Чтоб жизнь в достатке вам вести
И у соседей быть в чести,
Чтоб и в преклонные лета
Вам не грозила нищета
И чтоб не знать вам прочих бед!
Ганс Сакс такой дает совет.

КУПЕЦ И ВОЛЫНКА

Купец когда-то в Майнце жил,
Ганс Аппель — имя он носил.
Собрался за товаром он
Во Франкфурт, а со всех сторон
Соседи просят удружить —
Им то да это закупить,
Коли такая милость будет,
Когда во Франкфурт он прибудет
На ярмарку, в тот самый край.
Заказов — ну, хоть отбавляй!
Ганс Аппель молвил: «На торгу
Запомнить я могу,
Упомнить все я не горазд,
Пусть каждый грамотку мне даст».
Когда же записи собрали,
Про деньги и не поминали,
И лишь пастух купцу вручил
На память талер и просил
За труд великий не почесть
Волынку с ярмарки привезть,
А чтобы дела не забыть,
Тем талером и заплатить.
Вот снарядился в путь купец,
Сел на корабль и наконец
По Майну к Франкфурту плывет,
Что вольным городом слывет.
Вот стало судно на причал,
Товары Ганс повыгружал,
А грамотки сложил он в кучку.
Тут нанесло на небо тучку
Да ветер дунул, да такой,
Что грамотки, oprичь одной,
И порх все сразу в воды Майна.
Одна осталась не случайно,
Одна на месте улежала:
Ведь талером ее прижало.
Так Ганс волынку-то купил,
А про иное и забыл,
Когда все записи пропали.

Как не извлечь отсель морали!
Коль просишь ты кого-нибудь

Купить вещицу, не забудь
Про памятку от пастуха,
Чтоб не случилось греха.
Дай талер свой! Не будь скупенек!
Товару не купить без денег.
Такая памятка, ей-ей,
Купцу всех грамоток милей.
Сколь часто громко обещают,
А там, глядишь, и забывают,
Бумажка ветром унесется,
Спасибо редко кто дождется.
А вот пастух-то сделал ладно:
Купцу так будет не накладно.
Он просит памятку по праву
И дело сделает на славу,
Коль знает, что убытку нет
Вот Ганса Сакса вам совет.

ФАСТНАХТШПИЛИ

ШКОЛЯР В РАЮ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Странствующий школяр
Крестьянин
Крестьянка

Крестьянка
(входит)

Увы, как часто я вздыхаю,
Когда о прошлом вспоминаю, —
О муженьке своем покойном,
Благочестивом и достойном.
Ах, он был добрый человек
И рано свой окончил век.
Его любила я сердечно,
И он меня любил, конечно.
Теперь всему пришел конец.
С другим пошла я под венец,
Но прежнему он не под стать, —
Скупой, богатым хочет стать,
Все прячет, держит под ключом.
Уж нет свободы мне ни в чем!
Ах, мой покойник был добрее, —
Я до сих пор о нем жалею.
Ему бы рада услужить
И чем возможно удружить.

Школяр
(входит)

Мамаша! Я сюда являюсь
И вам смиренно представляюсь:
Ко мне пребудьте благосклонны!
Я человек весьма ученый,
В горе Венеры побывал
И в книгах много прочитал,
О чем твердят в стихах поэты.
Школяр я, странствую по свету
И видел много стран и сел.
Я из Парижа к вам пришел,
Из райского пришел я края.

Крестьянка

Как? Вы пришли сюда из рая?
Да что вы! Да не может быть!
Дозвольте, сударь, вас спросить:
Вы муженька там не видали?
Он умер — будет год едва ли.
Он кроток был и прост к тому ж!
Ах, верю я, в раю мой муж!

Школяр

Там было много разных душ.
Но вы скажите, в чем он был,
Какое платье он носил?
Его узнаю я по платью.

Крестьянка

Про то хочу сейчас сказать я:
Он был положен в шляпе синей
И чуть поношенной холстине.
По правде, больше ничего, —
Так схоронили мы его.

Школяр

Теперь его я узнаю —
Он бродит без портков в раю!
Он синей шляпою прикрыт,
Холстиной новою покрыт.

Другие славно там живут,
И угощаются, и пьют,
А у него нет ни гроша, —
Печальна бедная душа,
И должен в бедности просить
Он подаянья, чтобы жить.
Вот ведь какая с ним печаль.

К р е с т ь я н к а

Ах, муженек, мне страсть как жаль,
Что ты в такой нужде живешь
И даже гроша не найдешь,
Чтоб в баню иногда сходить!
Дозвольте, сударь, вас спросить:
Вернетесь в рай вы как-нибудь?

Ш к о л я р

Я завтра отправляюсь в путь,
В раю я через две недели.

К р е с т ь я н к а

Ах, если бы вы захотели
Гостинец мужу передать!

Ш к о л я р

Ну что ж, — гостинец можно взять.
Но я прошу вас, поспешите.

К р е с т ь я н к а

Маленько, сударь, обождите, —
Я это сразу все найду.
(Уходит.)

Ш к о л я р

(один, говорит с самим собой)

Я эту дуру проведу!
И право, будет очень кстати,
Что принесет она мне платье!
А деньги тоже пригодятся, —
Лишь только бы успеть убраться,
Покуда муж ее второй
Не повстречался здесь со мной,
Иначе все пиши пропало!
А тут — наследство перепало.

К р е с т ь я н к а
(*входит*)

Вот здесь двенадцать золотых, —
Уж вы возьмите, сударь, их, —
Они до нынешнего дня
В земле лежали у меня,
В хлеву, где стойло для коровы.
А вот для старика обновы:
Сюда вложила я сукно —
Годится на камзол оно,
А вот еще штаны, жилет,
Рубашка, ножик и кисет.
Теперь вот это я послала, —
Все, что мне под руку попало.
Спешила это я отправить,
Чтоб от нужды его избавить.
Он кроток был и нравом тих
И мне милее из двоих!

Ш к о л я р
(*берет узелок*)

Ну, муженек ваш будет рад!
Наденет новый он наряд,
А в праздник выпьет, сходит в гости,
С друзьями поиграет в кости.

К р е с т ь я н к а

А долго ль будете в пути?
Туда не близко ведь идти.

Ш к о л я р

Дорога в рай трудней, чем в ад.
Не скоро буду я назад.

К р е с т ь я н к а

Ну, если так, то, может статься,
Что снова будет он нуждаться.
Так вот вам горсть богемских грошей, —
Возьмите, сударь мой хороший!
Скажите: кончим молотьбу,
Еще я денег наскребу,
От мужа потихоньку скрою,
В хлеву под стенкой их зарюю,

Как сделала на этот раз.
А этот талер — пусть для вас
За труд наградой будет он...
Снесите ж муженьку поклон.

Школяр уходит.

К р е с т ь я н к а
(одна, громко поет)

Ах, порадуйся, девица!

К р е с т ь я н и н
(входит)

Старуха, что с тобой случилось,
С чего ты вдруг развеселилась?

К р е с т ь я н к а
Пою от радости большой!

К р е с т ь я н и н
Да расскажи мне, что с тобой?

К р е с т ь я н к а
Скажу, поди, ты будешь рад!

К р е с т ь я н и н
Брыкнула телка невпопад!

К р е с т ь я н к а
Школяр зашел к нам отдохнуть, —
Из рая прямо держит путь.
Он видел мужа моего
И рассказал мне про него,
Что тот живет в нужде суровой
И ходит в простыне не новой,
Лишь синей шляпой он прикрыт,
Без денег, без штанов сидит, —
И правда, я в последний путь
Его одела как-нибудь.

К р е с т ь я н и н
Уж не надумала ль ты, женка,
Портки послать ему вдогонку?

К р е с т ь я н к а

Вот-вот! А там уж заодно
Ему послала и сукно,
Кисет, рубаху и жилет
Да мелких денег на обед,
Чтоб он не голодал в раю.

К р е с т ь я н и н

Твою повадку узнаю!
Как выглядел школяр, скажи,
Его приметы укажи.

К р е с т ь я н к а

Видать, он здорово учен.
Пошел, наверно, низом он;
На шее носит он силок,
А за спиною узелок.

К р е с т ь я н и н

Сдается мне, что денег мало
Ты мужу на тот свет послала.
Теперь послушайся меня,
Вели-ка оседлать коня:
Хочу я школяра догнать
И от себя червонец дать.

К р е с т ь я н к а

Ну, благодарствуй, муженек!
Тебе настанет тоже срок, —
Тебя, ей-богу, я люблю,
Гостинцев на тот свет пошлю.

К р е с т ь я н и н

На черта эта болтовня!
Вели скорей седлать коня,
Чтоб мог догнать я обормота,
Пока он не достиг болота.

Крестьянка уходит.

К р е с т ь я н и н

(один, говорит сам с собой)

О господи! Ну и жена!
Корова суцая она!

Дубина! Истинный чурбан!
Ей закрутил башку смутьян!
Такой дурехи не сыскать.
И что надумала! Послать
Посылку мужу своему,
Который умер год тому!
А все школяр тому виной!
Да я и сам востер! Постой,
Догнать скорехонько сумею
И надаю ему по шее.
Ему я шкуру надеру,
Гостинцы мигом отберу,
Потом к жене домой направлюсь
И с ней по-своему расправлюсь:
Ей понаставлю синяков,
Понадаю ей тумачков!
Вот бабу взял! Нет больше сил, —
Чтоб паралич ее разбил!

К р е с т ь я н к а
(входит)

Ну вот, твой конь уже готов.
Теперь садись и будь здоров.
Крестьянин и крестьянка уходят.

Ш к о л я р
(входит с узелком)

Мне счастье нынче привалило!
Ишь как старуха одарила!
Побольше эдаких бы вдов, —
Для каждой сбегать в рай готов!
Ой-ой! Кто это там ко мне
Несется рысью на коне?!
Что, если это муж второй
Задумал встретиться со мной?
Скорей припрячу узелок
Сюда, в сторонку, за пенек!
Ой, наказанье! Ой беда!
Он приближается сюда!
Засуну под камзол суму,
Чтоб не узнать меня ему,
И стану с палкой у болота,
Как будто здесь я жду кого-то.
Въезжает к р е с т ь я н и н верхом.

К р е с т ь я н и н

Здорово, молодец, здорово!
Ты парня не видал такого:
Силок он носит на груди,
А узелочек позади, —
Он должен был здесь пробежать.

Ш к о л я р

Видал, видал, как не видать!
Он пробежал наискосок
Через болото и в лесок;
Его за кочками в болоте,
Поди, живехонько найдете:
С собой он узел волочит,
Пыхтит, потеет и сопит.

К р е с т ь я н и н

Он самый! Это он и есть!
В болото выдумал залезть,
Но не спасется от меня!
Любезный, поддержи коня.
Пешком болото перейду,
Прохвоста живо я найду,
Обманщика я проучу,
Моей дубинкой угощу!
Исколочу его — пускай
Он синяки уносит в рай!

Ш к о л я р

Священника я поджидаю,
Когда он здесь пройдет, не знаю.
Я вам охотно услужу,
Коня за повод подержу.

К р е с т ь я н и н

Ну вот, постереги коня,
Получишь крейцер от меня.
(Уходит.)

Ш к о л я р

(один, говорит сам с собой)

Эх! Не тужите о коне!
Он знатно пригодится мне.

Ну, славный выдался денек! —
Штаны, и деньги, и конек!
Гляди, я избежал беды!
Ведь мне везет на все лады:
Жена одеждою снабжает,
А муж лошадку прибавляет, —
Он добрый, сам пешком идет,
А мне лошадку отдает.
Вот этот, если и помрет,
В рай непременно попадет!
А я согласен для него
Стащить и все добро его.
А впрочем, нечего зевать!
Скорее надо удирать,
Не то как раз усядусь в лужу, —
С ним разговоры будут хуже!
Прихлопнет сразу он меня
И за штаны и за коня.
Ну-ну, буланый, поезжай!
Вези меня скорее в рай,
В корчму, где повар кур нажарит:
Пускай мужик в болоте шарит!
(Взяв узелок, уходит.)

К р е с т ь я н к а
(входит и говорит сама с собой)

Мой муженек ушел в обед,
Стемнело, а его все нет.
Тревожусь что-то за него,
Уж не случилось ли чего?
Сумел ли школяра догнать,
Успел ли деньги передать?
Ахти мне! Староста идет!
Свинья забралась в огород!
(Уходит.)

К р е с т ь я н и н
(входит и говорит сам с собой)

А где же лошадь? Караул!
Меня мошенник обманул!
Ах я, тетеря! И похоже,
Что он же утащил одежду!
Коня, и деньги, и сукно
Я проворонил заодно!

Я олух! Одурачен я!
А вот и женушка моя
Сюда приперлась не к добру.
Шалишь, — ну, ей-то я навру.
А я-то думал ей расправу,
Вернувшись, учинить на славу
За то, что так глупа была
И вору деньги отдала!
Ахти! Попутал бес меня, —
Я сам привел ему коня.

К р е с т ь я н к а
(*входит*)

Зачем пешком ты возвратился?
Что, деньги взять он согласился?

К р е с т ь я н и н

Он мне сказал, что труден путь,
И чтоб он мог передохнуть
И в рай скорее угодил,
Ему коня я одолжил.
Когда посылочку твою
Он старику отдаст в раю,
Ему же передаст коня.
Ну, женка, хвалишь ли меня?

К р е с т ь я н к а

Да, муженек мой дорогой,
Весьма довольна я тобой.
Бог даст, на днях и ты помрешь
И в рай, наверно, попадешь, —
Ступай туда хоть голышом,
Я позабочусь обо всем:
Тебе я в рай отправлю вслед
Штаны, рубаху и жилет,
Цыпляток, свинушку, корову!
Я послужить тебе готова,
Мой муженек, со всех сторон,
И до и после похорон.

К р е с т ь я н и н

Отлично, милая жена.
Но просьба у меня одна:

О нашей помолчи беседе,
Чтоб не проведали соседи, —
Ведь здесь духовные дела!

К р е с т ь я н к а

Я всех соседей обошла.

К р е с т ь я н и н

Так ты, поди, все разболтала?

К р е с т ь я н к а

Ну, я про рай им рассказала.
Меня сердечно поздравляли
И до упаду хохотали.

К р е с т ь я н и н

Тебя поздравит черт рябой!
Они смеялись над тобой!
Мне в наказание ты дана!
Ступай, готовь обед, жена.

К р е с т ь я н к а

Я буду ждать тебя, дружок.
(Уходит.)

К р е с т ь я н и н

(один)

Вот, говорят, судьба иль рок!
По-моему же, горе злое
Иметь сокровище такое!
Ну как добро тут сохранить?
Цепной собакой надо быть
И день и ночь следить со страхом:
Чуть отойдешь, пойдет все прахом.
Супруг годами собирает,
Жена в минуту промотает!
Но я скажу вам между нами,
Привыкнуть можно к ней с годами,
Была бы смиренная она
И мужу верная жена.
Ведь иногда и так бывает:
И муж случайно оплошает,
Внезапно попадет впросак.

Глядишь, и вышел сам дурак.
Так чтобы дома был покой,
Простим жене разок-другой!
Тогда не будет свары там,
Чего Ганс Сакс желает вам.

ИСПЫТАНИЕ КАЛЕННЫМ ЖЕЛЕЗОМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

М у ж
Ж е н а
С т а р а я к у м а

Ж е н а
(*входит*)

Живу я с мужем пятый год,
Стал муженек совсем не тот:
Не приласкает он меня,
Былого нету в нем огня...
В чем дело, в толк я не возьму.
Уж не спросить ли мне куму?
Старуха пожила немало,
На свете многое видала
И объяснит мне, в чем причина,
Что так меняется мужчина.

К у м а
(*входит*)

Ты что бормочешь там, кума?

Ж е н а

Да вот мужик сошел с ума,
Забыл, что он со мной обвенчан,
И у других бывает женщин.
Так не подашь ли мне совет?

К у м а

В таких делах совета нет.

Ж е н а

Но как раскрыть его вину?

К у м а

Уж и не знаю. В старину
Коль человек считал, что он
Облыжно кем-то обвинен,
То он рукою оголенной
Кусок железа раскаленный
Из круга выносил, — и коль
Его не одолела боль
И жаром пышущий кусок
Ему ладони не обжег,
Тут понимал и стар и млад,
Что человек не виноват.
Так вот, заставь-ка ты супруга
Железо вынести из круга.
Сумей поставить на своем!

Ж е н а

Уж я полажу с муженьком.
Могу я плакать так упорно,
Хотя бы даже и притворно,
Что он не стерпит нипочем.

К у м а

Смотри не оплошай! Тишком
Прощупать надо муженька
И обойти как дурачка.
Да вот и он... Ну, я покуда
Уйду куда-нибудь отсюда.
(Уходит.)

Жена сидит, уткнув лицо в ладони. Входит
м у ж.

М у ж

Ты что, старуха, так грустна?

Ж е н а

Забота, муженек, одна
Всю душу мне разбередила.
Поди, уж ждет меня могила.
А только ты всему виной.

М у ж

Что до меня — любой ценой
Тебе помочь я обещаю.

Ж е н а

Тогда я, правды не скрывая,
Скажу, что ты, мой муженек,
Совсем женою пренебрег,
С другими ты, поди, связался.

М у ж

А разве я на том попался?
Ты с кем же видела меня?

Ж е н а

Не видела, но знаю я,
Что ты неласков стал, не тот,
Каким ты был в наш первый год.
И я, такое видя дело,
К тебе изрядно охладела.
А все виною та, другая!..

М у ж

Но погоди-ка, дорогая,
Ведь я в душе, как прежде, твой.
Вот разве труд тяжелый мой
И ласку и веселье гонит,
А с женщинами ничего нет
И не было... Я слишком честен.

Ж е н а

Да полно! Мне твой блуд известен,
И ты меня не убедишь,
Пока себя не обелишь.

М у ж

(поднимает два пальца вверх)

Да будет мне свидетель бог,
Что я всегда к себе был строг,
Что нет измены и в помине...

Ж е н а

Такую клятву дать мужчине —
Что репу в огороде рыть.

М у ж

Но чем еще мне подтвердить?..

Ж е н а

Ты должен доказать, что прав,
Себя железом испытав.

М у ж

Ну что ж, согласен я. И так,
Вели куме разжечь очаг,
Нагреть железо. Я тогда
Очищен буду навсегда
От клеветы. И пусть кума
Свидетельствует в том сама.

Жена уходит.

М у ж

Ну что за блажь пришла жене!
Зачем-то пристает ко мне,
Чтоб испытаньем беспримерным
Я доказал, что был ей верным.
По совести, ее мне жаль...
Но я ж не спрашивал, верна ль
Она была мне, много ль, мало
Она мне в жизни изменяла.
Постой, я ей устрою штуку!
От жара защищу я руку,
Засуну щепку я в рукав.
Железо этой щепкой взяв,
Я вынесу его из круга
Без ран, без боли, без испуга
И верность докажу притом...
А вон они идут, вдвоем.

К у м а вносит щипцы с куском раскаленного
железа.

К у м а

Ну, здравствуй! Вот железо, друг,
Теперь черти широкий круг,
И коль рукой неопаленной
Кусок вот этот раскаленный
Из круга вынесешь долой,
Ты будешь чист перед женой.

М у ж

Смотри, вот круг, сюда полезу
Я к раскаленному железу.
Клади его на этот стул.
И коль жену я обманул,
Железа этого огонь
Мне в уголь превратит ладонь.
(*Берет железо в руки и выносит
его из круга.*)

Ну как? Уверилась, жена?
И не снята ль с меня вина?
Теперь меня ты испытала.
Кусок каленого металла
Из круга вынес я, и что же?
Ожогов не видать на коже.

Ж е н а

Дай я на руку посмотрю.

М у ж

Гляди! На ней ни волдырю,
Ни ране места нет, она
Чиста и не обожжена.

Ж е н а

(*разглядывает руку*)

Ну что ж, винюсь. И не дурак
Порою попадет впросак.

М у ж

Ты подтверди куме сначала,
Что мужа ты оклеветала.

Ж е н а

Ну, чист ты, что об этом снова!..
Я больше не скажу ни слова.

М у ж

Ты убедилась — муж не врет.
Теперь, пожалуй, твой черед
Железом мужу доказать бы,
Что ты верна мне с самой свадьбы.
Ты будь-ка, кумушка, любезна,
Снеси в огонь брусок железный

И, раскаливши докрасна,
Тащи сюда; пускай жена
Докажет, взяв его из круга,
Что не дурачила супруга.

К у м а

Ах, срам! Какую взвел вину!
Уж лучше не неволь жену!

М у ж

Она ж неволила меня.

Ж е н а

Голубчик мой, так это ж я
По дузости все говорила.

М у ж

Тащи-ка полосу в горнило,
Тут не помогут плач и вой.

Кума уходит с железом.

Ж е н а

Но ты же знаешь, милый мой,
Как нежно я люблю тебя.

М у ж

Так добивалась ты любя,
Чтоб руку я себе обжег?

Ж е н а

Ах, дорогой мой муженек,
Забудь о том! Ты наделен
Одной из самых честных жен.
Зачем же нужно испытанье?

М у ж

Оставь-ка лучше причитанья!
Коль не виновна ты ни в чем,
Тебе железо нипочем:
Оно не может зла принести
И лишь твою спасает честь.

К у м а вносит раскаленное железо и кладет его
на стул в середину круга.

К у м а

Ну вот, кума, полоска та
Докажет всем, что ты чиста.

М у ж

Скорей к железу! Будет нить!

Ж е н а

Иду, но должен ты простить
Мне грех один... покаюсь в том,
Что прошлой осенью с попом
Сошлася я, предавшись блуду.
Я больше никогда не буду
Грешить, лишь руку б не сожгло!

М у ж

Ах, черт! Гляди, куда зашло,
Вот так утешила жена!
Сама, выходит, неверна!..
Ну ладно, это прощено.

Ж е н а

Ох, родненький! Уж заодно
Еще двоих мне отпусти:
Они свели меня с пути,
И грех я совершила вновь.

М у ж

Вот потому твоя любовь
И шла на убыль, что один
Не заменял я трех мужчин.
А ведь святошею слыла,
Меня ж еще железом жгла...
Ну, так и быть! Всех трех долой!
Пройдись-ка с этой полосой!

Ж е н а

(простирает к нему руки)

Прошу еще я об одном.
Сумела я скопить тайком,
Порой сама недоедая,
Полсотни крейцеров. Тебя я
Прошу, возьми их, но за них
Прости еще мне четверых.
Тогда железо можно взять.

М у ж

Ну что распутнице сказать?
Кумы хотя бы постеснялась!
Ты неужели ухитрилась
Подстилкой быть зараз им всем.

Ж е н а

Но без тебя их только семь!

М у ж

А ты и с дюжиной спала бы.
Гляди, какая прыть у бабы!
Пускай уж этих семерых
Прощу я, не было ль других?
Иди-ка ты скорей к железу.

Ж е н а

Теперь, пожалуй, я полезу,
Но только чтобы в то число
Молоденьких не занесло
Учеников — за них брать муки?!

М у ж

Молчала б уж про эти штуки!
Но сколько ж будет их еще?!
Тащи, покуда горячо,
Железо и порадуй мужа,
Хоть в этом честность обнаружа.

Ж е н а

Кума, возьми-ка ты сначала!

К у м а

Ну, мне уж вовсе не пристало.
К тому ж боюсь я огня —
В былые годы у меня
Грехи водились и почище.

М у ж

Бери, распутная бабища,
Железо да неси быстрее.
Не то я кулаком по шее
Так двину, что невзвидишь свету...

Ж е н а

Так ведь шипит! Терпенья нету!

Ну, раз не помогли слова...

Уж верно участь такова...

(Берет железо, хочет идти, но издает резкий крик и роняет железо из рук.)

Ой-ой!.. Рука! Рука моя!..

Ох, больно, жжет, пропала я!..

Вся кожа слезла, все сожгло!..

М у ж

А, нечисть! Значит, припекло!

Выходит, ты, хоть и без кожи,

Заслуживаешь палки все же!

Ж е н а

Я к брату нынче убежала б.

К у м а

Теперь, кума, уж не до жалоб.

Раз проиграла, так уж речь

Умерь и лучше не перечь!

Придется поубавить прыть

И с мужем шелковой быть.

С умильной ласкою подъехать,

Чтоб взбучки не было тебе хоть

За все, что ты тут вытворяла.

Жена уходит.

М у ж

Жена меня ослом считала.

Такой казалася на вид,

Мол, и воды не замутит,

А все зачем? Чтоб как-нибудь

В бараний рог меня согнуть.

А ей тем временем не лень

Было блудить и ночь и день.

Об этом-то она молчала.

К у м а

Ах, кум! Ну что опять сначала!

Кума совсем не так плоха,

Кто ж в этом деле без греха?

Пойдем-ка лучше выпьем вместе.

М у ж

Ну что ж, если сказать по чести,
Придется мне простить жену.
Я никого не обману,
Сказав, коль делала уступки
Она — песту, я делал — ступке.
Так что, пожалуй, мы с ней квиты,
Пускай же будут позабыты
Измены; ты ж, кума, запомни,
Что ты ручалась за нее мне,
Пусть будет верной мне до гроба.

К у м а

Ручаюсь, кум, теперь вы оба
Друг другу будете верны.
Прости же грех своей жены.
Желаю вам я новой свадьбы,
А мне, старухе, — лечь поспать бы,
Чтоб вновь не подкузьмил суд божий.

Ганс Сакс желает всем того же.

ФЮНЗИНГЕНСКИЙ КОНОКРАД И ВОРОВАТЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гангель Деч	} фюнзингенские крестьяне
Штреффель Лелль	
Линдель Фриц	
Уль Фризинг, конокрад	

Входят трое мужиков.

Гангель Деч

Соседи, деревенский сход
Нам оказал большой почет:
Судить мерзавца конокрада,
Которого повесить надо
И свет избавить от ворюги.
Он обобрал у нас в округе

Всех мужиков, а у меня
Вчерашний день увел коня.

Штеффель Лелль

Да, всех он облапошил ловко,
Его давненько ждет веревка!
В петлю его, да поскорей,
Чтоб зря не изводить харчей,
Не видеть этой мерзкой рожи!

Линдель Фриц

Я, Штеффель Лелль, подумал тоже,
Что разорит нас конокрад, —
Не стоит он таких затрат.
Цена ему — всего-то грош!

Гангель Деч

И без питанья он хорош!
И я поэтому, сосед,
Могу один лишь дать совет:
Повесить вора в понедельник.

Штеффель Лелль

Веревку заслужил бездельник!
Но вот, соседи, в чем загвоздка:
Не убрана моя полоска,
А ведь хлеба мои растут
У виселицы, прямо тут.
Народ придет сюда толпиться,
И — плакала моя пшеница!
Народу будет тут гурьба...

Линдель Фриц

И впрямь, потопчут нам хлеба.
Покончить можно с конокрадом,
Но и моя пшеница рядом!
И мне совсем не все равно,
Коль вытопчут мое зерно.
К тому же и уборка скоро.

Гангель Деч

Вот после и повесим вора!
Ведь до уборки в самом деле
Осталось только три недели!
Казним, как уберем зерно.

Штеффель Лелль
Вот это сказано умно!
Покамест пусть сидит в темнице!

Линдель Фриц
Нет, мужики, так не годится!
Ведь целых двадцать дней, пожалуй,
Харчиться будет этот малый!
А конокрад пожрать мастак,
Мы, братцы, разоримся так!
Он десять крейцеров проест.

Гангель Деч
Да, он съедал в один присест
Почти что целого быка.
Пускай постится вор пока,
И нас никто не обесудит:
Его же легче вешать будет,
Да и невелика затрата.

Штеффель Лелль
Я вот что думаю, ребята:
Отпустим, что ли, конокрада,
Тогда кормить его не надо.
Но только пусть он даст зарок,
Что в день, когда наступит срок
И будет убрана пшеница,
Он к нам в деревню возвратится,
Не станет больше куролесить
И смирно даст себя повесить.
Мы уберем свои поля,
И пусть пеньковая петля
Спокойно подождет его.

Линдель Фриц
Пожалуй, так умней всего!
Гляди, сосед, соображай:
Убережем мы урожай,
Да и харчи не съест бродяга.
Решенье это всем на благо.
Как, Деч, разумен приговор?

Гангель Деч
Послушаем, что скажет вор.
А я не буду, что ли, рад,

Коль согласится конокрад
Уйти от нас на три недели
И мы поля бы сжать успели?
Сходи-ка, Штеффель Лелль, в тюрьму,
Мы это объясним ему.
Ты должен вора привести,
Да только — чур, не упусти!

Штеффель Лелль уходит.

Линдель Фриц

А Штеффель Лелль нам дал, сосед,
Как будто неплохой совет!

Гангель Деч

Не знал я, Линдель Фриц, что он
Так образован и умен.

Линдель Фриц

Да, Гангель Деч, все фюнзингенцы
С ним рядом — глупые младенцы.
Придумал он раствор, который
Приклеить может свод к собору.
Когда б он жил, как говорится,
Во граде Мюнхене, в столице,
Давно б с такою головой
Он городским был головой.

Штеффель Лелль ведет вора на веревке.

Гангель Деч

Уль Фризинг, старшины села
Решили так сего числа:
Ступай, гуляй себе на воле,
Пока управимся мы в поле,
А через месяц ты опять
Вернешься, чтобы нам предстать,
Не будешь больше куролесить
И смирно дашь себя повесить.

Штеффель Лелль

Ты только должен дать зарок —
Вернуться, как наступит срок.

Мужики выходят.

В о р
(один)

Ей-ей, таких глупцов, как эти,
Еще не видано на свете.
Не зря везде идет молва,
Что фюнзингенец — голова!
Когда б они умнее были,
Лежать бы мне теперь в могиле!
А дураки хотят лишь клятвы,
Что я вернусь к ним после жатвы.
Ну что ж, я клятву дать готов
И одурачить дураков.
Вернусь ли, нет — никто не сдохнет,
Язык от клятвы не отсохнет.
К тому ж я клятву дам бесплатно,
А срок придет — возьму обратно.
Вернуться к ним! Как бы не так!
Ну, нет, я, братцы, не дурак!
А ворочусь, так уж недаром,
Уж я пошарю по амбарам.
Я дам болванам обещанье,
Но их надую на прощанье.
Эй, фюнзингенцы! Хоть помру,
А денег с вас еще сдеру!

Входят м у ж и к и.

Г а н г е л ь Д е ч

Уль Фризинг, дай суду ответ:
Уйти согласен или нет?

К о н о к р а д

Почтеннейшие господа
Из фюнзингенского суда!
Решил я с вам согласиться
И после жатвы воротиться,
Не стану больше куролесить
И смирно дам себя повесить.
Но я проел последний пфенниг.
А что же делать мне без денег?
Придется снова воровать.
А что, как попадусь опять
И кончу дни свои в петле,
Но где-нибудь в чужом селе?

Тогда уж не вернусь я в срок
И тем нарушу свой зарок,
И выйдет тут, что я мошенник.
Так дайте, господа, мне денег.
Зазорно мне на пропитанье
По селам клянчить подаянья!
Вас, фюнзингенцев, знают всюду,
И я же вас позорить буду.
Вот, братцы, что меня тревожит!

Л и н д е л ь Ф р и ц

Ей-ей, он прав! Наш вор не может
Ходить с сумою по дворам.
Соседи, это стыд и срам!
Нет, чтобы избежать позора,
Прокормим собственного вора.
По крейцеру даст каждый двор,
Глядишь, и будет сыт наш вор.
На тридцать крейцеров, пожалуй,
Сумеет прокормиться малый.
Уль Фризинг, вот они, возьми.
Теперь два пальца подними
И дай торжественную клятву,
Что, только мы окончим жатву,
Ты сразу возвратишься к нам
И дашь себя повесить сам.

К о н о к р а д

(поднимает два пальца)

Я, вор из Фризинга, клянусь,
Что через месяц к вам вернусь.
А чтобы вам не знать тревог,
Я оставляю вам в залог
Картуз мой красный. Верно, братцы,
Не захочу я с ним расстаться!
Вернусь хоть ночью я, хоть днем!

Г а н г е л ь Д е ч

Еще попомни об одном:
Когда бы в нарушение клятвы
Ты не вернулся после жатвы,
Тебя мы, Уль, не просто вздернем,
А вырвем оба уха с корнем.
А после — все равно в петлю.

Конокрад

Не бойтесь! Разве я стерплю,
Чтоб мой картуз остался здесь?
По мне, уж лучше хоть повесь,
А шапочку отдай назад!

Гангель Деч

Договорились, конокрад!
Беги же, с богом, до свиданья,
Да приходи без опозданья!

Вор убегает.

Линдель Фриц

Вот это шапка, старина!
Ей девять крейцеров цена!
Уж раз я старший на селе,
Так я картуз возьму к себе.
Надену, может, раз ли, два ли —
Картуз истреплется едва ли.
А мне ведь он как будто впору.
Мы после все расскажем вору.

Гангель Деч

В деревне всякий будет рад,
Что так наказан конокрад.
Пусть знает он, как красть коней!
Ну, кто бы рассудил умней?
Ну, кто бы мог бы так умело
Обделать этакое дело?

Мужики уходят.

Вор

(Входит, крадучись. На нем синий кафтан.)

Они боялись, обалдуи,
Что к ним обратно не приду я.
Нет, братцы, я благочестивый,
Я к вам вернулся за поживой.
Худые, Линдель Фриц, дела:
Недосчитаешься козла!
Скажи-ка, Штеффель Лелль, разиня,
Куда пропал кафтан твой синий?
Какая утром будет брань!
Мол, я обманщик, рвань и дрянь!

Плевать мне! В Мюнхен на базар
Я завтра же снесу товар
И там продам козла с кафтаном.
Зато дурашливым крестьянам
Картуз оставил я в залог
И возвратиться дал зарок.
Не ждите беглого назад вы!
Он не придет к вам после жатвы.
Я конокрад и, право слово,
Не знаю ремесла другого.
Я твердо знаю лишь одно:
Мне утонуть не суждено.
Пословицам я верю старым,
Ведь говорится в них недаром,
Что утонуть не может тот,
Кого давно веревка ждет.
(Уходит.)

Линдель Фриц
(входит с Гангелем Дечем)

Уборка кончена, сосед,
А конокрада нет как нет.
Коль к завтраму его не будет,
О картузе пусть позабудет
Да помнит приговор суда.

Гангель Деч

Вот Штеффель Лелль идет сюда.
Он был на ярмарке в столице;
Спроси его, что там творится
И что он в Мюнхене видал.

Линдель Фриц

Эй, Штеффель Лелль, где пропал?
Тебе не попадался вор?

Штеффель Лелль

Да, я видал его вчера.

Линдель Фриц

Так где же он? Последний срок
Намедни вечером истек.
Уже пора бы показаться.

Штеффель Лелль

Об этом позабудьте, братцы!
Он возвращаться к нам не станет;
Наш честный вор торговлей занят.

Гангель Деч

Вор стал торговцем? Неужели?

Штеффель Лелль

Да, конокрад теперь при деле,
Торгует всяческим дерьмом —
Цветным кафтаном и козлом...
Теперь ему не до веревки,
Он все спускает по дешевке.
Купил себе кафтан я синий,
Потом рядился о скотине, —
Хотелось мне купить козла,
Да вот цена не подошла.
Двенадцать крейцеров просил он,
Мне это было не по силам.
А тот козел — совсем как твой,
С такой же жидкой бородой,
С обломанным и черным рогом.

Линдель Фриц

Клянусь я сатаной и богом,
Что потерялся мой козел.
Не наш ли вор его увел?
Тебе бы вот что сделать надо —
Взять и отправить козлокрада
Тотчас в столичную тюрьму!

Штеффель Лелль

Так тут бы и каюк ему,
И к нам бы не пришел он боле.

Линдель Фриц

Я вижу, ты с мерзавцем в доле.
Козла он, верно, взял себе
И уступил кафтан тебе.

Штеффель Лелль

Врешь! Полчервонца я скопил
И голубой кафтан купил.
Я сроду был благочестивым!

Гангель Деч

А почему он залит пивом?
В корчме украл его мошенник.
Поди возьми скорее веник,
Перо да пух смети с него.

Штеффель Лелль

Э, братец, это ничего,
Что мой кафтан не отутюжен.
Лишь в будни он мне будет нужен.
На воскресенье есть другой,
Такой же точно голубой.
Схожу, взгляну — висит ли дома...
А эта дырка мне знакома!
Вот мой подол, вот мой карман...
Проклятье! Это мой кафтан!
Мы, брат, ободраны, как липки!

Гангель Деч

Сосед, а нет ли тут ошибки?

Штеффель Лелль

Уж мне ль не знать свою дыру!
Ну, шкуру я с него сдеру!
Увел он, дьявол, ночью лошадь
И днем сумел нас облапошить.
Да как же я не разобрал,
Что мой же он кафтан украл,
Да и всучил его мне ловко!
Попутала меня дешевка!
Я полчервонца отдал вору,
Кафтан в охапку взял — и деру!
Зато тебе сказать могу,
Что не остался я в долгу:
Наказан он за воровство!

Гангель Деч

Ты как же наказал его?

Штеффель Лелль

Там покупателей орава
Рвала налево и направо
Товары у него из рук,
И все столпились в тесный круг,

А я у вора под шумок
Перчаток пару уволок, —
Залез я к продавцу в корзинку.

Линдель Фриц

У вора вор украл дубинку.

Штеффель Лелль

Нет, не украл, а просто взял,
Чтоб мне кафтан дешевле стал.

Линдель Фриц

Ну, ясно, кража — не иначе!

Штеффель Лелль

Я взял перчатки без отдачи,
Как вилы ты мои унес,
Которыми я клал навоз.
Известно, вору неприятно,
Укравши, отдавать обратно.
Он, вор, удавится сперва!
Вот справедливые слова
Про моего соседа Фрица!

Линдель Фриц

Ну, это все, как говорится,
Давно уж поросло быльем.
А будешь вспоминать о том,
Тебе, паскудник, двину в харю.

Штеффель Лелль

Двинь только, двинь! Я так ударю,
Что больше не полезешь драться!

Гангель Деч

(разнимает их)

Ну, полно! Помиритесь, братцы!
Конечно, конокрад — ворюга,
Но вам зачем тузить друг друга?
Ну, пусть один из вас неправ,
Зачем платить обоим штраф?
Друг другу перерезав глотку,
Вы попадете за решетку.
На ворота не виснет брань!

Л и н д е л ь Ф р и ц

Тогда ругаться перестань!
В селе я честностью известен,
А он не то чтоб слишком честен.

Г а н г е л ь Д е ч

Соседи, вы признать должны,
Что одинаково честны.
Вы стоите один другого.

Ш т е ф ф е л ь Л е л ь

Ты тоже, Гангель, право слово,
Недалеко ушел от нас.
Молчал бы ты на этот раз.

Г а н г е л ь Д е ч

А это что еще за вопли?
Ты, может, вспомнил про оглобли?
В базарный день им грош цена,
Да я и заплатил сполна
За эти палки прошлым летом.
А снова речь начнешь об этом,
Та́к надаю тебе по роже...

Ш т е ф ф е л ь Л е л ь

В долгу я не останусь тоже!
А ну-ка, подступись ко мне...

Л и н д е л ь Ф р и ц

И я не буду в стороне,
Себя ругать я не позволю,
Я надаю по шее Леллю!

Драка. Мужики, колотя друг друга, убегают.

Входит конокрад с картузом в руке.

К о н о к р а д

Я вижу, эти мужики
Тузить друг друга мастаки.
Давно слежу за этим спором,
Укрывшись за большим забором.
А бьются лучше нас, воров!
Ох, дурни, наломают дров!
Я видел, что у Линдля Фрица
Дыра на левой ягодице

И костоправ никак не мог
На ране завязать платок.
А вот у Гангля Деча рожа
На красный окорок похожа,
У Лелля вышло с кровью три
Дырявых зуба из ноздри.
Зато нашел я на дороге
Картуз, оставленный в залоге;
Его, наверно, забияки
Там попросту забыли в драке.
Так я вернул себе залог
И возвратился точно в срок.
И снова я на старом месте.
Ну, разве нет у вора чести?
Нет, я не хуже мужиков.
Они честны, и я таков.
Так разве есть теперь причины
Не стать мне членом их общины?
Мне фюнзингенцы не откажут,
Мне сельский сход почет окажет,
И глупость их пойдет мне впрок,
Поскольку я сдержал зарок.
Мы кончим представленье пиром
И будем пьянствовать всем миром,
Всем нашим праведным селом.
Засим Ганс Сакс вам бьет челом.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ДУРАКОВ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Врач
Слуга
Больной

В р а ч
(входит вместе со слугой)

Ну, добрый вечер, господа!
Я кем-то вызван был сюда.
Будь это старец иль девица —
Больному врач всегда сгодится.

Эй вы, больные! Где вы тут?
Лечу любую из простуд,
Подагру, кашель, камни в почке,
Похмелье после пьяной ночки,
Зубную боль, дурную кровь
И безнадежную любовь.
Могу спасти без разговоров
Вас от поносов и запоров,
Промыть кишки, спустить мочу.
Все это ловко я лечу
За плату не бог весть какую.
А что я в деле маракую —
Вот грамота, а вот печать.
(Показывает грамоту и печать.)

С л у г а

(глядит во все стороны)

Ошиблись местом мы, видать.
Да разве мы к больным попали?
Им доктор надобен едва ли.
Да тут одни здоровяки —
Румяны, веселы, крепки.
Вишь, скалят зубы: ха-ха-ха!
Недолго, барин, до греха.
Ей-ей, уйдемте лучше сами.

В р а ч

(раскланивается)

Да будет божья милость с вами!
Коль мы не в тот попали дом,
Откланяемся и уйдем.
Мир всей компании честной!

Между тем на костылях приближается б о л ь н о й
с огромным брюхом.

С л у г а

Глядите, вон идет больной!

Б о л ь н о й

Любезный доктор, вы ли это,
О ком шумит молва по свету
Как о мудрейшем из врачей,
Искусство чье и разум чей
Мгновенно, всем на удивленье,
Приносят хворым исцеленье?

Коль так, явите милость. Вот —
Раздулся у меня живот,
Как у последней потаскухи.
Нытье и шевеленье в брюхе.
Не сплю до самого утра.
Чем хворь мне выгнать из нутра?
Скажите, доктор, в чем тут дело?
Водянка, что ли, одолела,
Или какой там зреет плод?

В р а ч

Сперва проверим твой испод.
Принес ли ты с собой мочу?

Б о л ь н о й

А как же? Я ведь шел к врачу.
(Дает ему склянку.)

В р а ч

(рассматривает)

Да, брат, моча дурного цвета.
От живота исходит это.

Б о л ь н о й

Вот! Вот! Весь век кишками маюсь.

В р а ч

Тебе помочь я обещаюсь.
Но ты во что бы то ни стало
Напиток примешь для начала.
Я сам тебе его сварю.

Б о л ь н о й

От всей души благодарю,
Но я лекарств пивал немало, —
Едва живот не разорвало.
Полдня не мог ни встать, ни лечь.

В р а ч

Ты мне, голубчик, не перечь!
Видать, ты не в своем рассудке.
Скопилась дрянь в твоём желудке.
Ее должны мы выместь прочь,
Дабы беде твоей помочь.

Б о л ь н о й

Ох, тут пойдет такая вонь!..

С л у г а

Да что, тебя совсем не тронь?

Б о л ь н о й

Избави бог меня от пыток!..
Каков же будет сей напиток?
Быть может, пиво или мед, —
А то от жажды сохнет рот.

В р а ч

Лечись, приятель, без опаски!
Сперва отведаешь колбаски,
Затем, позавтракав слегка,
Ты выпьешь кварту молока,
Разбавленную черным пивом,
Заешь все это черносливом,
И, наконец, воды испив...

Б о л ь н о й

Я съел уже две сотни слив,
Пил молоко, глотал сметану,
И — я таить от вас не стану —
Отведав снадобье, за час
До ветру бегал десять раз.
Аж вывернуло наизнанку...

В р а ч

А ну, слуга, подай-ка склянку.
Авось найдем причину бед...
Мне это снится или нет?!
Да ты — прощупай сам руками —
Набит по горло дураками.
Их целый полк в тебя залез.

С л у г а

Сейчас мы сделаем надрез.
Небось полгуда выйдет грязи.

Б о л ь н о й

Ни боже мой! Ни в коем разе!
Уж это, сударь, вы наврали!..

Как дураки ко мне попали?
Шабаш! Лечиться не хочу!

В р а ч

Я выпить дам тебе мочу —
Поймешь, какие это враки.
Ужо заползают, как раки,
В размягшем брюхе дураки.

Б о л ь н о й
(пьет мочу)

Наверно, это червяки,
А что лягушки заурчали.
Вот уж какой не ждал печали!

В р а ч
(подает ему зеркало)

Врачу не веришь — так взгляни!
Держи-ка зеркало.

Б о л ь н о й
(смотрит в зеркало, хватая себя за уши)

Они!
Сам вижу, сколь недуг опасен.
Кладите! Режьте! Я согласен!

С л у г а

Постой, браток, не егози!
Сперва себя вообрази
Покойником в могильной яме:
Лежи — и не сучи ногами.
Не шутка вспарывать живот.

Б о л ь н о й
Ах, он меня вконец добьет!
Стать мертвецом?! Какая гадость
Лежать в гробу жене на радость!..

С л у г а

Ну, брат, давай. Чего ты ждешь?
Эх, с дураками пропадешь!

Б о л ь н о й
Бог с ним! Валяйте! Так и быть!
Желудок снова начал ныть.

Давно бы мне его настроить.
Но сколько это будет стоить?

В р а ч

Бесплатно сделаю надрез.
Дороже денег — интерес.
Что взять с несчастного такого?
Слуга! Все у тебя готово?

С л у г а

(подает инструменты)

Хозяин, я давно готов.
Вот нож для вспорки животов,
Вот губка, ножницы и клещи.
Сюда кладу я эти вещи.
А вот — ему бодрящий сок.

Б о л ь н о й

Дозвольте выпить хоть глоток, —
Желудок малость успокою.

В р а ч

Как только я махну рукою,
За шею ты его хватай
И полотенцем обмотай.
Начнет хрипеть — водою спрысни.

С л у г а

(обматывает шею больного полотенцем)

А ну-ка, парень, зубы стисни.
Терпи, не то испустишь дух.
Авось излечат твой недуг
И станешь молодым да свежим.

В р а ч

Подай-ка нож. Сейчас надрежем.
(Режет.)

Б о л ь н о й

(кричит)

Злодеи! Стойте! Жжет огнем!

С л у г а

Ты был предупрежден о том.
Небось не на блинах у тещи.

В р а ч
(погружает в брюхо больного щипцы,
вытаскивает первого дурака)

Дивись моей врачебной мощи!
На, погляди: неплох улов!
Ну до чего ж большеголов!

Б о л ь н о й
(хватается за живот)

Ох, доктор, вроде полегчало.

В р а ч

Какая мразь в тебе торчала!
Ты, дурака в нутро впустив,
Стал своенравен и спесив.
Теперь понятно, почему ты
Всегда ходил такой надутый,
Бахвал, хвастун, соседям враг.
Тому причиной — сей дурак.
С подобным чудищем в утробе
Давно б ты мог лежать во гробе,
Созрел для этого вполне.
Смекаешь, брат?..

С л у г а

Сдается мне,
Что у него застряли в брюхе
Еще дружки в таком же духе.
Вы поглядите, господин.

В р а ч
(заглядывает больному в брюхо)

Ну, так и есть! Еще один!
С башкою четырехугольной!

Б о л ь н о й

Ой, помираю! Страсть как больно!

С л у г а

Молчи-ка, олух! Не скули!
Глянь, что за дурня извлекли.
Знать, долго в брюхе находился.

Б о л ь н о й

Я словно заново родился.
Уф, хорошо!.. Но кто таков
Второй из этих дураков?

В р а ч

(показывает ему щипцы)

Кто он таков? Узнай, бедняга.
Сей дурень — самый главный скряга.
Как он залез к тебе в нутро,
Ты начал скапливать добро,
Сквалыгой стал и крохобором,
Сарай закрыл двойным запором.
Коль это для тебя не стыд —
Пускай дурак в тебе сидит.

Б о л ь н о й

(хватается за бока)

А это кто еще такой?
Вот здесь пощупайте рукой.
Десятый год мне брюхо точит
И вылезать никак не хочет.

С л у г а

Слыхали? Запищал, как мышь!

В р а ч

(залезает щипцами и вытаскивает дурака)

Нет, у меня не пошалишь!

Б о л ь н о й

О, поглядите, доктор милый!
Какой-то желтый он и хилый.
С чего он, бедный, высох так?

В р а ч

А он завистливый дурак.
Не зря ты вечно был не в духе,
Храня такую пакость в брюхе.
Допустим, счастлив твой сосед, —
Ты зол, тебе покоя нет.

Зато, когда сосед твой болен,
Ты веселишься, ты доволен.
Всему виною — тот подлец.
Ну как, смекаешь наконец,
Насколько был ты близок к смерти?

Б о л ь н о й

Я много лет терпел, поверьте.
Загрызла зависть...

С л у г а

А теперь

Еще разок живот проверь.
Добра какого не осталось?
Помни, не бойся!

Б о л ь н о й
(мнет брюхо)

Пучит малость.

Ногами кто-то бьет в бока.
Хватайте, доктор, дурака!

Врач с силой дергает.

Б о л ь н о й
(кричит)

Ох, отпустите! Ох, не надо!

В р а ч

(показывает ему дурака и говорит)

Гляди, какого вынул гада.
И до чего ж опасный плут!
Он похоть разжигал да блуд.
Тебя он сильно опорочил:
Ты девкам головы морочил,
Любовниц что ни день менял,
Своей супруге изменял.
Не вырви я его оттуда,
Тебе бы, парень, было худо.

Б о л ь н о й

Вы, доктор, из цыган небось:
Все так и видите насквозь...
Опять в кишках скребется что-то.

В р а ч
(орудует щипцами)

О боже! Новая забота!
Ишь! Упирается да вьется.
Здесь силой действовать придется.
А ну, сдавайся, сатана!

Б о л ь н о й
(кричит)

Ох, до чего ж гудит спина!
Вы, видно, кончите не скоро.

В р а ч
(вытаскивает дурака)

А вот и он! Дурак-обжора!
Он у тебя в нутре сидел,
И ты не в меру пил и ел.
К тому ж, когда набито брюхо,
Мозг слабнет, сердце бьется глухо.
Обжорство в дом несет разор,
Великий, стало быть, позор.
Ну, видишь сам, помог тебе я,
Убрав столь вредного злодея.

Б о л ь н о й

Мне, право, с ним расстаться жаль.

С л у г а

Вот тоже выдумал печаль!
Поди-ка, все теперь в порядке?

Б о л ь н о й

Домой помчусь я без оглядки.
Зашейте брюхо поскорей!

С л у г а
(прислушивается)

Там кто-то хрюкает, ей-ей!
Вот ведь как, бесы, притаились:
Еще один дурак не вылез.
Придется снова надрезать.

В р а ч
(орудует щипцами)

Ну, этого трудненько взять!
Беру его под самый корень,
А он противится. Упорен!
Нажмем-ка вместе. Так. Давай!

Б о л ь н о й

Хребет сломали! Ай-ай-ай!
Ох, послабее, что ль, тяните!

В р а ч

Сам не пойдет — заставлю выйти!
Не узнаешь его, милоч?
Сей дуралей — причина склок.
Изрядно с ним хлебнул ты горя,
По пустякам с друзьями споря.
Бывало, сунешься в кабак, —
И тотчас — свара, кавардак.
Тут слово за слово, а дале,
Глядишь, тебе бока намяли.
Теперь ты понял, братец мой?

Б о л ь н о й

Пожалуй, я пойду домой.
Зашейте мне живее пузо!

С л у г а

Ну как — избавился от груза?
Поди, ничто не беспокоит?

Б о л ь н о й

Да как сказать... Немного ноет.
В боку дурак засел, кажись.

В р а ч

Засел в боку? Тогда держись!
(Орудует щипцами.)
Эге! Он тут накуролесил.
(Вытаскивает дурака.)

С л у г а

Чего он голову повесил?
Губами чмокает. Сопит.

В р а ч

Тсс... Не будите... Дурень спит.
Вот он — великий лежебока!
Засел в нутре весьма глубоко,
Да и храпел там ночь и день.
Отсюда — скука, одурь, лень,
Нытье, неряшество, безделье,
Лежанье попусту в постели.
Пошел бы по миру с сумой,
Когда б не встретился со мной.
Итак, последняя обуза
Отныне вынута из пуза!

Б о л ь н о й
(ощупывает себя)

Ушли враги из живота,
И все же в брюхе маета.
До дому как бы дотащиться?

В р а ч
(ощупывает больному брюхо)

Эге, занятная вещица!
Сдавило малому кишки
Гнездо, где жили дураки.
Они там копошатся роем.
А ну, еще раз чрево вскроем.

Б о л ь н о й

Ох, доктор, я совсем ослаб.
Глоток винца испить хотя б!
Озноб трясет, немеют руки.
Не перенести мне этой муки.
Шут с ним, не трогайте гнезда.

С л у г а

Ты, что ли, враг себе, балда?
Иль жить не можешь без начинки?
В тебе кишмя кишат личинки.
Глядишь, и года не пройдет —
Опять раздуется живот
И вновь начнутся злоключенья.

Б о л ь н о й

Что делать? Ради излечения,
Дабы живот не вздуло впредь,
Придется, видно, потерпеть.

В р а ч

(орудует щипцами)

Эй, нажимай! Сильнее! Ну-ка!
Вот это, понимаю, штука.
Два пуда весом. Ну и ну!
Приподыми — сейчас взгляну.
Тут целый улей обнаружен —
По меньшей мере десять дюжин
В гнезде сидело малышей,
А ты кричишь: «Живот зашей!»
Гнездо мы вовремя достали.

Б о л ь н о й

А кем бы эти дурни стали,
Как только выползли б на свет?

С л у г а

Ого! Кого здесь только нет!
Любых сортов найдутся гады:
Ханжи, святоши, конокрады,
Буяны, ерники, лжецы,
Заимодавцы и скупцы,
Закоренелые злодеи,
Алхимики и чудодеи,
По части пьянства мастера,
Мошенники и шулера,
Плуты, развратники и воры,
Ревнивцы, трусы, живодеры,
Сутяги, совестью нечисты,
Лжемудрецы и лжеюристы,
Все, кого Брандт Себастиан
Однажды в море-океан
На корабле своем отправил...

В р а ч

Ну, а теперь, согласно правил,
Свали в мешок всю эту мразь
И в Пегниц кинь, благословясь.
Пускай поплавают в воде.

Б о л ь н о й

Спасен! Конец моей беде!
Зашейте брюхо, если можно.

В р а ч
(зашивает)

Сейчас заштопаем надежно.
Что, братец, стало веселей?
Домой пойдешь без костылей!

Б о л ь н о й
(встает)

Здоров я, доктор! С плеч забота!
Мне прыгать и плясать охота.
Спасибо мудрому врачу!
Одно лишь я узнать хочу:
Как дураки в меня проникли?
С едой попали на язык ли
Иль, может быть, с каким питьем,
Чтобы в нутре засесть потом?
Избави бог от этой пищи!

В р а ч

Тут дело не в еде, дружище,
И не в питье. Не в этом суть!
Они другой находят путь,
Вернее, есть у них дорога:
Упрямство наше — им подмога.
С чего ты стал так тяжело болен?
Все оттого, что был безволен,
Не мог держать себя в узде,
А это значит — быть беде.

Б о л ь н о й

Вы правы, доктор! Верно, верно!
Я прежде жил куда как скверно.
Поверьте, с нынешнего дня
Вы не узнаете меня.
Советов ваших не забуду
И день и ночь беречься буду,
Да жаль, что в нашей стороне
Полно больных, подобных мне.

Поди не ведают доселе,
Что дураки в нутре засели.
Но я погибнуть им не дам:
Немедля их направлю к вам,
Дабы доход вы получили,
Коль даром вы меня лечили.
Хвала вам до конца времен!..
Бегу, познанем умудрен.
(Уходит.)

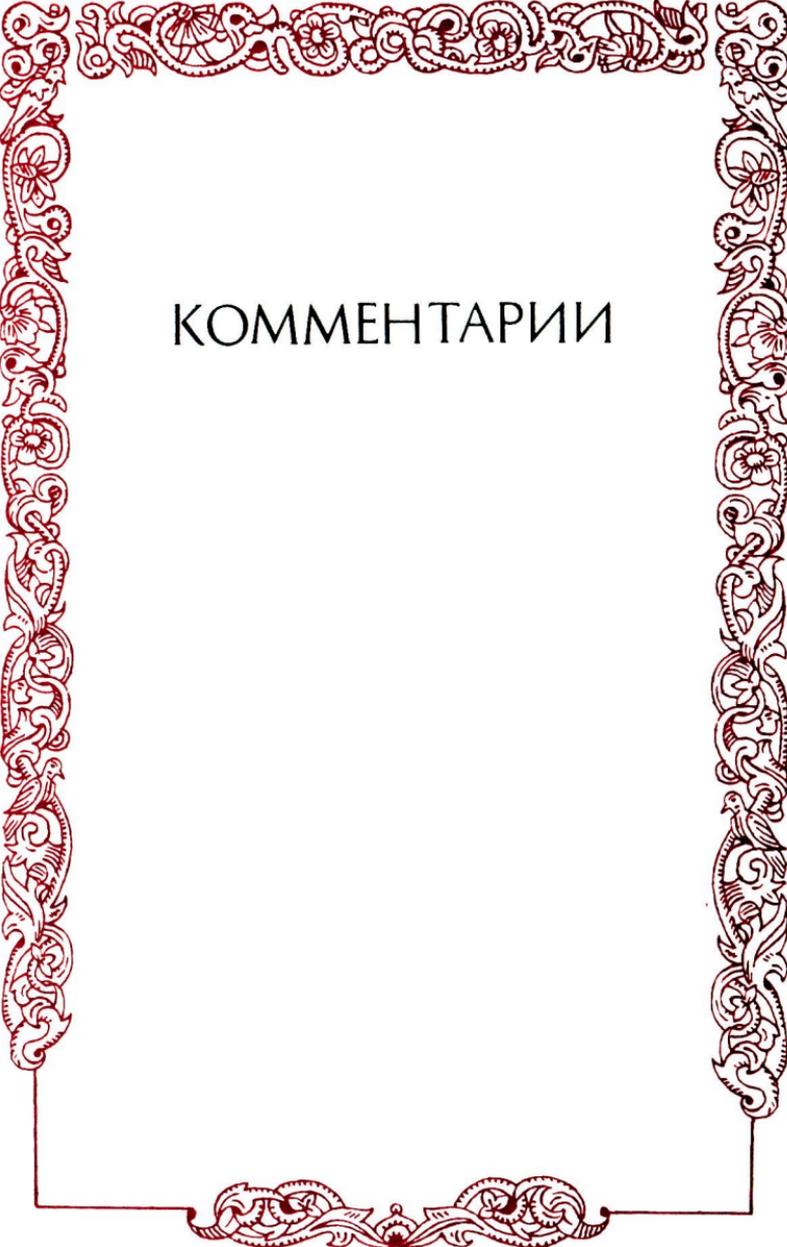
С л у г а
(выкрикивает)

Эй, дорогие господа!
Прошу пожаловать сюда.
Мы быстро сладим с вашим горем —
Живот быстрехонько распорем —
И молодых и стариков
Тотчас спасем от дураков!

В р а ч
(заключает)

Ну, господа, вам вывод ясен?
Любого я лечить согласен,
Поскольку в городе у нас
Так много страждущих сейчас.
Но погодите, не спешите —
Рецепт сначала запишите,
Чтоб вам и семьям вашим впредь
Болезнью этой не болеть:
Коль будет тверд и крепок разум,
Все дураки исчезнут разом.
Даю совет мужьям и женам —
Рассудка следовать законам
И, мир семейный возлюбя,
В порывах сдерживать себя.
Последний из моих заветов:
Разумных слушайте советов, —
И никакие дураки
Не заберутся к вам в кишки!
На этом, всем вам счастья проча,
Ганс Сакс желает доброй ночи!

КОММЕНТАРИИ

СЕБАСТИАН БРАНТ

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

Стр. 31. *«Протест»*. — В первом издании «Корабля дураков» (1494 г., Базель) этой части не было. Она была добавлена к третьему изданию книги (1499 г., Базель), и в ней Брант резко протестует против дополнений и переделок, которым подверглась его книга во втором, страсбургском, издании (1494), осуществленном без ведома и разрешения автора вскоре после выхода первого издания.

Стр. 33. *...доктором обеих прав*. — Брант был ученым-юристом и имел степень доктора гражданского (имперского) и канонического (церковного) права. Некоторое время Брант преподавал право в Базельском университете.

Стр. 34. *Душеспасительные книжки // Пекут у нас теперь в излишке...* — В эпоху Бранта печатни существовали во всех крупных и средних городах Европы, книги перестали быть редкостью, доступной только дворянам и богачам, как то было всего еще два-три десятилетия тому назад.

Стр. 35. *Теренций* Публий Афр (ок. 195—159 гг. до н. э.) — знаменитый римский комедиограф. Брант цитирует здесь слова Теренция из комедии «Девушка с Андроса»: «Правда родит ненависть» (акт первый, сцена первая).

Стр. 37. *Ганс-дурак* (Hans-Narr) — выражение, в известной мере аналогичное русскому Иванушка-дурачок. Неоднократно встречается в тексте «Корабля дураков».

Птолемей — египетский царь Птолемей II Филадельф (285—246 гг. до н. э.) собрал в тогдашней столице Египта Александрии самую богатую для того времени библиотеку.

Стр. 40. *Красс... золотом опился...* — Марк Лициний Красс (ок. 115—53 гг. до н. э.) — римский политический деятель и полководец периода кризиса республики в Риме. Во время проскрипций диктатора Суллы (82—79 гг. до н. э.) он нажил огромное богатство и впоследствии увеличил его путем различных спекуляций. В 53 г. до н. э., будучи римским наместником в Сирии, Красс возглавил поход против парфян, но потерпел жестокое поражение, попал в плен и был убит. По преданию, парфянский царь Ород влил мертвецу в глотку расплавленное золото. На это и намекает Брант.

Кратет из Фив (IV—III вв. до н. э.) — древнегреческий философ-киник. О нем рассказывали, что он отказался от своего имущества и вел бродячую жизнь.

Стр. 44. *А сколь чиста у старцев совесть, // Нам скажет о Сусанне повесть...* — Намек на библейское предание о прекрасной и добродетельной Сусанне. В доме мужа Сусанны постоянно бывали двое судей старейшин, которые воспылали к ней нечистой любовью. Старцы подстергли Сусанну возле водоема в ее саду, где она купалась, и, когда она отвергла их домогательства, обвинили ее в прелюбодеянии.

Стр. 46. *Илий* — легендарный библейский первосвященник и судья. Согласно Библии, бог через своих пророков предупреждал Илия, что беспощадно покарает его нечестивых сыновей. Эти пророчества исполнились во время неожиданного нападения филистимлян. В решающей битве они разгромили иудеев, убили обоих сыновей Илия и захватили святыню — ковчег завета. Пораженный горестными известиями, Илий умер в тот же день (Первая Книга Царств, II—III).

Феникс — в греческой мифологии, фессалийский старец, обучавший знаменитого героя Троянской войны Ахиллеса (Ахилла) красноречию и военному делу.

Филипп II Македонский (ок. 382—336 гг. до н. э.) — царь Македонии, отец Александра Македонского.

Македонец. — Имеется в виду Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

Стр. 47. *Горгий* (ок. 483—375 гг. до н. э.) — древнегреческий философ и ритор.

Стр. 48. *Авессалом* — один из сыновей древнееврейского царя Давида (X в. до н. э.). Согласно Библии, честолюбивый юноша, не надеясь унаследовать царский венец, поднял мятеж против отца. Сначала ему удалось захватить власть и изгнать Давида из Иерусалима, но в последующем сражении он потерпел поражение и погиб.

Алким — иудейский первосвященник (первая половина II в. до н. э.), захвативший этот высший в Древней Иудее чин с помощью интриг и предательства: он привел в Иерусалим сирийцев и помогал врагу бороться с освободительным движением, возглавлявшимся братьями Маккавеями. Угодная своим хозяевам, он приступил к разрушению Иерусалимского храма, как повествует Библия (Первая Книга Маккавейская), был внезапно разбит параличом и умер в тяжких мучениях.

Стр. 49. *Того надежда обманула, // Кто весть о гибели Саула...* — Саул — первый царь Израиля (XI в. до н. э.). В Библии сообщается, что, потерпев поражение в битве с филистимлянами и потеряв в ней трех сыновей, Саул в отчаянии бросился на меч. Случайно присутствовавший при этом юноша поспешил с вестью о смерти Саула к сопернику и врагу Саула Давиду. Рассчитывая получить награду, вестник сказал, что сам помог смерти царя, но Давид оплакал смерть Саула и казнил вестника.

Иевосфей — один из сыновей Саула. Согласно Библии, он царствовал над Израилем в течение двух лет после смерти отца, несмотря на постоянные междоусобные войны; был убит спящим двумя своими людьми, которые принесли его голову Давиду. Последний казнил его убийц.

Стр. 52. *Давид и Ионафан*. — В Библии рассказывается, что Давид, будущий царь Израиля, много лет упорно преследуемый царем Саулом, находился в трогательной дружбе с его старшим сыном Ионафаном. Ионафан не раз открывал другу враждебные замыслы своего отца против него и тем спасал ему жизнь.

Сципион и Лелий. — Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (ок. 235—183 г. до н. э.), знаменитый римский полководец и государственный деятель, был на протяжении всей своей жизни очень дружен с Гаем Лелием (ум. после 160 г. до н. э.).

Стр. 54. *Когда бы понял Ионафан...* — Ионафан Маккавей — иудейский первосвященник, возглавлявший освободительную борьбу евреев в 161—144 гг. до н. э. Военачальник сирийского царя Антиоха VI, Трифон, усыпил осторожность Ионафана лестью и дарами и уговорил его распустить войско. Ионафан оставил при себе лишь тысячу человек, и все они были коварно убиты сирийцами.

На что был Юлий Цезарь гений... — Гай Юлий Цезарь был убит 15 марта 44 г. до н. э. участниками республиканского заговора, руководителями которого были Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин. Известно, что при входе Цезаря в здание, где совершилось убийство, ему подали письмо с предостережением, но он оставил его нераспечатанным.

Стр. 56. *Никанор.* — Полководец Никанор был послан сирийским царем Деметрием Сотером для подавления восстания евреев. В решающем сражении он был разбит наголову и погиб (161 г. до н. э.). Вождь повстанцев Иуда Маккавей приказал, чтобы «отсекли голову Никанора и руку с плечом и отнесли в Иерусалим». Затем, уже в Иерусалиме, он распорядился «вырезать язык у нечестивого Никанора и, раздробив его, разбросать птицам, руку же безумца повесить против храма» (Вторая Книга Маккавейская, XV, 30,33). Существовало предание, будто Никанор еще до начала боевых действий продал работникам своих будущих пленников.

Стр. 58. *Дидона* — легендарная царица Карфагена, героиня «Энеиды» Вергилия. Покинутая троянцем Энеем, которого она полюбила, Дидона добровольно взошла на костер.

От страсти Несс-кентавр погиб... — Согласно греческому мифу, кентавр Несс почувствовал любовь к Деянире, жене могучего героя Геракла. Переправляя Деяниру через реку на своей спине, он попытался ее похитить, но был убит стрелой Геракла.

И Троя натерпелась горя... — Имеется в виду легендарная Троянская война, причиной которой, согласно греческим мифам, было похищение Парисом, сыном троянского царя, прекрасной Елены, жены спартанского царя Менелая.

Сафо (Сапфо; конец VII — первая половина VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса. По преданию, она бросилась со скалы в море из-за безнадежной любви к красавцу Фаону.

И взнуздан был, и был оседлан // Мудрец одной красоткой подлой... — Имеется в виду Аристотель, который, по преданию, однажды позволил своей возлюбленной оседлать себя и возил ее на своей спине.

На воздух воспарил Вергилий... — Публий Вергилий Марон (70—19 гг. до н. э.) — крупнейший римский поэт, широко популярный в Европе в средние века и в эпоху Возрождения. Брант неоднократно цитирует его и называет «своим другом Вергилием». Здесь Брант намекает на анекдот из жизни поэта: женщина, которую поэт хотел посетить, предложила ему сесть в корзину, спущенную из окна на веревке, обещая поднять его к себе, но затем оставила висеть между небом и землей.

За курс искусства страсти пылкой // Овидий заплатил ссылкой... — Великий римский поэт Овидий (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) в 8 г. был сослан императором Августом из Рима в далекую ссылку (местечко Тома в устье Дуная). Поэту вменялась в вину безнравственность его произведения «Искусство любви».

Стр. 61. *Не снес вина и старец Ной...* — По библейскому мифу, спасшийся от потопа Ной насадил виноградник. Отведав вина, Ной опьянел и заснул нагой в своем шатре. Один из его сыновей, Хам, увидел наготу отца и рассказал об этом братьям, которые, пятась задом, вошли в шатер и, не глядя, прикрыли наготу Ноя. Проснувшись, Ной проклял Хама и его потомков.

Стр. 62. *Телец* — упоминаемый в Библии идол, которого, по требованию народа, отлил из золота первосвященник Аарон, в то время как Моисей беседовал с богом на горе Синай.

Недаром бог во время оно // Пить запретил сынам Аарона. — Согласно Библии, бог запретил Аарону и его потомкам пить вино во время богослужения.

Хлебнул и Олоферн беды... — Военачальник Олоферн, посланный царем Навуходоносором для завоевания всех земель на западе, был обезглавлен еврейкой Иудифью во время сна после вечерней трапезы, за которую «пил вина весьма много, сколько не пил никогда, ни в один день от рождения» (Книга Иудифь, XII, 20).

Бывал и Александр пьян... — Имеется в виду Александр Македонский, убивший на пиру своего лучшего друга Клита.

Стр. 63. *Василиск* — сказочное существо древних восточных сказаний, которое часто представляли в виде огромной

птицы с короной на голове и хвостом змеи. Согласно мифам, василиск убивает своим взглядом.

Стр. 65. *Осел подох — изголодался: // Хозяев многих на-
видался!* — Намек на старинную немецкую басню «Недоволь-
ный осел».

Стр. 70. *Жантили и Мезюэ* — средневековые врачи, пи-
савшие о лихорадке. Брант упоминает, что оба погибли от этой
болезни, но неизвестно, из какого источника он почерпнул эти
сведения.

Стр. 73. *Да, юноши обыкновенно // Поньне едут в Лейп-
циг, в Вену...* — Здесь и ниже Брант перечисляет крупнейшие
университетские города Германии того времени.

Стр. 79. *Что Цезаревы нам законы, // Что Юлиевы нам
препоны?!* — Брант имеет в виду законы от 18 г. до н. э. рим-
ского императора Октавиана Августа, направленные против
разврата и сурово каравшие за нарушение супружеской вер-
ности. Название «Цезаревы» и «Юлиевы» объясняется тем,
что, будучи внучатым племянником и наследником Юлия Це-
заря, он принял после его смерти имя Гай Юлий Цезарь Окта-
виан, а после установления империи стал именоваться Цезарь
Август.

Мужья, подобные Катону... — Марк Порций Катон
Младший (95—46 гг. до н. э.) — римский государственный де-
ятель, стойкий защитник республики. Римский консул и ора-
тор Квинт Гортензий Гортал (114—50 гг. до н. э.) посватался
сначала к дочери Катона, а затем, получив отказ, попросил в
супруги его жену Марцию. После смерти Гортензия Марция
вернулась к Катону.

Стр. 82. *Кандавл* — упоминаемый в «Истории» Геродота
легендарный царь Лидии. Желая похвастаться красотой своей
жены, Кандавл показал ее своему приближенному и любимцу
Гигу обнаженной. Оскорбленная женщина предложила Гигу
либо умереть самому, либо убить Кандавла и жениться на ней.
Гиг предпочел последнее.

Стр. 83. *Поехать в Павию, иль в Рим, // Иль даже в Иеру-
салим...* — Павия (город в Северной Италии), упоминающаяся
здесь наряду с Римом и Иерусалимом, привлекала паломников
и путешественников находившимся в ней собором с гробницей
святого Августина и знаменитым старинным университетом.

Стр. 84. *Но если даже привезешь // И сотню крестиков...* —

Речь идет о крестах, которые паломники, в качестве своеобразных сувениров, обычно привозили из своих странствий.

Не изучил бы Моисей // Египетской науки всей... — Моисей, согласно библейскому преданию, воспитывался при дворе египетского фараона и вызывал удивление своей ученостью.

И Даниил бы не был склонен // Усвоить мудрость вавилонян... — Даниил — иудейский пророк. В Библии рассказывается, что отроком Даниил был взят ко двору вавилонского царя Навуходоносора, где усвоил язык и науки вавилонян.

Стр. 85. *Архит Тарентский* (ок. 428—365 гг. до н. э.) — греческий математик и астроном, полководец и государственный деятель, современник Платона.

Стр. 88. *Корей землю был проглочен.* — Согласно Библии, во время исхода евреев из Египта Корей поднял бунт против власти Моисея и первосвященника Аарона, завидуя их славе и воздаваемым им почестям. Бог жестоко покарал за это Корей и его приспешников: земля разверзлась у них под ногами и поглотила их.

Никем не шитый плащ Христов. — В «Евангелии от Иоанна» рассказывается, что римские воины, распяв Иисуса, разделили его платье на четыре части, и только хитон, который «был не сшитый, а весь тканый сверху», раздирать на части не стали, а бросили о нем жребий. «Нешвенный хитон Иисусов» был в средние века символом единства церкви.

Стр. 91. *Хоть строгой Аталанты меч...* — Аталанта — быстроногая дева-охотница из греческой мифологии. Так как оракул предостерег ее против брака, она предлагала юношам, желавшим жениться на ней, состязаться с нею в беге и пронзала их копьем, когда обгоняла. Только Гиппомену с помощью богини Афродиты удалось хитростью победить Аталанту.

Бранил однажды рака рак... — Здесь Брант пересказывает сюжет старинной немецкой басни «Два рака».

Стр. 92. *Воистину, мудра лисица...* — Намек на старинную немецкую басню «Лев и хитрые лисицы». В басне рассказывается, как старый лев, неспособный более добывать пропитание охотой, притворился больным и стал пожирать зверей, которые приходили к нему выразить сочувствие. Только лисицы, подошедшие к пещере, не последовали приглашению хищника, так как заметили, что в пещеру ведет много следов, а оттуда — ни одного.

Стр. 98. *И папский меч, и королевский...* — С XIII в. два меча считались у католиков символами духовной и светской судебной власти.

О Риме так сказал когда-то // Югурта-царь... — Югурта (ок. 160—104 гг. до н. э.) — царь Нумидии, хорошо знал римские нравы и неоднократно прибегал к подкупу римских сенаторов и полководцев. При помощи подкупа ему удалось сохранить свою власть над всей Нумидией, захваченной им в результате узурпации престола, и значительно отсрочить войну с Римом, так называемую Югуртинскую войну (111—105 гг. до н. э.).

Стр. 102. *Апеллес* (356—308 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий художник.

Стр. 103. *Но он из Обезьянограда...* — то есть из страны дураков. Слово «обезьяна» (Affe) в немецком языке — один из синонимов слова «дурак», «глупец».

Стр. 104. *Диоген из Синопа* (ок. 404—323 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-киник; по мнению киников, высшей нравственной задачей является подавление страстей, сведение потребностей к минимуму.

Стр. 106. *Сарданапал*. — Согласно преданиям и сообщениям некоторых древних авторов, так звали последнего царя Ассирии, который отличался необыкновенной изнеженностью и любовью к роскоши и проводил время в наслаждениях. У римских авторов имя Сарданапал было нарицательным.

Стр. 107. *...наслаждений трубадур, // Пел по-иному Эпикур!* — Древнегреческий философ-материалист Эпикур (341—270 гг. до н. э.) отрицал бессмертие души и считал началом и концом счастливой жизни удовольствие, подразумевая под ними отсутствие душевных и телесных страданий.

Стр. 109. *Власть Асмодеву упрочил*. — В библейской Книге Товита повествуется о некоей Сарре, которую семикратно выдавали замуж, но всякий раз злой дух Асмодей умерщвлял новобрачного, прежде чем тот успеет «побывать с Саррою, как с женой». Асмодей считался демоном похоти и нечистых помыслов.

Где Вооз, кто на чужестранке... — Вооз — герой библейской Книги Руфь, богатый и почтенный человек, который женился на неимущей чужестранке — пришельце Руфи, собиравшей по бедности колосья на его поле.

Стр. 111. *Исав* ненавидел своего брата-близнеца *Иакова*,

который обманом получил благословение отца, причитавшееся Исаву. Иакову пришлось бежать на чужбину от гнева брата (Библия, Книга Бытия).

Сыны Иакова завидовали своему младшему брату Иосифу, любимцу отца, и продали его в рабство в Египет (Библия, Книга Бытия).

Фиест. — Согласно греческой мифологии, Фиест соблазнил жену своего брата Атрея и попытался отнять у него власть, после чего был им изгнан. Это послужило началом непримиримой вражды между Фиестом и Атреем, изобиловавшей страшными и трагическими эпизодами. Вражда продолжалась до смерти обоих братьев, и жертвами ее оказались многие из детей.

Стр. 114. *Цюста* — предположительно, врач того времени.

Стр. 115. *Когда-то в Риме Марк Отон // Был императором... и мыться // Любил он молоком ослицы*. — Марк Сальвий Отон (32—69) был римским императором очень короткое время в конце своей жизни (69 г.). Купания в молоке ослицы приписываются его первой жене Поппее Сабине, ставшей затем женой императора Нерона (ум. в 68 г.).

Стр. 116. *Гейдельбергская обезьяна* — скульптурное изображение обезьяны на старом мосту через Неккар в Гейдельберге. Изображение обезьяны является символическим изображением дурака (см. коммент. к с. 103).

Пигмалион — в греческой мифологии, легендарный царь Кипра, замечательный скульптор, который влюбился в сделанную им самим статую. Богиня Афродита оживила эту статую, и она стала женой Пигмалиона.

Стр. 122. *Богатые есть ордена!* — Брант имеет здесь в виду так называемые «нищенствующие» ордена (главные из них — францисканский и доминиканский), возникшие в первую половину XIII в., в разгар борьбы с ересями. На заре существования этих орденов их члены вели бродячий образ жизни и собирали подаяние и дары на церковь, проповедуя «евангельскую бедность». Впоследствии эти ордена непомерно разбогатели.

От века продавцы реликвий // Народ обманывать призывкли. — Продажа поддельных реликвий подобного рода была широко распространена в Европе эпохи Бранта.

Стр. 123. *Наш город Базель... их плутней служит средоточьем...* — Вблизи Базеля находилось во времена Бранта

большое поселение бродяг и нищих, настоящее государство, со своими законами, обычаями и вольностями.

Стр. 124. *К святому их ведет в Сантьяго.* — Имеется в виду город Сантьяго-де-Компостела в Испании — одно из «святых» мест католической церкви, куда из Германии в XV—XVI вв. обычно направлялось много паломников. По преданию, там находились мощи святого Иакова.

Ривольское, эльзасское — сладкие вина, которые высоко ценились в эпоху Бранта.

Стр. 131. *Марсий* — фригийское божество, спутник бога Диониса. Согласно мифу, он нашел флейту, брошенную богиней Афиной, и вызвал на состязание самого бога Аполлона с его кифарой. Разгневанный дерзостью Марсия, Аполлон после победы над ним содрал с него кожу. Вместо слова «флейта» Брант обыгрывает слово «дудка», которая является одной из обычных принадлежностей традиционного шута или дурака.

Стр. 137. *...Нимрод, // Чей богом был отвергнут род.* — Нимрод был внуком Хама, проклятого Ноем. В Библии о Нимроде говорится, что «он был сильный зверолов перед господом» (Книга Бытия, X, 9).

Губерт и Евстахий. — Святой Губерт (ум. в 728 г.), епископ Льежский, считался покровителем охотников. По преданию, в молодости он сам был страстным охотником, пока однажды в лесу не было видения: олень с золотым крестом между рогами, — что заставило его покаяться и посвятить себя богу. Эта легенда первоначально рассказывалась о святом Евстахии (жил во II в.) и только в XV в. была отнесена к Губерту.

Стр. 139. *Господин фон Бруннедрат.* — Имя происходит от названия города Прунтрут, или фр. совр. Поррантрюи. Во времена Бранта это было одно из владений епископа Базельского. Брант намекает на то, что этот город во время так называемых бургундских войн выступил на стороне бургундского герцога Карла Смелого против французского короля Людовика XI. Этим он предал большинство швейцарских городов, которые были на стороне Людовика, так как бургундский герцог угрожал их независимости. В решающей битве под Муртеном (1476 г.) швейцарцы разбили бургундца и его союзников. После этой битвы в обоих лагерях много солдат было произведено в рыцари.

Гинц и Куц. — Сочетание этих двух распространенных в средние века немецких имен употреблялось в значении «всякий», «представитель простонародья» обычно с уничижительным оттенком.

Кревинкель. — Название вымышленной деревни, символ захудалости и незнатности происхождения. Впоследствии слово «Кревинкель» стало в немецком языке условно означать место, где живут ограниченные бюргеры, глубокие провинциалы.

Стр. 140. «*Corpus juris*» (л а т.). — Название свода законов, кодексов и сочинений по праву.

Стр. 143. *Напомнить, что сказал Вергилий...* — Ниже Брант излагает содержание стихотворения «Об игре», которое ошибочно приписывалось Вергилию.

Стр. 152. *Когда б сказал... // Вся истину пророк Иона, // Не знал бы он такой порухи...* — То есть: если бы пророк Иона послушался бога и пошел бы проповедовать в грешный город Ниневию, он не был бы в наказание проглочен китом, как сказано об этом в Библии.

Но Илия — пророк-герой... — Пророк Илия, согласно Библии, бесстрашно возвещал грешникам волю бога и был вознесен живым на небо.

Стр. 154. *Монтефьясконе* — итальянский город, который славился своим вином.

Стр. 155. *Мы много сказочных созданий // Встречали на путях скитаний...* — Здесь и далее Брант пересказывает эпизоды из «Одиссеи» Гомера, сопоставляя странствования и приключения ее главного героя с путешествием дураков в вымышленную страну Глупландию (Наррагонию).

Стр. 157. «*Гаудеамус*» (л а т.). — Начало известного в средние века анонимного стихотворения, распространенного в среде бродячих клириков и школяров (студентов). Стихотворение воспевает радости жизни. Некоторые его строфы вошли в студенческую песню, которая дожила до наших дней.

Стр. 158. «*О застольном невежестве*». — Эта сатира примыкает к популярным во времена Бранта сборникам правил поведения за столом, большей частью стихотворным. Впервые такой сборник появился в Германии в начале XIII в. В конце XV — начале XVI в. многие писатели наряду с Брантом резко выступали против крайней грубости и распу-

ценности, которые царили в немецком обществе того времени.

Стр. 160. *Как та злосчастная невеста...* — Эта история о невесте заимствована из старинного немецкого стихотворения, которое дошло до нас в собрании стихов и прозы XIII—XIV вв. «Лидерзаль» (Liedersaal), составленном германистом Йозефом Ласбергом в 1820—1825 гг.

Стр. 165. *А чтобы вы мудрее были, // Поможет вам мой друг Вергилий.* — В этой последней главе Брант вольно излагает содержание приписывавшегося Вергилию стихотворения «Мудрец».

Е. Маркович

ГАНС САКС

ИЗБРАННОЕ

Ганс Сакс, переписывая свои произведения, снабжал их обычно точной датой возникновения, а для мейстерзингерской песни указывал традиционный «тон» (сочетание мелодии и стихотворного размера), которому он следовал при ее создании.

МЕЙСТЕРЗИНГЕРСКИЕ ПЕСНИ

Это особый жанр поэзии средневекового города, созданный цеховыми ремесленниками, объединенными в поэтические корпорации (школы мейстерзингеров). Каждая песня написана в определенном «тоне», связанном с именем одного из старых поэтов-мейстерзингеров. Наиболее одаренные мастера этого жанра (в том числе и Ганс Сакс) создавали собственные, оригинальные тоны, сочетая в этом случае труд поэта и композитора.

Римлянин и шестеро его сыновей. — 11 июля 1536 года. Песня написана в «золотом тоне Регенбогена». Бартель Регенбоген — один из наиболее прославленных мейстерзингеров, кузнец из Майнца; жил в конце XIII — начале XIV в.

Чер т н а т а н ц а х. — 8 мая 1544 года. Песня написана в «голубом тоне Фрауэнлоба».

Фрауэнлоб, настоящее имя Гейнрих фон Мейссен (ок. 1260—1318) — основатель первой школы мастерзингеров в Майнце, считался одним из двенадцати образцовых поэтов, которым следовали мастерзингеры. Свое прозвище Фрауэнлоб (от Frau — женщина и loben — хвалить) получил не только потому, что восхвалял женщин в своих стихах, но и потому, что в споре с Регенбогеном отстаивал поэтические преимущества слова «Frau», по сравнению с другим словом того же значения «Weib».

М у ж и к и с в и н а я ш к у р а. — 26 мая 1545 года. Песня написана «в быстром тоне Фрауэнлоба».

К о в а р н ы й з а к о н н и к. — 28 февраля 1546 года. Песня написана «в розовом тоне Фрауэнлоба».

Купидон — в древнеримской мифологии, бог любви, изображавшийся в образе мальчика, вооруженного луком и стрелами.

П л у т - н о т а р и у с. — 20 апреля 1546 года. Песня написана «в голубом тоне Фрауэнлоба».

Гульден — старинная немецкая серебряная монета (ныне сохранилась в Голландии).

Когда брак бывает счастливым. — 5 сентября 1547 года. Песня написана «в коротком тоне Регенбогена».

Альфонс. — Подразумевается король Альфонс X Мудрый (1221—1284), правивший испанскими государствами Кастилией и Леоном в годы 1252—1282 и свергнутый собственным сыном Санчо. Это был образованнейший человек своего времени, покровитель наук и искусств, автор ряда ученых книг. При нем был создан сборник законов, позднее объявленный общим земским правом, а также были составлены астрономические таблицы, получившие название «Альфонсовых».

А у г с б у р г с к и й в о л о к и т а. — 12 марта 1549 года. Песня написана «в черном тоне Клингзора».

Клингзор Венгерский — личность вымышленная. Считалось, что он играл роль судьи в легендарном соревновании поэтов в Вартбурге. Имя Клингзора заимствовано из поэмы «Парцифаль» средневекового поэта Вольфрама фон Эшенбаха (ок. 1170—1220).

Этот раздел составлен преимущественно из шванков и басен, при этом материал расположен в хронологическом порядке. Стихотворения, непосредственно отражающие политическую и религиозную борьбу эпохи, помещены в начале раздела, независимо от общей хронологии.

О виттенбергском соловье, чья песнь слышна теперь везде. — 8 июля 1523 года. В стихотворении вопреки обычной форме нет завершающей строчки с именем Ганса Сакса. На обложке также не стояло его имени, не было обозначено ни место издания, ни дата выхода. Зато стихотворению предшествовало обширное предисловие, подписанное полным именем поэта.

Виттенберг. — Город, с которым связана реформационная деятельность Мартина Лютера. На дверях университетской церкви в Виттенберге Лютер прибил свои знаменитые девяносто пять тезисов против продажи индульгенций и других злоупотреблений папства. *Проснитесь!* — Обычное начало песни стража в поэзии миннезингеров, представителей средневековой рыцарской лирики. Сакс переносит этот традиционный зачин из любовной поэзии в политическую листовку. *Августинец.* — Лютер был монахом августинского ордена. Этот орден существовал с XIII в. и был причислен к четырем нищенствующим орденам (кроме августинцев сюда входили францисканцы, доминиканцы и кармелиты). В саксонской конгрегации этого ордена, к которой принадлежал Лютер, многие монахи стали участниками Реформации. *Софист* — в данном случае — человек, оперирующий ложными суждениями, которым он искусно придает внешний вид истины. *...четыре сотни лет...* — Ганс Сакс имеет в виду период, начавшийся в XI — XII вв., в эпоху господства католической схоластики — религиозной догматической философии, враждебной опытному знанию. Борьбу против схоластики вели многие передовые идеологи эпохи Возрождения. *...Лев здесь — обозначенье папы...* — Намек на папу Льва X, занимавшего папский престол в годы 1513—1521. При нем широко практиковалась продажа индульгенций, послужившая одним из поводов к Реформации в Германии. *Тонзура* — выстриженное или выбритое

темя у католических духовных лиц, знак их отречения от мирских интересов. *Клобук* — высокая цилиндрическая шапка с покрывалом, головной убор духовных лиц. *Власяница* — одежда из волоса, носимая на голом теле кающимися грешниками или аскетами. *Папистский* — католический. *Евангелие от Матфея* — одно из четырех Евангелий, которые все вместе составляют основную часть Нового завета и содержат жизнеописание Иисуса Христа и основные положения христианского вероучения. Евангелист Матфей входил в число двенадцати апостолов — легендарных учеников Христа. На самом деле его Евангелие, как и другие три — от Марка, от Луки и от Иоанна, — создано во II—III вв., то есть гораздо позднее той эпохи, когда, согласно христианской легенде, жили апостолы. *Декреталии* — послания папы римского в ответ на вопрос, обращенный к нему по частному поводу, в том случае, когда разрешение его может служить общим правилом. Эти послания составляют главное содержание Корпуса католического права — свода законов католической церкви. С помощью ранее изданных декреталий (часто поддельных) папы пытались юридически обосновать свои претензии на главенство и власть в борьбе со светскими государями. *Булла* — грамота, рассылаемая верующим от имени папы римского. То же название носит и печать при грамоте. Если булла содержала папскую милость, печать привешивалась к ней на желтом или красном шнурке, если же булла носила карательный характер, печать привешивалась на серой пеньковой веревке. *Нам, малым сим, запрещено//При таинствах вкушать вино...* — Согласно католическому обряду причастия, священник ест хлеб и пьет вино, которые являются якобы телом и кровью Христа, тогда как верующим дают только хлебную облатку. Реформация выдвигала требование давать всем верующим причастие «под обоими видами». За этой борьбой крылось стремление ликвидировать привилегии католического духовенства. *Отлучение от церкви* (интердикт) — наказание, накладывавшееся в средние века римской католической церковью на отдельных лиц, а также на целые города и страны, в которых запрещалось проводить общественное богослужение. *Поститься сорок дней подряд...* — так называемый великий пост перед праздником пасхи, отмененный в протестантской религии. *Тому, на ком нидета ряса, //Нельзя жениться уж никак...* — Католическому

духовенству было предписано безбрачие (так называемый целибат). Реформа Лютера отменяла это запрещение. Ганс Сакс и другие пропагандисты лютеранства обвиняли католических священников в том, что они, за неимением своих жен, соблазняли чужих и вносили разврат в среду верующих. *Апостол Павел* — один из мифических учеников Христа. Согласно церковному преданию, жил в I в. Приписываемые ему «Послания», составляющие основу христианской теологии, написаны разными лицами и в разное время (не раньше первой половины II в.). Ганс Сакс цитирует «Послание к Тимофею», которого церковники считали учеником и спутником апостола Павла и первым епископом Эфесским. *Капеллан* — священник при домашней церкви у католиков. *Прелат* — титул, применяемый к высшим чинам католического духовенства — епископам, аббатам, папским придворным и т. п. *Каноник* — священник католической церкви при большом соборе. В средние века эта должность давала большие права и приносила большие доходы. Обычно она предоставлялась знатым лицам. При этом фактические обязанности священника выполнял не сам каноник, а его заместитель — викарый. *Месса* — богослужение в католической церкви. Заканчивается обрядом причащения. *Десятина* — феодальная повинность, взимавшая в пользу католической церкви десятую часть дохода. *Индульгенция* — папская грамота об отпущении грехов. Эти грамоты продавались за деньги, что способствовало колоссальному обогащению папства и вызывало негодование прогрессивных общественных слоев. Как известно, именно продажа индульгенций послужила одним из ближайших поводов к выступлению Лютера. В католических странах торговля индульгенциями осуществляется до настоящего времени. *Чинш* — вид феодальной земельной ренты. *Откровение* — сведения о боге и о божьей воле, полученные якобы непосредственно от самого бога. Согласно христианскому учению, такими откровениями являются Ветхий и Новый заветы — две части Библии. *Фиск* — государственная казна. *Бенефиций* — церковное недвижимое имущество или церковная должность, дающая право на получение доходов с недвижимых имуществ. Были бенефиции, связанные только с управлением паствой (*curata*) и не связанные с какими-либо функциями священника (*sinicura*). Один и тот же человек мог приобрести несколько бенефициев

и получать соответствующие доходы, не имея фактически никаких обязанностей. *Но герцог Фридрих на костер//И не подумал божье слово //Отправить.* — Имеется в виду курфюрст Саксонский, герцог Фридрих III Мудрый (1463—1525), основатель Виттенбергского университета (1502), в котором впоследствии читал свои лекции Лютер. Когда архиепископ майнцский возбудил против Лютера процесс в Риме, Фридрих отказался выдать «мятежного августинца». Тогда папа, не желая раздувать религиозный спор, согласился на передачу дела кардиналу-легату Каэтану, прибывшему на аугсбургский рейхстаг в октябре 1518 г. Лютеру предложили произнести всего одно слово: «Отрекаюсь», но он категорически отказался это сделать и ночью убежал из Аугсбурга, опасаясь ареста. В январе 1519 г. папский камергер Мильтиц уговорил Лютера «молчать», при условии что и его противники не будут выступать. Но перемирие было недолговечным, и после диспута с католическим богословом Экком Лютер снова возобновил свою оппозиционную деятельность. *Не убоялся папской буллы!* — 21 сентября 1520 г. появилась папская булла, осуждавшая Лютера. В ответ на это Лютер в резкой статье назвал папу антихристом и сжег папскую буллу в присутствии студентов перед воротами Виттенберга. *Тогда он вызван был в рейхстаг...* — Согласно охранной грамоте императора, Лютера отпустили из Вормса. Но в мае 1521 г. последовал имперский эдикт, осуждавший Лютера как еретика. В этот период, когда ему грозила величайшая опасность, его снова укрыл в Вартбурге Фридрих Саксонский.

Похвальное слово городу Нюрнбергу. — 20 февраля 1530 года.

Кроме упомянутого там панегирика Гелия-Эобана Гесса, предшественниками Сакса, воспевшими Нюрнберг, были Ганс Розенплют (1447) и Кунц Хасс (1490).

...на фряжский лад. — Имеется в виду архитектурный стиль ренессанс, перенятый нюрнбергскими мастерами у итальянцев. *Магистрат* — совет, управлявший вольным городом Нюрнбергом и выбиравшийся из членов старинных патрицианских фамилий. *Цехи* — объединения ремесленников одинаковой специальности.

Разговор богов о смутах в Священной Римской империи. — 3 марта 1544 года. Стихотворение

направлено против феодальных раздоров и отстаивает идею примирения враждующих князей во имя «Общей пользы».

Священная Римская империя. — В XVI в. так называлась Германия. Вольтер шутил по этому поводу, что она не была «священной», не была «римской» и не была «империей». *Юпитер* — верховное божество в древнеримской мифологии, соответствует греческому Зевсу, сыну Кроноса. Отсюда — *Кронид* (сын Кроноса). *Марс* — бог войны у древних римлян. *Юнона* — согласно древнеримской мифологии, супруга Юпитера, богиня брака, покровительница женщин. *Брак лилий и орла...* — Имеется в виду брак французского короля Франциска I (1494—1547) с сестрой германского императора Карла V Элеонорой. Этот союз был обусловлен Мадридским мирным договором в 1526 г., но состоялся только в 1530 г., после второй войны и мира в Камбрэ. Брак Элеоноры и Франциска I должен был обеспечить хорошие отношения между породнившимися династиями. Однако в 1536 г. война между ними вспыхнула снова. Лилии входили в герб Франции, а двуглавый орел был эмблемой Священной Римской империи. *Плутос* — согласно древнегреческой мифологии, бог богатства. *Пенурия* (л а т .) — нужда, недостаток. *Меркурий* — бог торговли у древних римлян. Служил вестником богов и изображался с крыльшками на ногах. *Феб* — в древнегреческой мифологии — бог солнца и света. Ганс Сакс произвольно смешивает римские и греческие имена богов. *Сатурн* — в древнем Риме — бог посевов, покровитель земледелия, отождествляется с греческим Кроносом, жестоким божеством, поедавшим своих детей и за это низвергнутым с престола его сыном Зевсом. *Минерва* — древнеримская богиня мудрости. *Res publica* — общее дело. В данном случае не имеется в виду республиканская форма правления; речь идет о буквальном значении этого термина, об общих интересах всей страны, которую обессиливали феодальные распри. *Имперские города* — феодальные республики с различной степенью самостоятельности. Наиболее независимые из них, подобно Нюрнбергу, пользовались правом самоуправления, содержали свою армию, заключали договоры с другими городами и с князьями, чеканили свою монету и т. п. *Европу покидала // И в Грецию бежала...* — Греция была под властью турок, и поэтому Сакс относит ее к Азии. *Диана* — древнеримская богиня, покровительница охоты. Эс-

кулап — латинское название древнегреческого бога врачевательного искусства Асклепия. *Дракон* — символический поэтический образ — феодальные распри. *Сирены* — мифические существа, полудевы-полуптицы, обладающие чарующим голосом.

Эпитафия, или **Надгробная речь над прахом доктора Мартина Лютера**. — Точная дата выхода в свет неизвестна, но, поскольку стихотворение вызвано смертью Лютера, оно, вероятно, относится к февралю 1546 г.

...по саксонским образцам... — Имеется в виду романский стиль архитектуры, который в Германии часто называли саксонским. *И роза пышная с крестом...* — Роза и крест были изображены на гербе Лютера. *Теология* — богословие. Ганс Сакс изображает Лютера рыцарем девы Теологии, защитником «истинного слова божьего» от католицизма. *Вавилонское пленение* — так назывался в истории древних евреев период 586—538 гг. до н. э., когда Иерусалим был взят Навуходоносором II и часть евреев подверглась насильственному переселению в Вавилонию. Они вернулись на родину только после завоевания Вавилонии персами.

Шлаураффия. — 1530 год. «Das Schlaraffenland» от средневерхненемецкого слова «sluraffe» — беззаботный бездельник. Страна, в которой людям предоставлены все блага и наслаждения без затраты какого-либо труда, фигурирует еще в античной литературе — золотой век Кроноса в староаттической комедии, острова блаженных у Лукиана. В средние века страна «Cucania», похожая на немецкую страну лентяев «Schlaraffenland», фигурировала во французской, итальянской, английской, нидерландской и испанской поэзии. Шванк Ганса Сакса отрицательно относится к изображаемой здесь бездеятельной и беззаботной жизни, он предостерегает молодежь от лени и паразитизма.

Геллер — германская мелкая разменная монета, равен одной сотой доле кроны. *Крона* — германская золотая монета.

Семь жалующихся жен. — 3 марта 1531 года.

Семь жалующихся мужей. — 6 марта 1531 года.

И первый вестник ее смерти//Мной будет награжден — поверьте! — Распространенный в то время обычай награждать человека, принесшего долгожданную весть, подарком.

Отшельник и его осел, или На всех не угодишь. — 6 мая 1531 года.

Словопрение служанки с подмастерьем. — 18 января 1532 года.

Ландскнехт — наемный немецкий солдат. Их отряды в ту эпоху, когда жил Ганс Сакс, грабили и разоряли население. Характерно, что служанка, выражающая мнение автора, считает ландскнехтов воплощением буйства, пьянства и отсутствия моральных устоев, а «заблуждающийся» подмастерье завидует им и старается стать похожим на них. О ландскнехтах см. также шванки: «Святой Петр и ландскнехты» и «Сатана не пускает ландскнехтов в ад», в которых выясняется, что от этой воинственной братии стремятся отделаться и рай и ад.

Сетование трех служанок на своих хозяек. — 9 июля 1532 года.

Сретенье — христианский праздник. Евангельская легенда связывает его с принесением младенца Иисуса Христа во храм. Этот день, 2 февраля, во времена Сакса был днем найма прислуги.

Девять шкур злой жены. — 17 мая 1539 года.

Девять вкусов в браке. — 11 июня 1539 года.

Повар и журавль. — 1 сентября 1540 года. Обработка новеллы Боккаччо («Декамерон», VI день, 4 новелла). Эта же новелла обработана Гансом Саксом и в виде мейстерзингерской песни.

Дворянин, шут и истина. — 10 декабря 1545 года. Сюжет заимствован из книги Паули «Смех и дело».

Податра и Паук. — 28 декабря 1545 года. Сюжет заимствован из латинского сборника басен Мартина Дорпиуса (Страсбург, 1519 г.).

Так сам Овидий говорил... — Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — римский поэт. Речь идет о его книге «Метаморфозы», где поэт переработал в художественной форме различные мифы о «превращениях». В частности, Овидий рассказывает об искусной ткачихе Арахне, осмелившейся соревноваться с богиней Афиной и превращенной ею в паука. *Бахус*, или *Вакх* — бог вина и веселья у древних римлян. *Петрарка Франческо* (1304—1374) — великий итальянский поэт эпохи Возрождения.

Аббатиса, штаны и юная монахиня. — 30 января 1546 года. Сюжет заимствован у Боккаччо («Декамерон», IX день, 2 новелла).

Аббатиса — настоятельница женского католического монастыря. **Капитул** — в данном случае речь идет о собрании монахинь в монастыре.

Крестьянин и Смерть. — 20 ноября 1547 года.

Два вора и баран. — 1 января 1548 года. Сюжет заимствован из книги Паули «Смех и дело».

Три бабы и тесьма. — 7 ноября 1548 года.

Купель юности. — 31 декабря 1548 года.

Пономарь и цапля. — 6 февраля 1550 года.

Пономарь — мелкий служитель церкви, прислуживающий при богослужении.

Три смерти, вызывающие радость. — 13 февраля 1550 года.

Спор Эйленшпигеля с епископом об изготовлении очков. — 29 августа 1554 года.

Тиль Эйленшпигель — герой немецкой народной книги, живший в XIV в. и умерший, согласно народному преданию, в 1350 г. Народная книга о Тиле Эйленшпигеле возникла в 1500 г., сначала на нижненемецком наречии. Дошедший до нас вариант содержит около сотни шванков об озорных проделках героя, жертвами которых становятся князья и рыцари, попы и трактирщики. Ганс Сакс неоднократно использовал для своих шванков материал книги о Тиле Эйленшпигеле.

Сетования трех хозяек на своих служанок. — 20 января 1555 года.

Короткая беседа о пьянстве — вреднейшем пороке. — 19 сентября 1555 года.

Бедный башмачник и богатый жадный бюргер. — 3 октября 1555 года. Сюжет заимствован из сборника басен лютеранского пастора Буркарда Вальдиса (1490 — ок. 1556), изданного под названием «Обновленный Эзоп, переложенный в стихи» (1548).

Любек — город в Германии.

Святой Петр и коза. — 8 октября 1555 года.

Апостол Петр — согласно христианской легенде, ближайший ученик Иисуса Христа, хранитель «ключей от цар-

ства небесного». *Аввакум* (Хавакук) — один из библейских пророков. Приводимые Саксом жалобы на угнетение слабых сильными взяты из его речей, составляющих восьмую книгу сборника двенадцати «малых пророков».

Сатана не пускает ландскнехтов в ад. — 1556 год.

Люцифер — в христианской мифологии — одно из имен дьявола. *Вельзевул* — также одно из имен дьявола. Сакс произвольно дает одно из этих имен владыке ада, а другое — его слуге.

Заклинание ведьм. — 10 января 1556 года.

Вените вы нечистибус... — бессмысленный набор слов, по звучанию напоминающих латынь. *Науку черную кляня...* — Искусство вызывать нечистую силу в средние века называлось черной магией.

Святой Петр и ландскнехты. — 19 мая 1556 года.

Райские врата. — Согласно христианской легенде, у ворот рая души умерших встречает святой Петр, которому вручены ключи от царства небесного. *Дуться в кости.* — Игра в кости (шестигранные кубики с точками, от одной до шести, на гранях) была очень популярна среди ландскнехтов.

Глухой мельник и мошенники. — 2 июля 1556 года.

«*Gracias*» (точнее, «*gratias*») — послеобеденная молитва, начинающаяся словами: *Gratias agamus Deo* («Возблагодарим Господа...»).

Святой Петр, Господь и ленивый батрак — 10 сентября 1556 года.

Иерихон — древний город в Палестине, близ Иерусалима.

Восемнадцать прелестей девушки. — Дата 3 марта 1557 года оспаривается. Скорее всего стихотворение написано в 1527 г.

Лукреция — согласно рассказу римского историка Тита Ливия, знатная римлянка, которую обесчестил родственник ее мужа Секст, сын последнего римского царя Тарквиния Гордого. Не перенеся бесчестия, Лукреция заставила отца и мужа поклясться, что они отомстят преступнику, и затем заколола себя на их глазах. Смерть Лукреции привела к восстанию (510 г. до н. э.) против тирана Тарквиния и к установлению ре-

спублики. Современные историки считают этот рассказ легендой.

О том, как черт женился на старухе. — 13 июля 1557 года.

Упрямый монах и кувшин. — 12 ноября 1557 года. Сюжет заимствован у Вальдиса.

Регенбург — город в Баварии. *Картезианское аббатство* — монастырь католического монашеского ордена картезианцев. Название ордена происходит от местности Шартрез (лат. Cartusia) в Бургундии, где в XI веке и был основан картезианский орден. Картезианцы отличались строгостью своего монастырского устава. *Епитимья* — церковное наказание, накладываемое духовным лицом и заключающееся в продолжительной молитве, усиленном посте и т. п. *Игумен* — настоятель мужского монастыря. *Прюль* — деревушка, позднее слившаяся с Регенсбургом.

Собачий хвост. — 4 декабря 1557 года.

Что первым создан был Адам... — Согласно библейскому мифу, Адам, прародитель рода человеческого, был создан богом из глины. Позднее бог вынул ребро у спящего Адама и сотворил из ребра первую женщину — Еву. *Талмуд* — еврейская религиозная книга (III в. до н. э. — V в. н. э.), содержащая толкование Библии, религиозные и правовые предписания, легенды, притчи и т. п. *Раввин* — служитель культа в еврейской религиозной общине.

Священник в ризе. — 13 декабря 1557 года.

Кузнец, болевший зубами. — 4 января 1558 года.

Скупой крестьянин и его ленивый, прожорливый батрак Гейнц. — 27 января 1558 года.

Дьявол стережет развратницу. — 8 февраля 1558 года.

Фюнзингенские крестьяне. — 19 февраля 1558 года.

Почему собаки так ненавидят кошек, а кошки мышей? — 20 апреля 1558 года.

Монах и украденный петух. — 13 июля 1558 года.

Кармелиты — монашеский орден, основанный в XII в. на горе Кармель, в Палестине, итальянским крестоносцем Бер-

тольдом. Впоследствии кармелиты рассеялись по всей Европе, основав множество монастырей и общин. *Бюргер* — горожанин, житель немецкого города. *Великая суббота* — суббота на страстной неделе, последней неделе великого поста, накануне пасхи. *Агнец божий* — ягненок, символизирующий непорочность Иисуса Христа. Его изображение на металлической пластинке католический священник целует и дает целовать верующим во время исполнения молитвы, которая так и называется «Агнец божий». *Стихарь* — верхнее облачение дьяконов, надеваемое при богослужении. У священников поверх стихаря надевается риза. *Вот если б, вместе с волосами, // Они простились со страстями...* — Принятие монашеского сана сопровождается обрядом пострижения волос.

Д в о р я н к а и у г о р ь. — 4 августа 1558 года. Сюжет заимствован из книги Паули «Смех и дело».

Мейсен — город в Саксонии. *Фогтша* — жена фогта, доверенного лица, управляющего имением.

М о н а х и к а п л у н. — 4 августа 1558 года.

В свят день к себе на разговенье... — С наступлением пасхи верующие разговляются «скромной» пищей, которую им запрещено было есть в период поста. *Я клюв свой на спине таскаю...* — игра слов Schnabel (нем.) — клюв. Так же называется часть рясы, откидываемая на спину. *И бос, как гусь...* — Босоногие монахи принадлежали к одной из ветвей нищенствующего ордена кармелитов.

М о н а х Ц в е й ф е л ь и е г о с в я т ы н я. — 12 августа 1558 года. Сюжет взят у Боккаччо («Декамерон», VI день, 10 новелла).

Корталь (у Боккаччо — Чертальдо) — небольшой городок в Италии. *Монахов ордена святого Антония...* — Госпитальное братство святого Антония было организовано в 1095 г. во Франции, в Сен-Дидье-де-ла-Мот, где находятся мощи святого Антония Фивейского, считавшегося отцом монашества. В XIII в. оно было преобразовано в монашеский орден антонитов, или антонианцев. *Стационар* — бродячий монах, продающий реликвии. *Архангел Гавриил* — в христианской мифологии один из семи высших ангелов, посредник между богом и людьми. *Когда явился в Назарет, // Неся божественный привет.* — Назарет — город в Палестине, где, согласно евангельскому мифу, дева Мария получила через архангела Гавриила

«благую весть» о том, что ей предстоит стать матерью Иисуса Христа. С этим мифом связан христианский праздник — благовещение. *Святой Лаврентий* — один из мучеников христианской церкви. Легенда говорит, что он был архидьяконом епископа Сикста II. Во время преследования христиан в III в. ему приказали выдать сокровища церкви. В ответ он указал на бедняков и больных. За это его заживо сожгли на железной решетке.

Переполох в Гирзау. — 1 апреля 1559 года.

Гирзау — небольшой городок в Вюртемберге. *Эзон* — (VI—V в. до н. э.) — полуполюгендарный древнегреческий баснописец, которому приписывается создание ряда народных басен.

Мельник и студент. — 8 апреля 1559 года.

Ингольштадт — город в Баварии. *Codex* — свод законов. *Глоссы* — толкование непонятных слов. Применяется обычно для объяснения юридических текстов. *Casus* — сложный, запутанный случай. *Ad marginem on no шнурку//Рубить стал мелкую строку...* — Мельник отрубает от основного текста поля («marginа»), где мелким шрифтом печатались глоссы.

Почему крестьяне мельникам не верят. — 11 апреля 1559 года.

Откуда взялись лысые мужчины. — 13 апреля 1559 года.

Кухарка-лакомка. — 21 апреля 1559 года. Сюжет заимствован из книги Паули «Смех и дело».

Иоахимсталь — немецкое название чешского города Яхимова.

Черт с индугенцией. — 11 мая 1559 года. Сюжет заимствован из книги Паули «Смех и дело», о чем сообщает автор в первой строчке шванка.

Аугсбург — город в Баварии. В средние века — вольный имперский город, входивший в Швабский союз городов. Наряду с Нюрнбергом был одним из крупнейших центров торговли и ремесла, средоточием путей, соединявших Италию с рынками Северной Европы. *Отправились в собор Петра.* — Собор св. Петра — главная католическая церковь в Риме.

Отшельник и кувшин с медом. — 25 июня 1560 года.

Нас учит мудрый Соломон... — Последующие рассуждения взяты из книги «Экклезиаст», составляющей один из разделов Библии. Автором книги «Экклезиаст» считался Соломон — царь объединенного царства Израиля и Иудеи ок. 960—935 гг. до н. э.

Королевич и нечистая сила. — 6 мая 1562 года.

В Свейских землях — в Швеции. *Король Халдан.* — Имеется в виду скандинавский король Ганс (1455—1513), царствовавший одновременно в Дании, Норвегии и Швеции. *Королевич* — сын короля, будущий король Христиан II (1481—1559), с шести лет воспитывавшийся в бюргерском семействе Ганса Переплетчика в Копенгагене. Это необычное для королевского сына воспитание дало повод Гансу Саксу сделать именно его героем использованного в шванке сказочного сюжета. *...Копенгаген, город стольный...* — Столицей всех трех скандинавских королевств являлся в то время Копенгаген.

Сердобольные дворяне. — 3 июля 1562 года. Сюжет взят из книги Паули «Смех и дело».

Три вора на крыше. — 23 июня 1563 года.

...зюльм, зюльм, зюльм... — бессмысленные слова якобы магического значения.

Портной и флаг. — 21 июля 1563 года. Сюжет взят из «Книжечки для путешествий» (1555) — сборника прозаических шванков, выпущенного Иоргом Викрамом (ок. 1520 — ок. 1562).

Матвей Остаток и гороховое поле. — 18 августа 1563 года.

Враг дочкам. — 23 сентября 1563 года.

Швац — город в Тироле.

Ленивый крестьянин и его собаки. — 24 сентября 1563 года.

Сапожник растягивает кожу зубами. — 25 ноября 1563 года.

Купец и волынка. — 10 февраля 1573 года.

Майнц — город на Рейне, близ впадения в него реки Майн. Ганс Апель совершает свой путь на ярмарку по Майну, направляясь к городу Франкфурту-на-Майне.

Школяр в раю. — 8 октября 1550 года. Сюжет заимствован из книги Паули «Смех и дело».

Испытание каленым железом. — 16 ноября 1551 года.

Испытание железом — встречающаяся в средние века форма так называемого суда божьего. Если обвиняемый никак иначе не мог доказать свою невиновность, он подвергался испытанию раскаленным железом, кипящей водой и т. п. Если с помощью какой-нибудь хитрости ему удавалось безболезненно пройти через это испытание, он считался невиновным.

Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне. — 27 декабря 1553 года.

Извлечение дураков. — 8 октября 1557 года. Этот фастнахтшпиль примыкает к так называемой «литературе о дураках» (Narrenliteratur), традиции которой восходят к «Кораблю дураков» (1494) Себастиана Бранта, «Похвальному слову глупости» (1509) Эразма Роттердамского, «Заклятию дураков» (1512) Томаса Мурнера (1475—1536) и др. Под «дураками» здесь подразумеваются и абстрактные пороки: хвастовство, скупость, зависть, похоть, обжорство, превращающие человека в «дурака», портящие жизнь ему и окружающим, и конкретные носители этих пороков — святоши, заимодавцы, пьяницы, сутяги и т. п.

Все, кого Брант Себастиан... На корабле своем отправил... — намек на «Корабль дураков» Бранта, сатиру, положившую начало «литературе о дураках».

А. Левинтон

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Пуришев. Себастиан Брант и Ганс Сакс 7

Себастиан Брант
КОРАБЛЬ ДУРАКОВ
Избранные сатиры
Перевод Л. Пеньковского

Протест	31
Предисловие к «Кораблю дураков»	33
О бесполезных книгах	37
О стяжательстве	39
О новых модах	41
Дурачки-старички	43
О воспитании детей	45
О тех, кто сеет раздоры	48
О дурных манерах	50
Об истинной дружбе	52
Об опрометчивых дураках	54
О волокитстве	57
Бражники-гуляки	61

О слугах двух господ	64
О болтунах	66
Других обличают — себя прощают	70
О берущих взаймы	72
О бесполезном учении	73
Завтра, завтра — не сегодня	75
О караульщиках своих жен	77
О прелюбодеянии	79
Глупец останется глупцом	83
О безрассудном гневе	85
Самовольство и самонадеянность	87
О непослушных больных	89
О соблазнах глупости	91
Мало ли что болтают	93
Шум в церкви	95
О дураках, облеченных властью	97
Корабль ремесленников	101
О дурном родительском примере	104
О наслаждениях	106
О тех, кто женится на деньгах	108
О зависти и злобе	110
О врачах-шарлатанах	112
О самовлюбленности	115
О танцах	117
Ночные похождения	120
О нищенстве	122
О злых женах	126
Об астрологии	128
О глупцах, не признающих себя глупцами	131
О сутяжничестве	134
О бесполезности охоты	136
О хвастовстве	138
Об игроках	141
О подхалимстве	144
О наушничестве	146
О фальши и надувательстве	149
О замалчивании правды	152
Корабль бездельников	154
О застольном невежестве	158
Извинение поэта	162
Мудрец	165
Заключение к «Кораблю дураков»	167

Ганс Сакс
ИЗБРАННОЕ

* Мейстерзингерские песни. Перевод
В. Микушевича

Римлянин и шестеро его сыновей	171
Черт на танцах	172
Мужик и свиная шкура	173
Коварный законник	175
Когда брак бывает счастливым	176
Аутсбургский волокита	176

Шванки и другие стихотворения

О виттенбергском соловье, чья песнь слышна теперь везде. Перевод В. Шора	178
Похвальное слово городу Нюрнбергу (отрывок). Перевод В. Шора	191
Разговор богов о смутах в Священной Римской импе- рии. Перевод Ю. Корнеева	194
Эпитафия, или Надгробная речь над прахом доктора Мартина Лютера. Перевод Ю. Корнеева	205
Шлаураффия. Перевод И. Грицковой	207
Семь жалующихся жен. Перевод А. Левинтона	211
Семь жалующихся мужей. Перевод А. Левинтона	215
Отшельник и его осел, или На всех не угодишь. Перевод Б. Тимофеева	219
Словопрение служанки с подмастерьем. Перевод Т. Гнедич	222
Сетования трех служанок на своих хозяек. Перевод С. Петрова	227
Девять шкур злой жены. Перевод Ю. Левина	229
Девять вкусов в браке. Перевод Б. Тимофеева	233
Повар и журавль. Перевод Б. Томашевского	237
Дворянин, шут и истина. Перевод Б. Томашевского	238
Подагра и Паук. Перевод Т. Гнедич	241
Аббатиса, штаны и юная монахиня. Перевод Б. Тома- шевского	246
Крестьянин и смерть. Перевод А. Энгельке	248
Два вора и баран. Перевод П. Карпа	251
Три бабы и тесьма. Перевод А. Левинтона	252
Купель юности. Перевод С. Петрова	254
Пономарь и цапля. Перевод А. Энгельке	255
Три смерти, вызывающие радость. Перевод Ю. Левина	257

Спор Эйленшпигеля с епископом об изготовлении очков. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	259
Сетования трех хозяек на своих служанок. <i>Перевод</i> <i>С. Петрова</i>	263
Короткая беседа о пьянстве — вреднейшем пороке. <i>Пере-</i> <i>вод В. Шора</i>	265
Бедный башмачник и богатый жадный бюргер. <i>Перевод</i> <i>А. Энгельке</i>	268
Святой Петр и коза. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	270
Сатана не пускает ландскнехтов в ад. <i>Перевод Б. Пури-</i> <i>шева</i>	273
Закливание ведьм. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	277
Святой Петр и ландскнехты. <i>Перевод Б. Тимофеева</i>	281
Глупый мельник и мошенники. <i>Перевод А. Левинтона</i>	283
Святой Петр, Господь и ленивый батрак. <i>Перевод Б. То-</i> <i>машевского</i>	287
Восемнадцать прелестей девушки. <i>Перевод Ю. Левина</i>	289
О том, как черт женился на старухе. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	291
Упрямый монах и кувшин. <i>Перевод П. Карпа</i>	294
Собачий хвост. <i>Перевод И. Шафаренко</i>	298
Священник в ризе. <i>Перевод В. Шора</i>	302
Кузнец, болевший зубами. <i>Перевод Т. Сильман</i>	305
Скупой крестьянин и его ленивый, прожорливый бат-	
рак Гейнц. <i>Перевод Ю. Левина</i>	308
Дьявол стережет развратницу. <i>Перевод Б. Томашевского</i>	313
Фюнзингенские крестьяне. <i>Перевод Е. Эткинда</i>	317
Почему собаки так ненавидят кошек, а кошки мышей? <i>Перевод В. Адмони</i>	322
Монах и украденный петух. <i>Перевод А. Левинтона</i>	324
Дворянка и угорь. <i>Перевод Т. Сильман</i>	327
Монах и каплун. <i>Перевод В. Щепотева</i>	331
Монах Цвейфель и его святыня. <i>Перевод В. Щепотева</i>	335
Переполюх в Гирзау. <i>Перевод В. Щепотева</i>	338
Мельник и студент. <i>Перевод П. Карпа</i>	342
Почему крестьяне мельникам не верят. <i>Перевод Д. Гор-</i> <i>финкеля</i>	345
Откуда взялись лысые мужчины. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	349
Кухарка-лакомка. <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	352
Черт с индульгенцией. <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	355
Отшельник и кувшин с медом. <i>Перевод Б. Томашевского</i>	358
Помещик и монах. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	362
Королевич и нечистая сила. <i>Перевод Е. Полонской</i>	365
Сердобольные дворяне. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	368
Три вора на крыше. <i>Перевод И. Шафаренко</i>	370

Портной и флаг. <i>Перевод П. Карпа</i>	374
Матвей Остаток и гороховое поле. <i>Перевод С. Петрова</i> .	378
Враг дочкам. <i>Перевод С. Петрова</i>	382
Ленивый крестьянин и его собаки. <i>Перевод П. Карпа</i> .	386
Сапожник растягивает кожу зубами. <i>Перевод Д. Горфин- келя</i>	388
Купец и вольнка. <i>Перевод С. Петрова</i>	393

Ф а с т н а х т ш п и л и

Школяр в раю. <i>Перевод Е. Полонской</i>	396
Испытание каленым железом. <i>Перевод А. Левинтона</i> .	408
Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне. <i>Пере- вод Е. Эткинда</i>	417
Извлечение дураков. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	429
К о м м е н т а р и и <i>Е. Маркович и А. Левинтона</i> . . .	447

Б87   **Брант С.** Корабль дураков; **Сакс Г.** Избранное: Пер. с нем. / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Вишпер и др.; Предисл. Б. Пуришева; Коммент. Е. Маркович и А. Левинтона. — М.: Худож. лит., 1989. — 478 с. (Б-ка лит-ры Возрождения).

ISBN 5-280-00639-4

В настоящий том включены знаменитая стихотворная сатира «Корабль дураков» Себастиана Бранта (1458—1521) и избранные стихотворения и поэмы крупнейшего представителя буржуазной немецкой литературы XVI столетия Ганса Сакса (1494—1576). В своих произведениях Брант и Сакс бичуют пороки разных сословий тогдашнего общества.

Б 4703010200-248 — 113-89
028(01)-89

ББК 84.4Г

СЕБАСТИАН БРАНТ

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

ГАНС САКС

ИЗБРАННОЕ

Редактор *И. Солодунина*

Художественный редактор *Л. Калитовская*

Технические редакторы *Л. Платонова, А. Кашафутдинова*

Корректор *Т. Калинина*

ИБ № 4925

Сдано в набор 14.12.88. Подписано к печати 25.09.89.

Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Эк-сельсиор». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 51,03.

Уч.-изд. л. 24,66. Тираж 200 000 экз.

Изд. № VI-3237. Заказ № 2923. Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература».

107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, Калинин, пр. Ленина, 5.